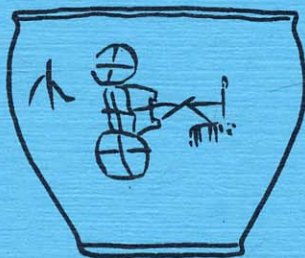

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ДРЕВНИЕ ОБЩЕСТВА
ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА**
(ранние комплексные общества и
вопросы культурной трансформации)

Санкт-Петербург
2000

**THE INSTITUTE FOR THE MATERIAL CULTURE HISTORY
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**ANCIENT SOCIETIES
AT THE SOUTH OF EASTERN EUROPE
IN PALAEOMETALLIC EPOCH**
(early complex societies and the problems of
cultural transformation)

**Evropeiskiy Dom
Saint-Petersburg
2000**

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ДРЕВНИЕ ОБЩЕСТВА
ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА**
(ранние комплексные общества и
вопросы культурной трансформации)

**Европейский Дом
Санкт-Петербург
2000**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ
Вып. 63

Книга подготовлена и печатается при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда.
Проекты 99-01-16155 и 96-01-00004
*“Культурная трансформация и ранние комплексные общества
Восточной Европы”*

Настоящая книга входит составной частью серию изданий:

Часть 1. В. М. Массон. Палеолитическое общество
Восточной Европы. СПб, 1996.

Часть 2. Древние общества Кавказа
в эпоху палеометалла. СПб, 1997.

Часть 3. Древние общества юга Восточной Европы
в эпоху палеометалла. СПб, 2000.

На обложке: Сосуд срубной культуры
из могильника Сухая Саратовка
с изображением колесницы.

ISBN 5-8015-0063-4

© Институт истории материальной культуры РАН, 2000
© Европейский Дом, 2000

**ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
В ДОСКИФСКИХ ОБЩЕСТВАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Регион Восточной Европы отличает многообразие природно-климатических условий, что вело к выработке различных хозяйственных стереотипов. Это сказывалось на формировании образа жизни и на культурно-историческом развитии. Открытость пространств юга этого региона, способствовавшая сравнительно легким широтным передвижениям, в свою очередь усиливала мозаичность древних культур за счет ассимиляции и других форм взаимодействий. Не удивительно, что здесь сосредоточен огромный пласт археологической информации, составляющий благодарную основу для культурогенетических изысканий. Разработка этого пласта началась в отечественной археологии сравнительно рано, и не случайно здесь были уже давно выявлены эталонные комплексы и свиты комплексов вроде трипольской культуры. Таковы же серии курганных страт на Донце, отражающие динамику изменений в зоне степных культур, столь блистательно исследованные В. А. Городцовым. Почти скачкообразное увеличение информации произошло в 70—80-е годы, когда здесь были развернуты широкие новостроечные работы, в сам цикл которых законодательно включались археологические исследования. Эти работы сопровождались и активной издательской деятельностью, в ходе которой археологи Молдавии, Украины и России издали десятки различного рода книг и сборников. С распадом Советского Союза масштабы таких полевых исследований кардинально сократились, а в издательской деятельности, особенно Украины и Молдовы, налицо печальный застой, резко контрастирующий с расцветом печатной продукции по археологии, наблюдавшимся два предшествующие десятилетия.

Наряду с выявлением новых материалов, характеризующих древнюю историю Восточной Европы формируются разработки и его исторической интерпретации. Естественное внимание привлекала, в первую очередь, смена одних культурных комплексов другими, порой резко отличными от своих предшественников, располагавшихся на той же территории. Стихийно литературным объяснением в таких случаях становятся заключения о приходе нового населения, тем более что античная традиция, повествующая о тех же южных степных районах, устойчиво говорила о передвижениях киммерийцев и скифов. Более системные теоретические разработки были связаны с утверждением теории стадильности — одного из краеугольных камней советской археологии конца 20-х — начала 30-х годов. В исходных методологических позициях этой теории предусматривалось, что все изменения в культуре объясняются скачкообразными изменениями в социально-экономическом развитии (Лебедев 1992: 424). С запальчивостью, характерной для т. н. “критики буржуазной археологии” ниспровергались “миграционистские” выводы и построения и предпочтение отдавалось автохтонному развитию, последовательно проходившему социально-экономические и соответственно культурные изменения. Постепенно стала формироваться склонность к гиперавтохтонизму. Своеобразным пережитком этой мировоззренческой установки стали в 50—70-е годы многие построения по древнейшим периодам в региональных историях союзных и автономных республик, вплоть до стремления обнаружить исключительно местные очаги не только культурогенеза, но и антропогенеза.

Эти разработки не обошли стороной и восточноевропейские материалы. Для трипольской культуры подразумевалось априорное автохтонное происхождение. Перемены, происходящие на поздней фазе развития Триполья, стремились связать с изменениями в хозяйственной сфере в первую очередь (Кричевский 1941). Весьма характерна в плане доминирующих теоретических установок книга А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого "Родовое общество степей Восточной Европы" (1935). С самого начала авторы заявляют об исходной посылке, в значительной мере предваряя подход, названный в построениях т. н. "новой" археологии" 60-х годов, гипотезо-дедуктивным методом. В книге сразу после историографических разделов следует раздел, прямо озаглавленный "Проблемы стадиальности". Отметая "теорию миграции", авторы прямо заявляют, что погребения со скорченными костяками — этап в общественном развитии, отражающий смену общественно-экономических отношений (Круглов, Подгаецкий 1935: 32). Соответственно в I стадии, куда ими были отнесены древнейшие памятники, они усматривали черты матриархального рода, тогда как на последующей "стадии II" — возникновение и развитие патриархальной семейной организации. Все дальнейшее изложение, во многом интересное и скрупулезное, подчинено этим изначально сформулированным постулатам.

В принципе теория стадиальности в той мере, в какой она развивалась в отечественной археологии, идеологически и методологически вытекает из аксиом и менталитета формационного эволюционизма, как можно именовать доминировавший в советской исторической науке вариант исторического материализма (Массон 1996: 9). При наличии в самой теории стадиальности разумных методологических посылок в результате абсолютизации и господствовавшего стиля догматизма этот подход порой доводился до абсурда особенно в области этногенеза, на которую он также стремился претендовать.

Своего рода естественной реакцией на этот упрощающий догматизм было повторное обращение к объяснениям, опирающимся на концепцию перемещения племенных групп с присущими им культурными комплексами. Наиболее ярко это проявилось в книге С. Н. Бибикова, вызвавшей в этой связи нелицеприятную полемику (Пассек 1954). В качестве альтернативы упрощенному автохтонизму С. Н. Бибилов вернулся с большим размахом к идее расселения раннеземледельческих племен из западного ареала, удачно применив к этому процессу формулу К. Маркса о давлении избытка населения на производительные силы (1953). В дальнейшем, с ослаблением догматических пут в исторической науке вопросы о наличии миграций как одной из форм реального исторического бытия специально рассматривался на примерах раннеземледельческих племен и других древних культур (Массон 1964, гл. 6: "Перемещения раннеземледельческих племен": 395—449; Мерперт 1978).

С начала 80-х годов ленинградская школа начала разработку вопросов культурогенеза исходя из того, что археологические материалы отражают, в первую очередь, именно изменения в культуре, в основном в ее материализованных формах. Эти разработки прилагались и к материалам степной зоны Восточной Европы (Шарафутдинова 1981). Изменения в культуре, должным образом классифицированные на познавательном уровне, отражают разнообразные перемены, происходящие в древних обществах, от закономерных, "стадиальных" изменений до прямого перемещения групп населения, обычно именуемого миграциями. При этом выделяются различные типы культур — эпохальный, могущий быть и диахронным, связанный с определенным уровнем социально-экономического развития (тип раннеземледельческих обществ, тип первых цивилизаций) и региональный, имеющий уже более жесткие территориальные и хронологические рамки. Выделяются и два основных типа развития — спонтанная и стимулированная трансформация (Массон 1996а: 40 и сл.). При спонтанной трансформации новые модели и эталоны

(инновации) складываются в основном за счет внутренних механизмов и стимулов. При этом большую роль играют культурные мутации, ведущие на местах к скачкообразному появлению новых стандартов. По существу это теоретическая посылка, общая с теорией стадильности, которая гипертрофировала этот подход и объявила монополию на его применение как единственно верный. Второй тип развития — это стимулированная трансформация, когда культурные изменения происходят под косвенным воздействием внешних импульсов, но без прямого заимствования. Механизмы, ведущие к стимулированной трансформации, могут быть различными. Это и диффузия, особое значение которой придавал Г. Чайлд, и экспортное передвижение объектов, особенно приобретающих функцию маркировки повышенного благосостояния и престижности, и переселение племен, ведущее не к полной смене населения, а к различным формам симбиоза и ассимиляции. По существу нет оснований абсолютизировать какой-либо один подход, поскольку они зачастую вскрывают лишь различные стороны одного и того же явления, именуемого историческим и культурным развитием.

В культурогенезе юга Восточной Европы выделяются три блока особо значимых явлений. Первый — это трипольский феномен, роль и значение которого особенно зазвучали с обнаружением гигантских трипольских суперцентров. Второй — образование первых великих степных обществ, первым из которых была ямная или древняямная культурная общность. Ее историческая роль была не менее значимой, чем трипольского феномена, хотя материальная культура этой общности по сравнению с Трипольем выглядит бедной и невыразительной. И, наконец, третий блок — это пучок инноваций в Волго-Уральском регионе в пору поздней бронзы, не без оснований выделенном В. С. Бочкаревым как очаг культурогенеза (1991).

Достаточно определенно вырисовывается культурогенез трипольской культуры или трипольской культурной общности, если прибегать к терминам трехчленной иерархии. Ее западные генетические истоки, за которые С. Н. Бибилов был вынужден биться с открытым забралом в противостоянии прямолинейно примитивно понимаемой стадильности, археологически достаточно четки. Об этом прямо писал Г. Чайлд еще в пору дискуссий на сей счет, протекавших в отечественной литературе. Он отмечал, что эта культура в основе своей является дунайской и образование ее было связано с продвижением на восток культур дунайского типа (Чайлд 1952: 206). В принципе нет сомнений в том, что Триполье входит в обширный блок раннеземледельческих обществ балканского типа. Это общее положение приобрело и черты уже число археологических реалий. Исходным пластом для формирования древнейшего комплекса Кукутени-Триполье послужила культура Боян. Слои с материалами этой культуры, подстилающими трипольские материалы, были обнаружены в ходе исследований и самой Т. С. Пассек, долгое время скептически настроенной к “миграционистским” концепциям (Пассек 1961). Достаточно определены и соответствующие типологические цепочки, особенно в керамике. В терракоте не исключены связи с традициями памятников типа Криш (Збеневич 1980: 173). В ходе расселения носители нового культурного образования частично ассимилировали абorigенов. В более западных областях это, видимо, было население культуры линейно-ленточной керамики. Начиная с Побужья речь может идти о племенах неолитической буго-днестровской культуры, начавших первые шаги по пути перехода к экономике производства пищи. Определенные археологические свидетельства об этом имеются (Шапошникова, Товкайло 1989), хотя, разумеется, ни о каком культурном симбиозе речи не могло быть: бытовое превосходство материальной культуры Триполья в сравнении с буго-днестровской архаикой было безусловно подавляющим.

Трипольская общность, сформировавшаяся в ходе расселения раннеземледельческих племен с культурой балканского круга и частичной ассимиляции местного населения, далее характеризуется преимущественно спонтанной трансформацией. Этот культурный процесс отражал естественные временные, в основном эволюционные изменения, смену мод и эволюцию стилей прикладного искусства. Продолжалось увеличение освоенных территорий в ходе естественной колонизации. На среднем этапе широко осваивается днестро-днепровское междуречье, где начинают формироваться крупные населенные пункты, знаменитые трипольские суперцентры. Вместе с тем на широкой площади расселения начали проявляться черты дивергенции, складываться локальные культурные варианты. Украинские археологи достаточно полно характеризуют два больших культурных ареала, формирующихся в рамках трипольской общности — западный и восточный. Для первого характерно преобладание в орнаментации керамики расписных узоров и сохранение взаимодействий с миром балканских культур, тогда как на востоке предпочтение отдавалось углубленной орнаментации посуды (Мовша 1975; Археология СССР 1975: 210 и сл.; Цвек 1980). Социально-политическая рыхлость даже достаточно масштабных раннеземледельческих обществ отличала их от государственных образований, где централизация в определенной мере влияла и на культурогенез. В результате эти общества в большей мере были подвержены процессу дивергенции (Массон 1995). Определенная локальная мозаичность усиливалась в ходе перемещения групп населения уже в пределах общетрипольского ареала.

Особую проблему представляет вопрос о взаимодействии трипольского населения с его восточными соседями, принадлежащими, в основном, к миру степных племен. Хотя неоднократно ставился, особенно Т. Г. Мовшей, вопрос о проникновении в среду трипольского населения степного компонента (1961; 1993), найти этому подтверждения в сфере материальной культуры достаточно сложно. Кухонная посуда, к которой апеллирует Т. Г. Мовша, могла в своем оформлении быть связанной с функциональными потребностями, лежащими вне рамок собственно культурных традиций. Иначе дело обстоит с появлением наборов артефактов трипольского круга в восточных областях, в составе инвентаря степных курганов или даже небольших поселений. В большинстве своем речь, скорее всего, должна идти о прямых импортах, будь то статуэтки или нарядная посуда, явно представлявшая собой компонент престижных проявлений в сфере бытовой культуры. Возможно, на среднем этапе Триполья предпринимались попытки дальнейшего продвижения трипольских общин в восточном и юго-восточном направлении (см., например, Мовша 1990). Но в иной природной среде, не благоприятствующей традиционным хозяйственным системам, едва ли это были перспективные проявления. Как отмечает В. Г. Збеневич, такое трипольское население не было многочисленным и поселки едва ли обживались в течении длительного времени (1976: 64). Другое дело, что с деградацией трипольской общности на территории традиционного обитания этого общества проникают степняки, оставившие там серию типичных курганных погребений ямной общности (Дергачев 1986). Примечательно, что такая могила была сооружена прямо на территории одного из трипольских суперцентров, причем для насыпи были использованы остатки глинобитных компонентов больших трипольских домов (Шмаглий и др. 1976; Шмаглий, Видейко 1987).

Явления дивергенции еще сильнее сказываются в пору позднего Триполья, когда одновременно идет процесс внутренней перестройки и постепенной дезинтеграции некогда мощного культурного единства. Скорее всего речь должна идти о формировании в обширном трипольском ареале отдельных культур, что хорошо видно на примере Усатово. Расписная керамика типично трипольских традиций не оставляет сомнений в подобной линии связей. Но не ясно, в какой мере населе-

ние, включившее в свой погребальный обряд такую типично степную черту, как курганные гробницы, может в полной мере считаться трипольским. Местная степная подоснова Усатова не вызывает сомнений, хотя имеются разногласия по поводу того, считать ли ее восходящей к памятникам суворовского типа Северо-Западного Причерноморья или к культуре типа Чернавода (Манзура 1990). Во всяком случае определенный симбиоз наличен. Но это были уже угасающие проявления некогда мощной культурной традиции. Трипольская культура фактически исчезает, и появление ямных курганов на руинах некогда процветающего трипольского суперцентра Майданецкого является в этом отношении знаменем эпохи кардинальных перемен. Разумеется, прямые заключения о крушении трипольского общества под ударами степняков едва ли исторические адекватны и археологически документированы. Но давление с востока могло сыграть определенную роль в деградации и угасании ослабевшего социо-культурного феномена, повторявшего судьбу других аналогичных образований балканского круга.

Если в Триполье происходило естественное расширение ареала одного культурного комплекса определенного исторического типа, то в обширной степной зоне Восточной Европы, куда, безусловно, по особенностям исторического развития примыкали и азиатские степи, процесс культурогенеза носил принципиально иной характер. Здесь формировались не только новые культуры и культурные общности, но и вообще принципиально новый тип культур, связанный со степным образом жизни, как особые проявления адаптационных возможностей общества. Многие параметры этого образа жизни сохраняют свое значение, пройдя многие исторические эпохи и катаклизмы. В данном случае экономика, в которой скотоводство в подвижных формах, играло особую, а иногда даже и ведущую роль, а адаптационные механизмы выработали устойчивые формопроявления, типичные именно для данной природной ситуации. Оптимальной формой степного образа жизни стали кочевые культуры, утвердившиеся в степной зоне с началом первого тысячелетия. Но основной пласт специфических особенностей сложился еще в пору палеометалла. Степной образ жизни привел к выработке особого типа жилища, часто разборного и легко переносимого, особых форм посуды, специфических как по материалу (большая роль кожаных и деревянных изделий), так и по формам (большая роль круглодонной керамики или сосудов на ножках). Были выработаны и формы одежды: от мягкой безкаблучной обуви до поясного ремня, характер которого часто носил престижно знаковую функцию. Сформировался и особый погребальный обряд от курганной насыпи, весьма впечатляющей на открытых просторах, помещения в могилу различного рода повозок — транспортного средства, особенно существенного для передвижения на большие расстояния, до памятных стел — каменных или деревянных — на вершине насыпи. Вырабатывались особые эстетические модели и эталоны (Массон 1989). Все это ярко проступает уже в пору палеометалла, для чего достаточно сравнить мир материальной культуры Триполья и культуру степей. Это были два культурных мира, два образа жизни, хотя в отдельных проявлениях и влияющие друг на друга.

Степной образ жизни в определенной мере мог утверждаться как конвергентное явление естественной адаптации, хотя, разумеется, мутационные инновации могли заимствоваться у соседей, как оптимальные или модные образцы. В столь обширной зоне как евразийские степи заметную роль играли и процессы дивергенции в различных сферах, включая хозяйственную деятельность. Так совершенно ясно, что исходные пары мелкого рогатого скота были заимствованы из области первичного одомашнивания. Но связанные с ними формы скотоводства в разной природной ситуации приобретали локально специфические черты, соответствующие даже изначально стереотипам данного вида животных особей. Обширные

просторы сказывались на своего рода ритмах чередования становления крупных культурных общностей и последующего расхождения в их рамках отдельных групп как результата естественной культурной дивергенции.

Исходные черты степного образа жизни, судя по погребальному обряду, формируются сравнительно рано. Таково возникновение курганных надмогильных насыпей. Соответствующая трансформация погребальных обрядов особенно впечатлительна по материалам культуры, именуемой И. Ф. Ковалевой постмариупольской (Ковалева 1992; Ковалева, Потехина 1991). Здесь в подкурганных могилах костяки лежат в вытянутом положении, еще следуя архаической неолитической традиции мариупольской культуры. Но сама насыпь уже свидетельствует о качественных инновациях. Курганы имеют в диаметре от 6 до 20 метров и нередко окружены дополнительно кольцевым рвом. Стремление заключить членов общества в замкнутый круг, позднее представленное в овальных укреплениях поздней бронзы, здесь уже налицо. Не исключено, что обряд могильников с курганными насыпями развивался в степной зоне как конвергентное явление. Подобные изменения от утверждения нового образа жизни до распространения скотоводства и начатков металлургии наблюдаются повсеместно в степной зоне, причем их проявление в разном культурном контексте свидетельствует о том, что перед нами общий эпохальный процесс. Пик интенсификации этих культурных процессов был достигнут в пору формирования ямной, катакомбной и срубной общностей, которые с полными основаниями можно именовать первыми великими степными обществами (Массон 1998). В степной зоне временами устанавливается относительное культурное единство, приходящее на смену культурной мозаике предшествующего периода. Судя по всему, культурные эталоны ямного типа сформировались в приволжских районах. Их распространение на обширной территории, скорее всего, отражает процесс стимулированной трансформации. Здесь безусловно имело место переселение отдельных групп населения. Вместе с тем, новые культурные и поведенческие стандарты стали эталонами эпохи и легко усваивались различными племенными группировками. При этом разнообразие местных традиций, вливавшихся в общий культурный поток, во многом обусловило и территориальное разнообразие. В частности, в западных областях исходным пластом для ямного культурного комплекса стали, судя по всему, памятники среднестоговского типа. Сходные процессы культурной трансформации характерны и для времени существования катакомбной общности. Центр ее был иным, чем у ямных комплексов, но сама структура многочисленных локальных вариантов или, как предпочитают говорить исследователи, культур катакомбной общности, по существу та же. Это были различные сочетания местных, в том числе и ямных, традиций с новыми эталонами — погребальным обрядом и нарядной посудой, которая уже полностью порвала с архаической керамикой рыболовов каменного века, наследие которой еще ощущалось в грубых сосудах ямной общности.

Третьим, особо значимым блоком трансформационных изменений в доскифскую эпоху стали процессы, происходившие в конце периода средней бронзы и в начале поздней бронзы (по таксономии отечественных исследователей) в Волго-Уральском регионе. Следует иметь в виду, что такие формы как спонтанная и стимулированная трансформация не только практически редко выступают в чистом виде, но не исчерпывают собой все виды культурных изменений. В данном случае особое значение имели культурный синтез и симбиоз. Однако они дали отнюдь не эклектические соединения, а новую устойчивую культурную общность, оказавшую мощное воздействие на всю историю степной зоны. У истоков этого явления стояли события, довольно обычные для рассматриваемого региона — расселение групп общин, стойко приверженных собственной культурной традиции. Мы имеем в виду

Абашево, продвижение которого в восточном направлении создало культурную подоснову последующих изменений. Территориальная протяженность и локальная вариабельность позволили исследователям говорить об абашевской культурной общности с тремя местными культурами — волжско-донской, средне-волжской и уральской (Пряхин 1980), часто именуемой по первому полно исследованному памятнику баланбашевской (Горбунов 1992: 143). Само происхождение Абашево довольно оживленно дискутируется в литературе. Охватывая зону уже не чисто степей, а лесостепей, Абашево безусловно обнаруживает культурные связи с миром степняков, о чем свидетельствует прежде всего сам курганный обряд погребения. Однако целый ряд других показателей уводит в северо-западные регионы, что позволяет говорить об общей генетической подоснове Абашево и культур круга шнуровой керамики (Горбунов 1992: 152). На это направление генетических соответствий указывают, в частности, украшения, тщательно проанализированные О. В. Кузьминой (1992: 58). Нельзя не отметить, что само Абашево, а, следовательно, и абашевское общество отличается стойким единством культурных традиций, которым оно неизменно следовало, осваивая новые области и районы. Совершенно прав В. С. Горбунов, говоря о большом информационном и энергетическом потенциале абашевской популяции, назвав это явление “этнокультурной энтропией” (1992: 197). Эти мощные и устойчивые традиции предопределили значительную роль абашевского пласта в последующей культурной истории Волго-Уральского региона.

Характер происходивших изменений справедливо оценивается исследователями как качественный скачок, носивший едва ли не взрывной характер. Примечательные перемены происходят почти во всех сферах жизнедеятельности. Появляются новый тип поселений — овальных в плане укрепленных крепостей, новый вид погребений элитного характера с оружием, с одноосными колесницами. Если сами колесницы не сохраняются или не помещались в гробницы, представлены костяные псалии от конской узды и многочисленные конские захоронения — целые или частичные. Некоторые авторы подчеркивают также наличие неких общих черт в оформлении погребальных камер и позе костяков и даже керамики (Васильев, Кузнецов, Семенова 1995). Кардинальные перемены, а по существу технологический скачок происходит в сфере металлургии и металлообработки (Бочкарев 1991). Входят в широкое употребление оловянистые бронзы, используются для отливки каменные модели, вырабатывается такой специфический прием как литье “слепой” втулкой.

Систематика археологических проявлений этих новаций переживает, по существу, начальную стадию. По первому впечатлению, которое, учитывая опыт и интуицию исследователей, зачастую оказывается справедливым, но требует тщательного типологического обоснования, обычно говорят о трех культурах — покровской, синташтинской и петровской (Бочкарев 1995). Иногда в особую группу (культуру?) выделяются памятники бассейна Дона (Васильев, Кузнецов, Семенова 1995) типа Власовского могильника и Филатовского кургана, недавно достаточно полно изданных А. Т. Синюком (1996).

Намечается достаточно обоснованная цепочка типологических соответствий, проливающих свет на генезис комплексов этого типа. Нет особых сомнений в том, что их подоснову составляли комплексы абашевского типа, в частности, баланбашевская культура. Абашоидная подоснова ощущается и в поволжских памятниках, хотя там она, видимо, выступает через посредство иных культурных образований (Кузьмина 1992: 74—75). Однако проблема не исчерпывается бесспорным исходным пластом культуры волго-уральских аборигенов. Исследователи настойчиво говорят о восточных воздействиях и влияниях. Речь идет, в первую очередь, о Турбине, где в полной мере представлены те технологические новшества в сфере ме-

таллургии, о которых писал Бочкарев. Турбинские инновации в блоке металлических изделий не оставляют сомнений в этом, что подробно рассмотрено в данном сборнике О. В. Кузьминой. Но само происхождение комплекса типа Турбина остается неясным. Как пишет В. С. Бочкарев, феномен Сеймино-Турбино не укладывается в традиционные нормы археологической таксономии (1991: 26). Прямые аналогии бронзовых изделий Сеймино-Турбино с западно-сибирской общностью типа Самусь сомнений не вызывают. Е. Н. Черных предлагал даже красочную гипотезу о продвижении культуртрегеров, коневодов и металлургов из весьма далеких областей — чуть ли не с Алтая (Черных, Кузьминых 1987: 100—101). Разумеется, как технологическое новшество, например, втульчатые наконечники копий, столь близкие в Самуси, Турбине и памятниках синташтинского круга, могли быть изобретены как культурная мутация в любой точке и в любой металлургической провинции. Однако реализация этих новшеств, особенно в широких масштабах, была возможна лишь при наличии соответствующих общественных предпосылок. Можно считать, что именно в Волго-Уральском очаге социальная ситуация с развитием военных конфликтов постоянно перемещающихся групп населения стимулировала развитие военной функции в обществе и выдвижение военных лидеров. Определенные свидетельства военно-политической напряженности заметны уже по позднеабашевским памятникам, где встречены коллективные захоронения воинов, видимо, погибших в ходе вооруженных конфликтов. Разумеется, пешее абашевское ополчение едва ли могло противостоять вооруженным всадникам, а тем более колесничим. Судя по всему в этом регионе началось развитие по военно-аристократическому пути политогенеза, что ярко проявилось в формировании культур нового типа. В этих условиях новая технология получала особенно благоприятную среду, и своего рода социальный заказ на передовое по тем временам вооружение с блеском выполнялся независимо от того, какие изобретатели создали новые типы и разработали новую технологию. Во всяком случае, на далеком Алтае, если даже типологические соответствия подтвердят это построение, такая ситуация отсутствовала, и сравнительно бедное население окуневско-афанасьевского круга довольствовалось архаичными предметами вооружения, к тому же не получившими широкого распространения. В 1991 г. В. С. Бочкарев сформулировал положение о существовании в пору поздней бронзы Волго-Уральского очага активного культурогенеза, вызвавшего к жизни целый блок культур синташтинского типа (Бочкарев 1991). В целом это предложение было встречено положительно и даже с энтузиазмом (Отрощенко 1995), хотя некоторые исследователи со скепсисом отнеслись к идее некоей, именно волго-уральской “монополии” (Пряхин 1995). Но с точки зрения культурогенеза, всплеск процесса трансформации и формирования новых синкретических эталонов не вызывает сомнений. Социологически это, видимо, было связано с активным процессом развития местного варианта раннего комплексного общества, что подробнее будет рассмотрено в дальнейшем. Эта же концепция, может быть, наряду с гипотезой об уходе активной (индо-арийской?) верхушки на просторы Средней Азии и далее на юг, объясняет наступившую в постсинташтинское время стабилизацию, а затем и стагнацию.

В этой связи с позиций культурогенеза и общего хода исторического процесса хотелось бы обратить внимание по крайней мере на одну особенность развития обществ степной зоны. Здесь ярко выступают ритмы, сочетающие периоды активного культурогенеза и формирования новых устойчивых обществ с этапами их дезинтеграции и локальной дифференциации. Позднее пульсирующие ритмы культурогенеза наряду с миграциями, получившими после перехода к кочевому номадизму кардинально новые возможности, составляют характерную черту истории евразийских степей, выпукло рисуя сложный, диалектически неоднозначный характер

исторического процесса с перерывами постепенности и эволюционизма, с порогом застоя, стагнации и даже попятного движения.

- Археология Украинской ССР. 1985. Т. 1. Первобытная археология. Киев.
- БОЧКАРЕВ В. С. 1991. Волго-Уральский очаг культурурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурурогенез в исторической перспективе. СПб.
1995. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурурогенеза эпохи бронзы // КИД.
- БИБИКОВ С. Н. 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре / МИА СССР. № 38. М.; Л.
- ВАСИЛЬЕВ Н. Б., КУЗНЕЦОВ П. Ф., СЕМЕНОВА А. П. 1995. Проблема перехода от эпохи ранней к эпохе поздней бронзы на Урале, Волге и Дону // РиВ.
- ГОРБУНОВ В. С. 1992. Бронзовый век Волго-Уральских лесостепей. Уфа.
- ДЕРГАЧЕВ В. А. 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзового века. Кишинев.
- ЗБЕНОВИЧ В. Г. 1976. К проблеме связи Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
1980. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев.
- КОВАЛЕВА Н. Ф. 1992. Энеолитические курганы у села Чкаловское Днепропетровской области // ПАП.
- КОВАЛЕВА Н. Ф., ПОТЕХИНА Н. Д. 1991. Новые энеолитические постмариупольские погребения Приорелья // ПАП.
- КРИЧЕВСКИЙ Е. Ю. 1941. О процессе исчезновения трипольской культуры // МИА СССР. № 2.
- КРУГЛОВ А. П., ПОДГАЕЦКИЙ Г. В. 1935. Родовое общество степей Восточной Европы // Известия ГАИМК. Вып. 119. М.; Л.
- КУЗЬМИНА О. В. 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара.
- ЛЕБЕДЕВ Г. С. 1992. История отечественной археологии. СПб.
- МАНЗУРА И. В. 1990. О генезисе памятников усатовского типа // РПТК.
- МАССОН В. М. 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.
1989. Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
1995. Конвергенция и дивергенция в процессе развития древних культур // КИД.
1996. Палеолитическое общество Восточной Европы. СПб.
- 1996а. Исторические реконструкции в археологии. Самара.
1998. Эпоха первых великих степных обществ // АВ. № 5.
- МЕРПЕРТ Н. Я. 1978. Миграция в эпоху неолита и энеолита // СА. № 3.
- МОВША Т. Г. 1961. О связи племен трипольской культуры со степными племенами медного века // СА. № 2.
1975. Две параллельных линии в развитии Трипольской этно-культурной общности // Новые открытия советских археологов. Ч. 1. Киев.
1990. Актуальные проблемы истории позднетрипольского населения Днестровско-Днепровского междуречья // РПТК.
1993. Взаємовідносини степових і землеробських культур в епоху енеоліту — ранньобронзового віку // Археологія. № 3.
- ОТРОЩЕНКО В. В. 1995. Южно-уральский очаг культурурогенеза на оси пассионарных толчков // ДДР.
- ПАССЕК Т. С. 1954. Рец.: С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука Врублевская // ВДИ. № 2.
1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // МИА. № 84. М.
- ПРЯХИН А. Д. 1981. Абашевская культурно-историческая общность в советской историографии // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж.
1995. Доно-Волжско-Уральская лесостепь на стыке средней и поздней бронзы // РиВ.
- СИНЮК А. Т. 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- ЦВЕК Е. В. 1980. Трипольские поселения Буго-Днестровского междуречья (к вопросу о восточном ареале культуры Кукутени-Триполье) // Первобытная археология — поиски и находки. Киев.

- ЧАЙЛД Г. 1952. У истоков европейской цивилизации. М.
- ЧЕРНЫХ Е. Н., КУЛЬМИНЫХ С. В. 1987. Памятники сеймино-турбинского типа // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- ШАПОШНИКОВА О. Г., ТОВКАЙЛО Н. Г. 1989. Некоторые итоги исследования многослойного поселения Пугач на Южном Буге // Первобытная археология. Киев.
- ШАРАФУТДИНОВА Э. С. 1981. Традиции и инновации в культурах поздней бронзы и раннего железа на юге Восточной Европы // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.
- ШМАГЛИЙ Н. М., ВИДЕЙКО М. Ю. 1987. Исследование кургана эпохи бронзы на крупном трипольском поселении у с. Майданецкое // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев.
- ШМАГЛИЙ Н. М., ЗИНЬКОВСКАЯ Н. Б., ЗИНЬКОВСКИЙ К. В. 1976. Исследования трипольского поселения в Майданецком // АО 1975 г.

Н. М. Шмаглий, М. Ю. Видейко

ИЗУЧЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ МАЙДАНЕЦКОЕ *

Изучение крупного трипольского поселения у с. Майданецкое Тальновского района Черкасской области было начато Трипольской комплексной экспедицией ИА АН УССР в 1974 г.¹ В итоге исследований составлен план геомагнитной съемки поселения на площади около 300 га, включающий 1575 жилых и хозяйственных построек, расположенных по четырем оврагам (рис. 1). Данные плана указывают на наличие улиц, кварталов, площадей, входов в поселок, оборонительных систем. Использование аэро- и геомагнитной съемки способствовало раскрытию социально-хозяйственной характеристики древнего поселения.

В Майданецком раскопано около 50 жилищно-хозяйственных комплексов, а также 2 кургана, перекрывавших остатки трипольских построек. Всего вскрыта площадь около 10000 м². Анализ строительных остатков показал, что основными элементами жилищно-хозяйственных комплексов были двухэтажные постройки жилого и хозяйственного назначения. Масштабность построек (площадью от 50 до 300 м² и выше) и их вертикальное развитие обеспечивали компактное расположение многих просторных помещений под одной крышей. Это сочеталось с созданием богатого интерьера жилых построек, в которые входили многочисленные атрибуты быта и культа, оштукатуривание и покраска стен и потолков, устройство “подиумов”, орнаментированных алтарей, лежанок, вымосток. Наличие огромных объемов древних строительных работ, произведенных на поселении (общая площадь их на памятнике составила 150000 м²) свидетельствует о развитом трипольском домостроительстве.

Хозяйственный уклад жителей Майданецкого можно охарактеризовать как сложную и четкую организованную систему жизнеобеспечения крупного социального организма со стабильными внутренними связями и устойчивыми традициями. Основу экономики составляло земледелие, скотоводство и ремесла (гончарство, ткачество, домостроительство). Земледелие экстенсивного типа, с частой сменой полевых угодий, требовало контроля коллектива над обширной территорией, как в целях рационального использования земель, так и их защиты. Из анализа палеодемографических и палеоэкономических расчетов на материалах Майданецкого видно, что уровень оснащенности трипольских земледельцев вполне позволял им осуществлять уборку хлебов на значительных площадях (до 4000—5000 га), притом в самые оптимальные сроки. Внешние связи зафиксированы на уровне натурального обмена с другими локальными группами трипольского населения. В Майданецкое, например, извне поступали кремень, металл, некоторые керамические изделия.

---

* Для характеристики Майданецкого использованы тезисы Н. М. Шмаглия и М. Ю. Видейко, изданные в сборнике “Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине”. Киев. 1990. Социологическая интерпретация подробно изложена одним из авторов в статье, изданной в 1995 г. (Videjko 1995).

¹ В исследованиях приняли участие: Н. М. Шмаглий (руководитель работ), В. П. Дудкин (руководитель геофизических съемок), научные сотрудники: К. В. Зиньковский, К. В. Шишкин, М. Ю. Видейко, Н. Б. Бурдо, С. Н. Рыжов, В. И. Шумова; научные сотрудники Одесского археологического музея, Черкасского, Уманского и Тальновского краеведческих музеев; студенты-практиканты Киевского, Винницкого, Уманского пединститутов; учащиеся средних школ гг. Киева, Куйбышева, Умани, Тального, с. Майданецкого, Зеленьки, Вышнополя и др.

Общий облик поселения может быть охарактеризован следующим образом. На аэрофотоснимках поселения хорошо читаются эллиптические структуры, заметна квартальная застройка в центральной части (Шишкін 1973). В отдельных местах отмечены конкретные постройки, площади, улицы, въезды на поселение. Более подробным и точным является план поселения по данным магнитной съемки (Дудкин 1978; Шмаглий 1980). Геомагнитной съемкой на площади около 180 га выявлены магнитные аномалии, соответствующие остаткам 1575 различных построек. Их размеры и ориентация определялись по площади залегания обожженной глины-обмазки, представляющей собой обгоревшую часть глинобитных построек. Часть из них расположена в 4-х структурах, имеющих в плане форму эллипсов, вписанных один в другой. Нами дана нумерация этих эллипсов от центра к краям поселения. На разных участках эти структуры выражены с различной четкостью. Лучше всего читаются на плане первый, центральный эллипс и, отстоящий от него на 75—1200 м, второй. В юго-восточной части поселения хорошо видны четыре ряда построек, а в северо-западной и северо-восточной — лишь три. Постройки, расположенные в эллиптических структурах по длинной оси, как правило, ориентированы в сторону центра поселения. В центре поселения, в окружении 1-го овала застройки находилось 500 домов — треть от выявленных с помощью магнитной съемки. Часть из них, особенно в северной части поселения, образует на плане магнитной съемки прямые линии, напоминающие по очертаниям улицы и кварталы. Некоторые “улицы” начинались от въездов на поселение. Их длина достигала 100—200 м. В северной части Майданецкого несколько “улиц” стыкуются под прямым углом. Там же можно выделить несколько замкнутых структур, напоминающих “кварталы”. Кроме того, здесь отмечены особенно крупные объекты. Например, комплекс “Н”, аномалия от развалин которого имеет площадь около 600 м². В центральной части поселения раскопаны комплексы “К”, “Л”, “М” и яма 1. Среди них выделяется своими размерами (27 x 7 м), а также внутренней планировкой комплекс “М”. Первый, центральный эллипс имел размеры 800 x 1200 м и насчитывал до 225 глинобитных построек, остатки которых зафиксированы с помощью магнитной съемки. В этой части поселения раскопан комплекс “Ж” — несколько построек, расположенных вплотную одна возле другой. Рядом со строениями, с напольной стороны, К. В. Зиньковским зафиксирован оплыв глинобитной стены, располагавшейся в нескольких метрах от торцов домов. В промежутке найден открытый очаг и хозяйственные ямы. За пределами стены раскопана яма VI — землянка, превращенная впоследствии в хозяйственную яму. Можно предположить, что центральный овал застройки поселения был окружен глинобитной стеной. В кольце построек имеется несколько въездов, от некоторых из них к центру поселения идут радиусы-улицы. Особенно четко видны вытянутые в линию строения в северной части поселения.

Пространство между первым и вторым овалами не застроено. Расстояние между ними колеблется от 70 до 100 м. Второй овал имел размеры 1000 x 1400 м и насчитывал по данным магнитной съемки до 165 построек. Следует учесть, что лишь около пятой части второго овала не была охвачена съемкой. Это связано с тем, что северо-восточная часть поселения ныне застроена усадьбами жителей с. Майданецкого. Кроме того часть поселения выходящая на склон долины р. Тальянки была в 1973 г. разрушена при корчевке сада. Общее число построек во втором овале должно было быть, судя по плотности застройки на сохранившихся участках, примерно вдвое больше, чем это зафиксировано съемкой. Во втором овале было раскопано наибольшее количество жилищно-хозяйственных комплексов — 25 (“О”, “П”, “С”, “Т”, “У”, 1—7, 9, 10, пл. 3, “Е”-1, 2). Кроме того, здесь исследовано большое число хозяйственных ям. Как видно по плану, постройки во втором овале на большинстве участков располагались одна возле другой. Точно так же они

стоят одна возле другой на раскопанном участке. Здесь они образовывали такую же сплошную стену, как и на участке комплекса “Ж” в центральном овале. В юго-восточной части поселения второй овал местами сливается с третьим овалом застройки. Пространство между вторым и третьим эллипсами довольно хаотично застроено жилищами различных размеров, за исключением небольшого участка в северо-западной части поселения. Обращает на себя внимание скопление больше чем из 20 построек в северо-западном секторе, образующих замкнутую систему. Третий овал застройки имел размеры 1200 x 1800 м и насчитывал до 115 построек. Расстояние между вторым и третьим овалами составляло от 100 м в северной части до 40—50 м в западной и восточной и в основном было застроено. Надо отметить, что в северо-западном секторе часть его находится под современной застройкой и не была охвачена магнитной съемкой. Часть на берегу реки разрушена до съемки. Общее число построек в этой структуре должно было быть большим, чем зафиксированное на плане магнитной съемки. Третий эллипс застройки хорошо выражен в юго-восточной, юго-западной частях поселения. Он сходит на нет в северной части поселка, на северо-востоке упираясь в скопление построек между 2 и 3 эллипсами. В третьем овале раскопаны несколько отдельно стоявших комплексов — “Б”, “Р” и “З”-1, 2, различных по размерам и конструкции.

Четвертый овал застройки имел размеры 1300 x 1900 м и насчитывал 130 строений. Общее их число должно было бы быть большим, однако в восточной части поселения 4-й эллипс в древности выходил в пойму р. Тальянки и теперь затоплен водами заводского пруда, на дне которого в изобилии встречается обломки и фрагменты трипольской керамики. Кроме того, в северо-восточном секторе большой по протяженности участок находится под селом. Местами на плане магнитной съемки строения четвертого овала сливаются с постройками третьего и прослеживаются достаточно четко лишь в юго-западной части поселения. С наземной стороны в северной части поселения мы видим лишь три ряда построек. Там же, за пределами овала находится несколько десятков отдельно стоящих построек. Пространство между третьим и четвертым овалами, там, где они сосуществуют, застроено хаотично. В четвертом овале, в юго-восточном секторе поселения раскопан жилищно-хозяйственный комплекс “И” — крупная двухэтажная постройка, расположенная над урочищем Широка Долина.

На прошедшем этапе исследований в Майданецком была выполнена программа-минимум, включающая в основном составление плана поселения, отработку методики реконструкции строительных остатков, изучение керамического комплекса и других категорий материальной и духовной культуры его обитателей. Это позволило определить круг дальнейших задач по исследованию Майданецкого, как особого типа поселений трипольской культуры, в понимании вопроса о сущности этого исторического феномена.

Содержанием второго этапа в исследованиях Майданецкого должно стать изучение социально-демографической структуры крупного трипольского поселения, его архитектурно-планировочных ансамблей. Разработка проблем, связанных с категориями материальной культуры, отойдет несколько на второй план, будет носить вспомогательный характер.

Одна из проблем, связанных с поселениями-гигантами — это изучение их микрохронологии. Значительные размеры памятников существенно осложняют такого рода работу, так же как и отсутствие общепринятой методики такого исследования. В качестве источников для реконструкции микрохронологии Майданецкого, по нашему мнению, могли бы служить: 1) данные стратиграфии; 2) типолого-статистический анализ керамики; 3) данные археомагнитного датирования; 4) анализ планиграфии.

Ранее неоднократно высказывался ряд соображений относительно существования разных планировочных структур Майданецкого, процесса разрастания, причем спектр мыслей был весьма широким, а мнения зачастую противоположными. Нет необходимости доказывать, что от ответа на эти вопросы зависит решение проблемы трипольских “протогородов”. Ниже мы приводим данные по всем четырем возможным источникам для реконструкции микрохронологии памятника.

Стратиграфия. На поселении раскопано 15 ям разных типов, которые могут быть связаны с периодом, предшествующим строительству и существованию расположенных рядом построек. Это ямы 1, 2 и IV. Однако в их заполнении кроме обычных бытовых отходов присутствовало большое количество обожженной обмазки построек, которая образуется в момент гибели последних. Следовательно, эти постройки сгорели еще до прекращения жизни на поселении в целом. Классическим примером может служить заполнение ямы 2 (снизу вверх): 1) слой мусора 0,1—0,3 м; 2) слой обмазки от 0,3 до 0,7 м; 3) слой мусора 0,7—1,2 м; 4) заыв темного цвета. То есть после попадания в яму остатков сгоревшей постройки на этом участке памятника жизнь продолжалась, о чем свидетельствует накопившийся поверх обмазки слой мусора.

Еще более показательны остатки в ямах, перекрытых завалами построек. Так, в случае с ямой 3 зафиксировано сооружение на месте засыпанной ямы открытого очага прямо на земле. Над очагом был построен комплекс 2. Под остатками комплекса Я/1 была яма, заполненная почти доверху обмазкой, смешанной с золистыми остатками, керамическим боем; при этом, завал обожженной глины (площадка) на месте ямы не просел, т. е. яма к моменту гибели сооружения уже давно была заполнена доверху. Опять же есть основания связывать находки в яме с более ранней постройкой. Концентрация такого рода объектов в районе раскопок 1986—1989 гг. (комплексы “О” — “Я”, 1, 4) может свидетельствовать о наличии здесь некоего “первоначального поселка”, ликвидация которого могла произойти в процессе перепланировки этого участка поселения, связанного со строительством второго овала жилищ (от центра), в который и входили исследованные нами комплексы.

Такие процессы имели место и в других частях поселка: в центре (яма 1), в первом овале застройки (яма VI — комплекс “Ж”). Следовательно, можно говорить о существовании какого-то первоначального периода освоения территории Майданецкого, о чем свидетельствуют все эти остатки.

Типолого-статистический анализ керамики. Ранее представлялось, что именно это и будет иметь основное значение для разработки микрохронологии памятника. Однако в Майданецком этот метод практически не дал положительных результатов, несмотря на обилие материала для сопоставления — нами проанализирован материал из 22 комплексов (жилища, ямы, культурный слой).

Хотя в целом материала много, набор керамики в отдельных комплексах невелик — от 20 до 150 сосудов, в том числе много однотипных. При этом различия в наборе могут быть связаны с хозяйственной деятельностью. Поэтому процентные соотношения как типов сосудов, так и типов орнаментации могут отражать различные явления, не обязательно хронологические различия. Так, соотношение столовой и кухонной керамики очень различно — то 70 : 30 %, то 97 : 3 %, в среднем — 88 : 12 %. Формально жилища с большим количеством кухонной керамики следовало бы выделить в более поздний горизонт, однако столовая посуда, да и кухонная, в них идентична керамике соседних построек, где их соотношение иное.

Стилистически набор столовой керамики также един. Наличие “импортов” (керамики из отмученной глины), связанной с петренской и чечельникской группами, также не помогает выявлению различий, так как дробная периодизация этих групп не вполне разработана. Нет различия и с керамикой из ранних (стратиграфи-

чески) комплексов ям. Результат: керамический комплекс Майданецкого един и не отражает микрохронологии памятника, что не отрицает, однако, наличия таковой. Выход из ситуации видится в расширении исследований более ранних и более поздних томашевско-сушковских памятников (2, 4 фазы), материалы с которых пока что просто несопоставимы с майданецкими в количественном отношении.

Планиграфия памятника. Этот аспект уже достаточно освещен в литературе (Шмаглей 1980). Суждения, высказанные на основании анализа плана поселения, конечно, требуют подтверждения материалами раскопок. Сейчас подтверждено то, что овалы строились единовременно поскольку они представляют собой конструктивно целостную оборонительную систему (комплекс “Ж” — 1 овал, комплекс “О” — “Я”, 1—4 — 2-й овал). Возникали они единовременно, или последовательно — скорее всего последовательно, от центра к краям, о чем может свидетельствовать пространство без построек между первым и вторым овалами (однако строения в этом промежутке могли быть снесены при планировке фортификаций). Хаотичная застройка, характерная для района 3—4 овала, возможно и отражает какие-то строительные горизонты, так как не вписывается в жесткую регламентацию планировки, типичную для центральной части поселения. Это нуждается в проверке раскопками больших участков.

Археомангнитные датировки выполнены Г. Ф. Загнием. Даты укладываются в XXVII—XXIX вв. до н. э., их более 20-ти. Они указывают на существование памятника на протяжении приблизительно 150 лет. Даты фиксируют момент гибели построек. То есть одни постройки (исходя из дат) погибли раньше, другие — позже. Следовательно, поселение в разные периоды насчитывало разное число построек, и все насчитанные на плане 1575 объектов не существовали одновременно. Однако, этот вывод опровергается результатами раскопок. Так, участок комплексов “О” — “Я”, 1—4 един в архитектурном отношении и мог существовать лишь одновременно, что ясно из раскопок, но археомангнитные даты для разных участков этого ансамбля различаются на 50—100 лет. Напрашивается вывод, что эти различия к хронологии отношения не имеют, а связаны с точностью определения дат, возможно, из-за характера отобранных образцов. Сказанное не отрицает возможностей археомангнитного метода, однако, его применение для разработки микрохронологии поселений-гигантов, по нашему мнению, может быть существенно ограничено из-за непродолжительности существования последних (50—80 лет).

Анализ всего комплекса источников по микрохронологии Майданецкого позволяет прийти к следующим выводам:

- 1) поселение возникло и развивалось постепенно, достигнув размеров, зафиксированных на аэрофотоснимках на финальном этапе своего существования;
- 2) основная масса построек погибла тогда же, единовременно, при пожаре;
- 3) основное число жилищ было обитаемо единовременно;
- 4) можно выделить этап первоначального освоения площади поселка.

Модель развития поселения может быть представлена в настоящее время таким образом:

- а) этап освоения — существование жилищ (групп жилищ) на всей площади поселения, не связанных единой планировкой;
- б) этап регулируемой — централизованной застройки — возведение 1—2 овалов, как системы укреплений поселения;
- в) этап роста поселения — появление 3—4 овалов и хаотичной застройки;
- г) финальный этап — сожжение поселения при переселении на другое место.

Сделанные выводы не являются окончательными и могут быть пересмотрены после получения новых материалов из раскопок Майданецкого, а также других поселений. Особый интерес могут представлять раскопки на периферии Майданецкого

го, особенно в местах скопления построек согласно плану. Эти скопления имеют вид самостоятельных кругов диаметром 50—100 м. Они могут отражать как ранние, так и самые поздние этапы существования Майданецкого. Это — вопрос для предстоящих исследований.

Самым важным выводом на основании анализа микрохронологии Майданецкого является вывод о единовременном существовании большинства из комплексов на заключительном этапе его развития. Это позволяет говорить о поселении, как о месте концентрации значительного населения — 7—9 тыс. человек по последним оценкам. Таким образом снимается одно из возражений, направленных против интерпретации трипольских поселений-гигантов, как своеобразных “протогородов” — сомнение в правомерности предлагавшихся палеодемографических реконструкций и основанных на них выводов.

Для реконструкции социальной структуры крупного трипольского поселения важное значение имеет разработка вопросов, связанных с первичными хозяйственными ячейками. При этом должен решаться вопрос о принадлежности отдельных строений тем или иным коллективам (семья, большая семья и т. д.). Разумеется, археологические свидетельства в этой области трудно толковать однозначно, поэтому большинство построек являются лишь вероятностными моделями.

Ранее площадки для этого региона рассматривались, как многокамерные и многоочажные дома большесемейных коллективов (Т. С. Пассек). В дальнейшем, с пересмотром принципов реконструкции трипольских построек (К. В. Зиньковский), эти же дома стали интерпретироваться, как преимущественно двухэтажные, односемейные (Н. М. Шмаглий, В. А. Круц). Поскольку жилые постройки чаще всего попадают в поле зрения исследователей, то по ним накоплен значительный материал, требующий дальнейшего осмысления. Определенный интерес в этом плане представляют 32 постройки, раскопанные в Майданецком.

Постройки можно охарактеризовать по таким показателям, как размеры, этажность, общая площадь, число помещений, их интерьер и инвентарь (табл. 1).

Все раскопанные строения, кроме комплекса “З”-1, были двухэтажными наземными глинобитными жилищами, с жилым вторым и хозяйственным первым этажами (рис. 2). Учет площади ведется не по контурам жилища, а по сумме площадей на двух этажах. При этом следует иметь в виду, что реальная площадь жилищно-хозяйственных комплексов могла превышать размеры глинобитных остатков (см., например, реконструкции К. В. Зиньковского). С учетом сказанного выше мы и определяем площадь жилищно-хозяйственного комплекса. Все постройки по этому признаку можно разделить на группы с интервалом 100 м²: площадью до 100 м² — комплексы “З”-1, “К”, “Л”, “С”, “Т”, “Х”, “Ц”, “Ч”, “Ш”, “Щ”, “Б”, “Е”-2, 2, 3, пл. 3, Р; 100—200 м² — комплексы “Б”, “Ж”-1, “Ж”-3, “Ж”-4, “О”, “У”, “Ф”, “Ю”, “Я”-1—2, 1, 4, “Э”, “З”-2, “Е”-1; более 300 м² — “Ж”-2, “И”, “М”, “П”. Как видно, комплексы первых двух групп можно отнести к числу массовой застройки поселения, третьей — к “элитарной”.

Число помещений — от одного до пяти (на двух уровнях), чаще всего — по два-три помещения на постройку. Наиболее сложна планировка крупных домов — по пять помещений в комплексах “Ж”-2, “И”. К числу жилищ с двумя жилыми камерами можно отнести лишь два: “Ж”-2 и 4; остальные имеют по одной жилой камере. В интерьер помещений входят очаги, подиумы, алтари, пифосы, корыта для зернотерок, — эти элементы выполнены из глины, обожжены и поэтому сохранились. Количество элементов в помещениях — от полного набора до одного (очаг). При этом неясна функция очагов на первых этажах, которые трудно считать жилыми; очаги на них иной конструкции. Наиболее полный набор интерьера в постройках второй и третьей групп. При этом такой элемент, как алтарь, встречен в постройках всех групп. Отличается комплекс “М”, где по периметру помещения был устроен подиум — возможно, это общественное здание.

Таблица 1.

**Жилищно-хозяйственные комплексы поселения Майданецкое
по данным раскопок 1972—1989 гг.**

комп-лекс	размеры (в м)	этаж-ность	площадь (в м ²)	очаг *	алтарь	поди-ум	пифос	пол **	ткацкие станки
“Б”	12 x 6	2	144	?	?	?	?	+	1
“Е”-1	11 x 5	2	110	1	—	—	—	+	1
“Е”-2	10 x 3	2	60	—	—	—	—	—	—
“Ж”-1	12 x 4,5	2	108	—	—	—	—	+	—
“Ж”-2	11,5 x 15	2	345	2	1	1	4	+	2
“Ж”-3	16 x 6	2	192	1	1	—	—	+	1
“Ж”-4	14 x 5	2	140	—	—	—	—	—	—
“З”-1	14 x 5	1	70	1	—	—	—	—	—
“З”-2	14 x 5	2	140	1	?	?	?	?	—
“И”	21 x 9	2	378	1+1	—	1	2	+	—
“К”	9 x 4	2	72	1	—	—	—	—	—
“Л”	10 x 4,5	2	90	1	—	1	—	+	1
“М”	24 x 7	2	336	2	—	1	—	1	—
“О”	12,6 x 4,3	2	108	1	1	—	—	+	—
“П”	15 x 10	2	300	2	?	1	1	+	2
“Р”	15,6 x 1,2	2	13,4	1	—	—	—	—	—
“С”	10,4 x 4,2	2	88	1	—	—	—	—	—
“Т”	10 x 4	2	80	?	?	?	?	+	?
“У”	14 x 4,5	2	126	1+1	1	—	—	+	—
“Ф”	11 x 4,6	2	101	1+1	—	—	1	+	—
“Ы”	10 x 4,5	2	90	?	?	?	?	?	—
“Х”	10,8 x 4,2	2	91	1	—	1	—	+	—
“Э”	14,5 x 4,5	2	130	1	?	?	?	+	—
“Ц”	11 x 4	2	88	1	—	—	—	—	—
“Ч”	10 x 3,5	2	70	1	—	—	—	—	—
“Ш”	10,5 x 4,4	2	92	1	—	—	—	+	—
“Щ”	10 x 3,8	2	76	1	1	—	—	+	—
“Ю”	13,5 x 5	2	136	1	1	1	1	+	1
“Я”-1	14 x 4,3	2	120	1	—	1	—	+	—
“Я”-2	11,5 x 3,2	2	74	1	—	—	—	+	—
1	14,6 x 4,2	2	123	1+1	1	1+1	—	+	—
2	10,7 x 4,5	2	96	1+1	1	—	1	+	—
3	10,5 x 4,3	2	90	1	1	—	—	+	—
пл. 3	13 x 3,5	2	91	?	?	?	?	?	?

Инвентарь включает набор керамики, зернотерки, редко — орудия труда и пластика, культовые предметы. В жилищах от 10—20 до 120—150 сосудов различных типов; больше всего керамики в крупных постройках. Везде численно преобладает тара (биконические “зерновики”) и миски; на третьем месте чаще всего кухонные горшки. Пластику находят редко, однако в крупных строениях — чаще;

* 1+1 — очаг на 1 и 2 этажах.

** Пол крашен охрой.

например, в комплексе П обнаружено несколько десятков статуэток, их фрагментов, мелких поделок из глины (шарики, лепешки, конусы). Из производственного инвентаря интереснее всего распределение ткацких вертикальных станков — от одного до двух на комплекс, но найдены они всего на 8 площадках, при этом в комплексах “П” и “Ж”-2 — по два станка. По-видимому, здесь рано говорить еще о специализации, поскольку такое устройство несложно было изготовить и поставить в любом доме. Остальные орудия распределяются равномерно, и практически каждое жилище имеет набор, связанный с земледелием, а также переработкой его продукции, ремонтом и заточкой топоров, мотыг, тесел из камня и рога.

Поскольку постройки с одним очагом чаще всего трактуются как место проживания малой семьи, то и в нашем случае, вероятно, следует остановиться на такой точке зрения. Следовательно, для Майданецкого преобладающей могла быть система расселения по формуле дом — семья (малая), реже — дом — две семьи. Поскольку дома разные по площади, встает вопрос о том, что стоит за различиями в их размерах, хотя бы в пределах двух первых групп? Либо разными были размеры семей, либо различным был уровень их благосостояния, что находило выражение в размерах жилищ, интерьере, насыщенности инвентарем и его характере. Резко выделяются по своим параметрам строения третьей группы — комплексы “Ж”-2, “И”, “П” (комплекс “М”, скорее всего, постройка иного рода). Их, по-видимому, уже можно рассматривать как места обитания членов общины, обладавших высоким статусом.

Последнее рассуждение можно подкрепить данными о расположении построек на участке второго овала застройки поселения, полученными в ходе раскопок 1986—1989 гг., когда были раскрыты на протяжении 150 метров полностью или частично 21 жилище; остальные разведаны магнитной съемкой; всего — до 25 построек. Можно наметить определенную систему в расположении комплексов по их площадям. Она проста — группы больших строений перемежаются рядом малых. Большие жилища по данным раскопок можно объединить в “узлы” из трех строений, значительных по площади, интерьеру, инвентарю. Узел А — из комплексов 1, “Я”-1—2 и “Ю”, всего 453 м²; кроме очагов в каждом помещении, здесь найдено два алтаря, подиумы, культовая керамика — бинокли, модели саней, большой ткацкий станок (на 70 оттяжек), много посуды. Узел Б — комплексы “П”, “У”, 4: всего 572 м², культовая яма, два ткацких станка, керамика, большой набор зернотерок для помола зерна. Их окружение — постройки в пределах 70—110 м², в том числе в промежутке — до 17 построек “малых”. Если такое расположение не является случайным, то перед нами — система расселения коллектива, более высокого уровня, чем семья, в пределах кольцевой застройки оборонительного характера. Тогда “узлы” — большие дома — принадлежат лидерам этих коллективов, являются средоточием общественной жизни на данном уровне. Интересно, что и в центральном овале раскопан в 1974—1980 гг. такой “узел” — комплекс “Ж”-2 и примыкающая к нему хозяйственная постройка “Ж”-1, всего 453 м²: два очага, алтарь, четыре пифоса, комплекс для помола зерна, два ткацких станка, два клада костяных подвесок и медный топор, обилие расписной керамики. Численность такого коллектива можно определить в 85—120 человек (из расчета 5—7 человек на семью). Разумеется, эти выводы и подсчеты требуют дальнейшего усиления источниковедческой базы, и на данном этапе представляют лишь первое объяснение полученных данных.

Поскольку крупные трипольские поселения в десятки раз превышают по числу обитателей классические “родовые” поселки типа Коломыйщины, сама система расселения в них небольших коллективов (субклан, община) должна была претерпеть изменения, особенно вследствие распространения оборонительных сооружений — “жилых стен”. Вместо компактного расположения кварталами, усадь-

бами обитатели поселений-гигантов были вынуждены расселяться в гигантских кольцевых структурах. Наиболее вероятным было разделение этих структур на отрезки из десятка-двух построек, принадлежавших каким-то родственным группам. Особо следует рассматривать вопрос относительно имевшихся на планах “улиц”, “кварталов”, — по мере их раскопок, поскольку ни один такой участок до настоящего времени серьезно не исследовался.

Можно высказать предположение об ослаблении традиционных родовых связей в Майданецком (расположение алтарей почти в каждом доме) по сравнению с Коломийщиной (один алтарь на несколько домов) при усилении роли семьи.

Это делает, по нашему мнению, возможным, учитывая хозяйственную обособленность комплексов, определение их, как домохозяйства. Под домохозяйством в данном случае подразумевается ячейка обособленной собственности и хозяйственная ячейка, совпадающая с малой семьей, возникающая в эпоху разложения первобытного общества на основе разделения труда как источника частного присвоения в рамках формировавшихся тогда соседских общин. При этом домохозяйства были составными частями этих общин.

Для Среднего Поднепровья (южная зона) Л. Г. Колесников определяет общину, как раннюю первобытно-соседскую (памятники типа Коломийщины). Крупные трипольские поселения значительно сложнее приднепровских поселков, поэтому наш вывод представляется справедливым. По-видимому, для ареала обитания трипольско-кукутенских племен характерна была определенная неравномерность в уровнях как экономического, так и социального развития. Поэтому можно остановиться на определении общин, объединявшихся на крупных поселениях типа Майданецкого, как первобытно-соседских, с намечающейся имущественной дифференциацией.

Остановимся кратко на характеристике материалов, полученных в Майданецком. Орудия труда, найденные в ходе раскопок, немногочисленны. Изготавливались они из кремня, камня, кости, рога и глины. Трасологические определения нескольких десятков орудий труда из Майданецкого были выполнены в свое время доктором исторических наук Г. Ф. Коробковой.

Изделия из меди представлены двумя предметами. Это четырехгранное шило, найденное при раскопках комплекса “Е”, и небольшое тесло. О наличии режущих орудий из меди говорят их следы на изделиях из рога.

Кремень служил материалом для изготовления наконечников стрел, скребков, скобелей, разверток, вкладышей для зубчатых серпов (рис. 3). Сырье для изготовления большинства изделий использовалось импортное. Согласно определениям кандидата геологических наук В. Ф. Петруня, это был кремень с территории Волыни. Местное кремневое сырье весьма низкого качества и не могло использоваться для изготовления крупных пластин. На поселении найдены лишь несколько отщепов и желвак из местного кремня. Представляется важным отметить, что в коллекции нет ни одного нуклеуса и очень мало отходов кремнеобработки. В течение шестнадцати сезонов не было найдено ни одного места для обработки кремня и изготовления изделий из него, а также связанных с такой работой инструментов. Наиболее многочисленны находки орудий на пластинах, представляющих различные стадии утилизации вкладышей к однолезвийным зубчатым серпам. В основном, это различные развертки, сверла и скобели для работы с костью и рогом.

Из твердых пород камня изготавливались топоры, тесла, мотыги, песты, лоцила для шкур, абразивы, зернотерки и краскотерки (рис. 4). Обитатели Майданецкого, судя по всему, прекрасно разбирались в каменном сырье, используя до 12-и его видов, в том числе, камни, принесенные издалека, как показали исследования В. Ф. Петруня. Орудия изготавливались из тщательно подобранных по форме и размеру заготовок путем оббивки и пикетажа. На зернотерках делалась специальная

насечка для повышения их рабочих свойств. Лезвия тесел, топоров и мотыг затачивались на тонкозернистых абразивах. В Майданецком найдены два типа орудий для деревообработки: для рубки и обтесывания заготовок и для продольного раскалывания древесины. Тесла — плоские, с широким лезвием, а топоры-колуны — массивные, клиновидной формы, с узким лезвием (рис. 4). Оба типа орудий крепились или в деревянных рукоятях, или в роговых муфтах с помощью клиньев. Каменные мотыги изготовлялись из плиток песчаника путем оббивки с последующей шлифовкой поверхности и заточкой лезвия на абразиве. Лезвия найденных мотыг сбиты и выкрошены. На поверхности заметны линейные следы показывающие, что орудие заглублялось в землю до 10 см. Мотыга крепилась к деревянной рукояти с помощью роговой муфты, в которой фиксировалась клиньями, что хорошо видно по следам в обушковой части орудия. Многочислены находки абразивов, выполненных из плиток песчаника толщиной 2—3 см. Исключение составляет абразив, найденный в комплексе “О”, сделанный из массивной толстой плиты, в середине которой образовалась овальная в плане выемка с бугорком в центре. Эта плита использовалась для заточки лезвий каменных рубящих орудий. На абразивах доводились также изделия из кости и рога.

Лошिला для выделки кож найдены одно и двуручные, в том числе, миниатюрные изделия из галек диаметром 3—5 см. Часть лошил сделана из старых пестов для помола зерна округлой формы. Песты округлой формы использовали для грубого помола зерна, их диаметр 5□—7 см, но встречены и более крупные экземпляры. Наибольшее количество каменных орудий, найденных при раскопках составляют зернотерки и растиральники к ним, как правило — двуручные. Это в основном массивные плиты основания и более мелкие верхние камни. В некоторых случаях найдены зернотерки, вмонтированные в глиняные корыта.

Из кости изготовлялись различные шилья, проколки (рис. 5). Некоторые из этих изделий имеют четырехгранную форму — в подражание медным шильям. Из кости изготовлено небольшое орудие с отверстием в верхней части, служившее для плетения. Редкой находкой является костяное основание веретена, выполненное в технике точечного пикетажа с последующей шлифовкой на абразиве. Отверстие в нем сверлили с помощью сверла с кремневым наконечником поочередно с двух сторон, затем подправляли кремневым ножом. Поверхность основания веретена залощена от трения об руку во время работы. Из зубов животных изготовлялись подвески. Большая их часть найдена в составе двух кладов, происходящих из комплекса “Ж”. Из рога благородного оленя изготовлялись молотки, муфты для составных орудий, мотыги. Большая часть этих изделий была найдена в сильно поврежденном виде или в фрагментах.

Из глины изготовлялись оттяжки для вертикальных ткацких станков и пряслица (рис. 6). При раскопках комплекса “Б” на земляном полу найден развал ткацкого станка — 38 оттяжек дисковидной и пирамидальной формы (рис. 6: 10). Набор оттяжек из комплекса “Ю” включал 70 оттяжек — дисковидных, конических и пирамидальных, найдены также 4 запасных, пирамидальных, лежавших отдельно — у очага на втором этаже дома.

Ассортимент выращивавшихся злаков был определен Г. А. Пашкевич на основании изучения их отпечатков на керамике, глиняной обмазке, а также находок обугленных зерновок (1989; 1990 и др.). Большой интерес представляет находка значительного количества обугленного зерна среди развала сосуда в комплексе “Ж”. Зерно было перемешано с землей. После просеивания удалось выделить 40 мл зерновок пшеницы и гороха. Больше всего (75,5 %) оказалось зерновок гороха. На втором месте (21,5 %) зерновки пшеницы двузернянки и, наконец, всего три зерновки пленчатого ячменя. В числе примесей было также найдено небольшое

число оснований стержня колосков пшениц-дву- и однозернянки, т. н. “вилочек”. Зерновки пшеницы-двузернянки (*Triticum dicoccum* Shrank) имеют длину 4,44—6,36 мм при ширине 2,5—2,86 мм, без чешуй. Горох посевной (*Pisum sativum* L.) диаметром 3,52—4,68 см, некоторые со следами деятельности вредителей гороха (Пашкевич 1990: 137—138, рис. на с. 139). Кроме того, на обмозке были зафиксированы отпечатки колосков пшеницы-двузернянки, ее зерновок, голозерного ячменя. Исходя из состава отпечатков, Г. А. Пашкевич считает основными выращивавшимися растениями пшеницу-двузернянку и ячмень голозерный (1990: 132).

Существование земледелия в трипольское время зафиксировано также при изучении палинологических проб с территории Майданецкого, взятых К. В. Кременецким. Им была обнаружена пыльца хлебных злаков — до 2% в общем спектре. Изменения в споро-пыльцевом спектре — сокращение числа пыльцы деревьев, появление пыльцы злаков связаны, по его мнению, с хозяйственной деятельностью жителей поселения, в том числе, со сведением лесов (Кременецкий 1991: 110—113). На основании данных споро-пыльцевого анализа Г. А. Пашкевич в свое время пришла к заключению, что земледелие и скотоводство в этом районе в эпоху энеолита имели, по-видимому, равное значение (1989: 136).

Фаунистический комплекс Майданецкого был исследован О. П. Журавлевым. Общее количество определимых костей, найденных здесь, относительно невелико, что не позволило сделать какие-либо детальные реконструкции. По числу особей домашние животные составили 84,68 % от общего числа. В стаде преобладал крупный рогатый скот (35,11 %), далее идут по числу особей овца и коза (26,59 %), а также свинья (27,66 %). Зафиксированы также кости лошади (5,32 %) и собаки (Журавлев 1990: 137). Интересно, что согласно его наблюдению, кости лошади встречаются далеко не во всех жилищах на широко раскопанных памятниках, число которых во-первых ограничено, во-вторых мог иметь место неполный сбор материала. Поэтому вопрос, имеем ли мы дело с разграничением деятельности, сословно-имущественной дифференциацией населения, либо другими явлениями, остается пока открытым (Журавлев 1990: 135). Зооморфная пластика, найденная в Майданецком, представляет в первую очередь изображения быков, реже — коров и, совсем редко, — овец, как бы подтверждающая место, занимаемое отдельными видами домашних животных в хозяйственной деятельности жителей.

Керамические изделия, полученные в ходе исследований поселения были самой многочисленной категорией находок. Прежде всего это различная посуда (рис. 7), а также пластика — антропоморфная, зооморфная и другие мелкие поделки из глины. Распределение этих материалов по объектам неравномерное. Среди остатков жилищ и других построек в каждом найдено от 1000 до 4000—5000 фрагментов сосудов. Особенностью является наличие большого числа развалов сосудов — от 20 до 130 экз. на постройку. В ямах преобладал фрагментарный материал.

Кухонная керамика Майданецкого (рис. 8) изготовлена из глины с грубыми крупнозернистыми отощителями — песком, изредка — толчеными раковинами. Последняя примесь встречена примерно в 10% случаев. Для изготовления сосудов использовалась глина различных сортов. Обжиг керамики качественный. Цвет черепка в изломе желтый, коричневый, реже, красно-кирпичный, белый, серый и черный. При повторном обжиге некоторые сосуды приобрели фиолетовый цвет и деформировались. Поверхность изделий, как правило, шероховатая. Она покрыта иногда красноватым ангобом. Как декоративный прием отделки поверхности использовалось “полосчатое сглаживание”. Вся кухонная керамика вылеплена от руки, способом спирального налепа, что хорошо прослеживается при просмотре развалов сосудов. Крупные изделия лепились в несколько приемов, монтировались из верхней и нижней половин. Встречено две основных формы кухонных сосудов:

горшки и миски (рис. 8). Миски являются более редкой формой. Это крупные изделия, в профиле — сфероцилиндрические или полусферические. Венчик слегка уплощен или загнут вовнутрь.

На отдельных экземплярах встречены следы красной краски снаружи и внутри. Горшки — наиболее распространенный тип кухонных сосудов. Размеры их различны: от миниатюрных до средних и крупных изделий. Часть сосудов украшена налепами в виде стилизованных голов животных — быков и баранов.

Столовая керамика изготовлена из различных сортов глины, прежде всего — каолиновой, имеющей характерный белый цвет. Формовочная масса приготавливалась, скорее всего, путем смешивания различных сортов глин, добывавшихся в окрестностях поселения. Ее свойства позволяли изготавливать не только крупные толстостенные сосуды, но и тонкостенные изделия (со стенками толщиной до 2—2,5 мм). Керамика лепилась вручную, из отдельных лент. Края лент, как это хорошо видно в изломах, были скошены. На места стыков с внутренней стороны в случае необходимости накладывались дополнительные глиняные жгуты. Если мелкие кубки и миски лепились, как правило, из одного куска глины, то крупные или тонкостенные изделия изготавливали ленточным способом. При этом достаточно крупные изделия монтировались из нижней и верхней частей, изготовленных отдельно. Поверхность сосудов тщательно заглаживалась и облицовывалась слоем жидкой глины, после чего вновь заглаживалась. Все типы сосудов покрывались снаружи ангобом желто-коричневого, ярко-оранжевого или красного цвета. Ангоб наносился кистью или пучком травы. Роспись столовых сосудов выполнена минеральной краской темно-коричневого цвета. Использовалась также белая краска, но чрезвычайно редко — в качестве дополнения к основной росписи. В комплексах “Ж” и “М” были обнаружены фрагменты семи сосудов, в росписи которых белая краска, нанесенная в виде полос и точек, служила дополнением к основной композиции, нанесенной темно-коричневой краской. Сосуды расписывались до обжига, закреплявшего нанесенный рисунок (рис. 9—13). Кроме расписных, в Майданецком были найдены фрагменты сосуда, на который орнамент был нанесен с помощью врезных линий. По формовочной массе и ангобу это изделие не отличалось от местной расписной керамики.

Основные типы столовой керамики (рис. 7): миски — усеченно-конические и полусферические, а также на ножках; кубки и кубковидные сосуды, биконические и сфероконические (зерновики), грушевидные сосуды, кратеры, амфорки, горшки, крышки, бинокли. Некоторые формы насчитывают по несколько (от 1 до 3) типов. С каждой формой и типом сосудов связаны определенные орнаментальные композиции. Миски расписывались с внутренней стороны, а сосуды — в верхней их половине — снаружи. Найдено также небольшое количество сосудов редких форм. Это миски с зооморфными налепами на венчиках, изображающими голову барана с загнутыми назад рогами; биконический сосуд без венчика с двумя ручками; сосуд с четырехугольным дном. Довольно многочисленны миниатюрные модели саней. На некоторых экземплярах моделей сохранилась роспись, передающая детали конструкции саней. На модели, найденной в комплексе “Ж”-2, вертикальный каркас короба саней передан рельефно. Найдено несколько мелких фрагментов моделей жилищ, обычного для томашевско-сушковских памятников типа. Следует отметить также находку миниатюрных сосудов (высотой 1,5—5 см), являющихся копиями реальных столовых сосудов — кубков, кратеров, мисок, биконических сосудов. Эти изделия, возможно, связаны с моделями жилищ.

Особенностью керамического комплекса Майданецкого является наличие в нем изделий, импортированных с трипольских поселений, принадлежащих к иным локальным группам. На месте, очевидно, была изготовлена целая серия подража-

ний им, выполненная и отделанная по местной технологии, но с соблюдением форм и росписи импортов. Все без исключения образцы импортной керамики изготовлены из отмученной, тонкоструктурной глины. Однако для томашевско-сушковских памятников характерно массовое использование формовочных масс (особенно — каолиновых глин) с примесью мелкого песка, что позволяет без особого труда выделить даже отдельные фрагменты импортной трипольской керамики. Представляет также интерес серия местных подражаний крупным биконическим сосудам, характерным для памятников чечельницкой группы (район Среднего Побужья), найденная в нескольких жилищах из числа раскопанных в 1986—1991 гг.

Коллекция пластики насчитывает около 340 предметов. Среди них — антропоморфные и зооморфные изображения, в основном — фрагментированные (рис. 15, 16). Условия находки пластики разнообразны: в культурном слое, в ямах, среди остатков построек. Наибольшее число статуэток найдено при раскопках различных ям. Особенно много зооморфной и антропоморфной пластики было найдено в яме комплекса “Е”. Около 40 антропоморфных статуэток дала яма комплекса “П”. Часть изображений была разбита еще до того, как попала в яму. В случае с ямой комплекса “П” ряд статуэток удалось склеить. Интересны находки статуэток среди остатков очагов в комплексах “Л” и № 6.

Размеры антропоморфных статуэток разнообразны: от миниатюрных (1,5—3 см в высоту) до крупных (до 30 см в высоту). Найдены фрагменты, позволяющие предположить наличие еще более крупных изделий. Преобладают изображения женщин. Представлены статуэтки подтипов А-2, 3 и 4 а также С-2, 3, 4 (по классификации А. Погожевой: Погожева 1983: 85); количественно преобладает С-3. Стоячие статуэтки на конической либо столбчатой ножке, редко попадаются экземпляры с раздельно вылепленными ногами (рис. 15, 9). Последние, вероятно, имеют отношение к т. н. реалистичным или “портретным” статуэткам (рис. 15, 4). У большинства статуэток изображения головы схематичны. Найдены четыре “портретных” изображения — две головы и два торса крупных статуэток, три из них изображают женщин с пышными прическами, четвертая — мужчину с выбритой головой.

Многочисленны находки зооморфной пластики. Зооморфная пластика изготовлялась из тех же формовочных масс, что и антропоморфная. На отдельных экземплярах — особенно крупных — сохранились остатки ангоба и росписи. Многие изделия, особенно небольших размеров, сохранились целиком. Преобладают небольшие статуэтки, высотой 1,5—2,5 см, условно передающие неких домашних животных — овец, крупный рогатый скот. Единичны крупные, относительно реалистичные статуэтки, изображающие как домашних, так и диких животных. К этой группе находок можно отнести головку овцы из комплекса “И”, а также изображение медведя из комплексов “Б” и “П”.

Кроме описанной выше пластики, найдено большое число мелких изделий из глины геометрической формы: шарики, конусы и полусферы, диски, цилиндрические и иные поделки (рис. 14, 2—25). На некоторых изделиях есть наколы и прочерченные линии. Особенно много найдено шариков и конусов. Некоторые шарики и цилиндры имеют сквозные проколы и могли использоваться в качестве бусин. При раскопках комплекса “Ж” найден цилиндрической формы предмет высотой 12 см, в верхней части которого семь обломанных отростков диаметром до 2 см каждый, расположенных по кругу (рис. 13, 7).

Абсолютная датировка поселения может быть установлена на основании археомагнитных а также изотопных датировок. Согласно археомагнитным датам, выполненным Г. Ф. Загнием, Майданецкое датируется от XXVII до XXIX вв. до н. э. Однако эти даты в конечном счете привязаны к радиоуглеродным определениям (табл. 2). Образцы угля были получены при раскопках комплекса “Ж”.

Результаты анализа угля по 14С методом

лабораторн. индекс	b. p.	b. с.	В. С.
Ки-1212	4600±80	2650 ± 80	3500—3320
Bln-2087	4890±50	2940 ± 50	3780—3680

Поселение Майданецкое как тип памятника отнюдь не одиноко. В 70-е годы на Украине, в междуречье Южного Буга и Днестра был открыт новый тип поселений энеолитической культуры Триполье-Кукутени, в V—IV тыс. до н. э. распространившейся от Прикарпатья до Днестра в зоне лесостепи. С помощью аэрофотосъемки и магнитной съемки удалось выявить десятки огромных поселений площадью в десятки и сотни гектар. В связи с этим открытием и попытками его научного осмысления возникла проблема интерпретации данного типа памятников.

В свое время известные археологам крупные трипольские поселения, например, Владимировка, трактовались как “большие родовые поселения” (Пассек 1949: 108). В то же время в своей работе 1947 г. В. П. Петров, ссылаясь на значительные (до 70 гектар) размеры Владимировского поселения, считал, что “как по тем временам, то можно с полной уверенностью утверждать, что на данном этапе село уже начало перерастать в город” (Петров 1992: 18). В 1965 г. С. Н. Бибииков, работая над реконструкцией хозяйственно-экономического комплекса Триполья, отметил, что в границах расселения трипольских племен, возможно, существовали “центры, основанные на фратриальных началах”, бывшие “центрами социального, экономического и религиозного общения между трипольскими племенами”, имея в виду прежде всего Владимировку (Бибииков 1965: 58). В самом начале исследований Майданецкого в рабочем порядке коллективом авторов был выдвинут тезис о существовании в энеолите Юго-Восточной Европы протогородов (Шмаглий, Дудкин, Зиньковский 1973: 31; Шмаглий, Дудкин, Зиньковский 1975: 69).

В. Н. Даниленко и Н. М. Шмаглий рассмотрели появление поселений-гигантов на фоне глобальных исторических процессов энеолитической эпохи, положив также начало экологическому подходу к проблеме, рассматривая энеолит, как время “нарушения равновесия между обществом и окружающей средой”. Это, кроме прочего, нашло выражение в появлении трипольских поселений-гигантов (1975: 36).

В 70-х — начале 80-х годов Н. М. Шмаглий предложил ряд характеристик для поселений-гигантов. Так, они оценивались как “предстанция древнеевропейского города”, аграрного в своей основе, но с определенными морфологическими и социальными признаками урбанизации общественной жизни (1978: 42). Они рассматривались также как населенные пункты протогородского типа (Шмаглий 1980). Сам процесс урбанизации при этом Н. М. Шмаглий не рассматривал, как заверченный (1982: 68). Выражением урбанизационного процесса, по его мнению, были особенности планировки, свидетельствующее о “формировании города античного типа с оборонными стенами, акрополем и агорой посередине” (1982: 69). Майданецкое рассматривалось также как центр племенной округи, экономической базой которого являлось земледелие и скотоводство (1980: 203).

В первых палеодемографических реконструкциях предлагалось различное количество возможного числа обитателей Майданецкого: 10000—15000 чел. (Шмаглий, Дудкин, Зиньковский 1975: 69) или даже 20000—24000 чел. (Шмаглий 1980: 202). С появлением новых данных о застройке, типах жилищ эти оценки были пересмотрены в сторону уменьшения. Вероятное число обитателей Майданецкого при различных методиках подсчетов определялось от 6000—9000 (Шмаглий, Вейдеко 1987) до 8200 чел. (Круц 1989: 126).

Ю. Н. Захарук рассматривал появление крупных поселений под углом зрения демографических процессов. По его мнению, увеличение масштабов отдельных поселений не смогло оградить их от относительного перенаселения и их сегментация шла параллельно с процессом освоения новых земель (1977: 84). В. А. Круц и С. Н. Рыжов считали, что поселения-гиганты являлись самостоятельными общественно-экономическими единицами, способными полностью обеспечить себя продуктами земледелия и скотоводства (1984: 29).

Ряд исследователей отмечали широкий пространственно-хронологический диапазон существования этого типа поселений. Так, В. И. Маркевич выделил крупные, площадью в десятки гектар, поселения в Молдове, наиболее ранние из которых датируются Трипольем А. Их он считал племенными административными центрами, связанными с концентрацией обмена и культовых отправлений одного или группы племен. Малые поселения рассматривались при этом как следствие сегментации более крупных (1973: 157). По его мнению, появление таких поселений есть свидетельство наличия четкой внутриплеменной организации, необходимой как для совместного труда, так и противостояния внешней угрозе (1981: 183—184). Совместно с В. М. Массоном им были проведены палеодемографические подсчеты, высказано мнение о формировании в Молдове, начиная с Триполья А, определенной иерархии поселений (Маркевич, Массон 1975; Массон 1980а: 209—210). Исследования памятников времени Триполье В-I и В-II в Буго-Днепровском междуречье позволило Е. В. Цвек выявить здесь крупные памятники, начиная с этапа В-I (1980). Е. К. Черныш рассматривала процесс формирования больших поселений как следствие объединения нескольких общин в целях обороны от угрозы извне — со стороны “степных” племен. При этом она дала критическую оценку работам Н. М. Шмаглия, посвященным характеристике трипольских протогородов (1977: 20; 1982: 239). Не возражая в принципе против мнения о высоком уровне развития трипольского общества, который нашел выражение в появлении данного типа памятников, Е. К. Черныш связывала их гибель прежде всего с экономической слабостью трипольского общества: большим удельным весом скотоводства, относительно слабым развитием ремесел, архаическими орудиями труда. Из-за этого трипольское общество, по ее мнению, не смогло преодолеть границы, отделявшей его от городской цивилизации (1982: 239).

Неоднократно обращался к проблеме трипольских протогородов В. М. Массон. В качестве основных он рассматривал не количественные (площадь, вероятное число жителей), а качественные характеристики памятников, которые бы отражали внутреннюю структуру поселений. По мнению В. М. Массона, появление в Восточной Европе суперпоселений типа Майданецкого было прежде всего свидетельством концентрации населения. Сами же “суперцентры” были центрами сельскохозяйственной округи (1975: 14). Памятники рассматривались как важная предпосылка формирования основ городской цивилизации и раннеклассового общества. На основе палеодемографических расчетов В. М. Массон сделал вывод о причинах кризисных явлений, которые, по его мнению, привели к возникновению больших поселений. Коренились эти причины в низком уровне развития производительных сил трипольского общества. С исторической точки зрения, развитие Триполья представляло собой процесс “колонизации”, сопровождавшийся развитием ремесел, началами общественной дифференциации, образованием иерархической системы во главе с большими поселениями. Дезинтеграция последних была следствием противоречий между демографическими процессами, застою в развитии производительных сил, обострением экологической ситуации (1982: 333).

В 1990 г. В. М. Массон предложил отнести трипольское общество к типу комплексных (complex society), считая при этом, что оно шло по “неурбанизацион-

ному пути развития”, в результате реализации которого была создана определенная иерархия поселений во главе с племенными или надплеменными столицами, центрами сельской округи, которым, однако, не принадлежала функция идеологического или военного лидерства — в отличие от первых городов Месопотамии или Южного Туркменистана. Появление же энеолитических протогородов в Восточной Европе было невозможным прежде всего по экономическим причинам (1990: 8—10).

Близка к описанной позиция, занимаемая В. Г. Збеновичем. Изучив публикации и точки зрения авторов раскопок крупных поселений, он высказал мнение о несостоятельности концепции трипольских протогородов, так как их археологическое исследование не дало материалов, которые бы свидетельствовали о наличии таких неотъемлемых черт урбанизации, как наличие у центров административных, культово-идеологических, а в особенности торгово-ремесленных функций (1990: 10—12). Более ранние памятники, типа Веселого Кута, В. Г. Збенович предлагает рассматривать в качестве племенных центров, а более поздние, типа Тальянок и Майданецкого, как объединение под одной крышей нескольких родственных племен (1990: 11). Последнее мнение представляет интерес, поскольку является попыткой рассмотрения феномена крупных поселений в процессе его исторического развития.

В последнее время процесс осмысления проблемы трипольских поселений-гигантов стал более интенсивным. Этому в немалой степени способствовало проведение в 1990—1993 гг. трех полевых семинаров на месте раскопок в Тальянках.

Исследования в Майданецком, обобщение опубликованных результатов раскопок и исследований на других крупных поселениях позволили авторам настоящей публикации обосновать концепцию трипольских протогородов (Шмаглей 1990; Шмаглей, Видейко 1990а; 1990б; Шмаглей, Видейко 1993; Видейко, 1990а; 1990б; Видейко 1992; Шмаглей 1994 и др.)².

Наибольшее количество поселений-гигантов было сосредоточено в междуречье Южного Буга и Днепра, где их известно около 30-ти (площадью более 50 га). Известны такие поселения и к западу от Южного Буга, однако там их площадь не превышает, как правило, 50—70 га. Следует учесть, что для Подолии дешифровка аэрофотоснимков, в отличие от Побужья, где такую работу выполнил в свое время К. В. Шишкин (Шишкин 1973; 1985), не проводилась. В междуречье Южного Буга и Днепра поселения площадью более 50 га появляются в конце Триполья В-I, а более 100 га — на этапе VI/II. В абсолютных датах это — вторая половина V тыс. до н. э. (по календарной или калиброванной хронологии). Существуют крупные поселения вплоть до начала этапа С-II, то есть приблизительно до середины IV тыс. до н. э. Таким образом, весь период существования поселений-гигантов как особого типа памятников охватывает не менее 600—800 лет.

По данным раскопок внутренняя структура поселений-гигантов выглядит следующим образом. Плотность застройки различна — от 7 до 11 жилищ на гектар, вероятное число комплексов — до 2000 в Майданецком и 2700 в Тальянках. Основу застройки составляли двухэтажные жилищно-хозяйственные комплексы. Исследованные строения имели площадь от 60 до 160 м² (в среднем до 91 % от общего числа). Поскольку эти жилища, как правило, с одним очагом (более 90 %), можно предположить, что они принадлежали одному семейному коллективу. Численность такого коллектива определялась в работах по палеодемографии Триполья в 5—7 человек (Бибиков 1965). В Майданецком, кроме того, были раскопаны остатки построек, которые предположительно могут быть определены, как общественные. Например, комплекс “М” из первого овала застройки поселения. Он может быть реконструирован, как большая двухэтажная постройка размерами 24 x 7 м, общей

² Подробное изложение соображений, предлагаемых ниже см.: Videjko 1995.

площадь в 336 м². На втором этаже было два помещения. Бóльшее имело размеры 7 x 15 м (105 м²) и глинобитный подиум по периметру (рис. 2). В меньшем помещении — 7 x 9 м, следовавшем за этим залом, тщательно выполненный глиняный пол был окрашен красной охрой. По планировке и интерьеру это здание заметно отличается от стандартной жилой застройки Майданца. Возможно, перед нами место собраний небольшой общины, составной части общепоселенческого коллектива. На основании раскопок 1986—1991 гг. в Майданецком можно попытаться определить размеры такой общины. Согласно данным раскопок в застройке овалов стандартные комплексы (60—160 м²) чередовались с крупным “узлами” построек, в том числе больших 200—300 м²). С последними связаны находки культовой посуды и пластики, клады престижных предметов (комплексы “П”, “Ж”-2). В такую систему входило до 20 комплексов: около 16 стандартных на один “богатый” узел из 3—4 больших комплексов. Вероятно, перед нами объединение, стоявшее в иерархии выше отдельного домохозяйства.

Следующий уровень иерархии можно сопоставить с выявленными в последнее время в окрестностях Майданецкого небольшими поселениями типа Тальное-2, которое синхронно ему (Круц, Видейко 1991: 31—32). Оно насчитывало от 90 до 120 построек различных размеров, расположенных по кругу. Типы жилищ те же, что и на крупном поселении. Сплошной застройки в пределах кольцевой планировки не отмечено. Рядом с Майданецким в радиусе до 7 км таких поселений найдено 2: это пункты Тальное-2 и Тальное-3. В окрестностях поселения Тальянки на таком же удалении известно три небольших поселения в окрестностях с. Мошуров. Можно предположить, что такие поселения-спутники маркируют определенным образом внешнюю границу угодий, контролировавшихся центральными поселениями и служили сельскохозяйственным целям. Отсутствие укреплений показывает, что они находились под защитой своего центра. Возможно, этому типу поселений соответствуют определенные структуры в крупном поселении — овал (например, 3—4 овалы в Майданецком — 115—165 построек), его часть, либо сектор застройки.

Коллективы этого уровня объединяла уже общепоселенческая община. К ней могло принадлежать как население собственно “суперцентра”, так и его ближайшей округи. Речь в данном случае должна идти уже о нескольких тысячах человек.

Таким образом, внутренняя структура поселения могла состоять не менее чем из четырех уровней организации:

уровень	археологический эквивалент
1 — домохозяйство	— жилищно-хозяйственный комплекс
2 — большесемейная община	— группа комплексов (до 20)
3 — община-поселение	— малое поселение, часть (овал, квартал) на большом поселении
4 — общепоселенческая (прото-городская) община	— поселение-гигант в целом с населением окрестных малых поселков

Картографирование синхронных памятников показало, что они образуют своеобразные микрогруппы, в пределах которых расстояния между пунктами не превышают 3—10 км, в то время как между микрогруппами оно достигает 20—60 км. При этом микрогруппы привязаны к определенным речным системам. В состав их входят: одно очень большое (100—450 га) поселение, одно—два средних (40—100 га) или два—три мелких (1—20 га). В пределах локальной группы насчитывалось от 2 до 4 микрогрупп. На каждой фазе выделяется наибольшая микрогруппа, центром которой являлось очень большое поселение-гигант — возможно, общая “столица” локального объединения. На одной из фаз этапа В-II это была Небелевка (до 300 га), С-I — Тальянки (450 га).

Таким образом мы имеем двух- или трехуровневую структуру:

уровень	археологический эквивалент
1 — протогородская община	— микрогруппа
2 — союз протогородских общин	— локальный вариант
3 — “столичный центр”	— наибольшее поселение

Палеодемографические реконструкции позволяют приблизительно определить численность этих образований. Население микрогрупп составляло от 5000—6000 чел. до 19000 чел., причем со временем эта величина возрастала. Население союза составляло от 9000—12000 чел. (этап В-II) до 25000—34000 чел. (этап С-I) с тенденцией к возрастанию вплоть до поздних фаз (Відейко 1992: 14).

Для поселений, именуемых городами, были предложены следующие признаки: население более 5000 человек, монументальная архитектура, центры ремесленных производств (Массон 1976: 144).

Палеодемографические оценки свидетельствуют о том, что 5000-й барьер был преодолен населением побужских центров еще в конце V тысячелетия до н. э. Грандиозные по своим масштабам укрепления “жилые стены”, а также большие по размерам общественные постройки трипольских суперпоселений в Побужье могут рассматриваться как отражение процесса становления местного типа монументальной архитектуры, основанной на применении наиболее доступных строительных материалов — дерева и глины. Последние, правда, не оставляют после себя столь заметных остатков, как зиккураты Месопотамии или энеолитические центры Южного Туркменистана и воспринимаются лишь через призму реконструкций по данным раскопок. Таким образом, мы можем отметить существование для Триполья, пускай и в зачаточном состоянии, по меньшей мере двух составляющих “триады”, предлагаемой в качестве археологических критериев древнейшего города.

В числе основных функций протогородов, как особого типа поселений, были определены: экономическая (интегративный центр), общественная, военная, идеологическая при доминировании сельскохозяйственного характера поселения (Андреев 1987: 9, 10). Приведенные нами выше материалы исследований показывают наличие всех этих функциональных признаков и у трипольских поселений-гигантов Побужья. Остановимся коротко на реконструкции процессов, которые могли, по нашему мнению, привести к формированию данного типа памятников в междуречье Южного Буга и Днестра в V—IV тыс. до н. э.

Главным стимулом образования трипольских протогородов в Южном Побужье в начале четвертого тысячелетия до н. э, по нашему мнению, были возникшие в силу определенных явлений и событий потребности в контроле над территориями и рабочей силой, военным потенциалом общин. Эти процессы стимулировала, прежде всего, постоянная потребность в новых земельных угодьях, связанная с экстенсивным характером трипольского земледелия. При этом земли к востоку от Южного Буга в конце пятого — начале четвертого тыс. до н. э стали районом расселения трипольских племен из относительно перенаселенного западного региона. Однако после становления системы протогородов миграции с запада не фиксируются археологически вплоть до середины четвертого тысячелетия. Это может быть оценено как свидетельство эффективности новой системы расселения и общественной организации.

Едва ли существенную роль в интегративных процессах могло сыграть давление со стороны “степняков”. О его исключительной роли в свое время писали Е. К. Черныш и В. А. Круц (Черныш 1977; 1982; Круц 1989). Однако, как справедливо отмечал В. Г. Збеневич, то, что нам известно о населении соседних с Трипольем степных регионов, не позволяет рассматривать последнее в роли агрессора

(1990). Согласно данным раскопок речь идет об относительно немногочисленном населении крупных речных долин, а не степных пространств. Основу экономики здесь составляли прежде всего присваивающие формы хозяйства наряду с зачатками придомного скотоводства и земледелия.

Таким образом, объяснение феномена крупных трипольских центров следует искать, по нашему мнению, прежде всего в процессах, имевших место собственно в трипольской среде. Мы считаем, что исследования в Майданецком открывают перспективу изучения проблемы ранней урбанизации в энеолите Юго-Восточной Европы. Особая ценность полученных в ходе археологических исследований материалов в том, что они освещают именно процесс становления протогородских объединений, который не был завершен в силу ряда причин.

АНДРЕЕВ Ю. В. 1987. Ранние формы урбанизации // СА. № 3: 3—18.

БИБИКОВ С. Н. 1965. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья // СА. № 1: 48—60.

ВИДЕЙКО М. Ю. 1992. Економіка та суспільний лад трипільського населення Південного Побужжя (етапи В-II—СI) // Автореферат. дис. ...s канд. ист. наук. Київ. 20 с.

1993. Відтворююче господарство в Лісостепу (VI—I тис. до н. е.) // Відтворююче господарство в Лісостепу. Історія і екологія. Препринт: 5—27. Київ.

ВИДЕЙКО М. Ю. 1987а. Структура крупных трипольских поселений // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология: 47—52. М.

1987б. Глиняные знаки-символы трипольской культуры // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: 32—33. Киев.

1990а. Жилищно-хозяйственные комплексы Майданецкого и вопросы их интерпретации // РПТК: 115—120.

1990б. Раннеземледельческие агломерации Юго-Восточной Европы и окружающая среда // История взаимодействия общества и природы: факты и мнения. М. Ч. 2: 41.

ДУДКИН В. П. 1978. Геофизическая разведка крупных трипольских поселений // Использование методов естественных наук в археологии: 35—45. Киев.

ЗІНЬКОВСЬКИЙ К. В. 1974. До проблеми трипільського житлобудування // Археологія. Вып. 15: 13—22.

1982. Значение моделирования в исследовании остатков построек на поселениях трипольской культуры // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья: 19—32. Киев.

1983. К процедуре исследования проблемы домостроительства трипольских племен // Материалы по археологии Северного Причерноморья: 16—22. Киев.

История Древнего Востока. 1983. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческих цивилизаций. Ч. 1. Месопотамия. М.

КОРОБКОВА Г. Ф. 1980. Палеоэкономические разработки в археологии и экспериментально-трассологические исследования // Первобытная археология. Поиски и находки: 212—225. Киев.

1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческих обществ юга СССР. М. 319 с.

КРЕМЕНЕЦКИЙ К. В. 1991. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. М. 123 с.

КРУЦ В. А. 1987. Крупные трипольские поселения // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Суздаль.

1989. К истории населения трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днпра // Первобытная археология. Материалы и исследования: 117—132. Киев.

1990. Планировка поселения у с. Тальянки и некоторые вопросы трипольского домостроительства // РПТК: 43—47.

КРУЦ В. А., ВИДЕЙКО М. Ю. 1991. Раскопки Тальновского отряда Трипольской экспедиции // Археологічні дослідження на Україні в 1990 р. Препринт: 31—32. Київ.

КРУЦ В. А., РЫЖОВ С. Н. 1982. Работы Тальянковского отряда // АО 1981 г.: 278.

1984. Тальянки — поселение трипольской культуры на Буго-Днепровском междуречье // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины: 26—29. М.

- КРУЦ В. А., РЫЖОВ С. Н., РЫНДИНА Н. В. 1987. Исследования крупного поселения трипольской культуры у с Тальянки // АО 1986 г.: 353—354.
- КРУЦ В. О. 1986. Поселения-гиганты // Пам'ятники України. № 1: 19—21.
- 1993а. Питання демографії Трипільської культури // Археологія. № 3: 30—36.
- 1993б. Етапи і напрямки розселення племен трипільської культури // Подільська старовина: 35—44. Вінниця.
- КРУЦ В. О., РИЖОВ С. М. 1985. Фарб розвитку пам'яток Томашівсько-Сушківської групи // Археологія. Вып. 51: 45—56.
- МАРКЕВИЧ В. И. 1973. Памятники эпох неолита и энеолита // Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 2. Кишинев.
1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев.
- МАССОН В. М. 1975. Первые города (К проблеме формирования городов в ареале раннеземледельческих культур) // Новейшие открытия советских археологов. ТД: 11—14. Киев.
- 1980а. Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок // Первобытная археология. Поиски и находки: 204—212. Киев.
- 1980б. Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа // Ранние земледельцы: 178—185. Л.
1982. Энеолит СССР. Заключение. М.
1990. Трипольское общество и его социально-экономические характеристики // РПТК: 8—10.
- МАССОН В. М., МАРКОВИЧ В. И. 1975. Палеодемография Триполья и вопросы динамики развития трипольского общества // 180 лет Одесского археологического музея АН УССР. ТД: 31—32. Одесса.
- ПАВЛЕНКО Ю. В. 1989. Раннеклассовые общества. Генезис и пути развития. Киев. 286 с.
1994. Передісторія давніх русів у світловому контексті. Київ. 400 с. 16 ілл.
- ПАСЕК Т. С. 1946. Периодизация трипольских поселений / МИА СССР. № 10.
- ПАШКЕВИЧ Г. А. 1989. Палеоботанические исследования трипольских материалов между-речья Днепра и Южного Буга // Первобытная археология. Материалы и исследования: 234—242. Киев.
1990. Результаты палеоботанического исследования крупных трипольских поселений // РПТК: 131—134.
1991. Палеозитоботанические находки на территории Украины (неолит — бронза). Каталог. Киев. 48 с.
- ПЕТРОВ В. 1992. Походження українського народу: 9—26. Київ.
- РИЖОВ С. М. 1986. Локально-хронологічне членування пізньотрипільських пам'яток у Буго-Дніпровському межиріччі // IV Вінницька обласна краєзнавча конференція. ТД: 46—47. Вінниця.
- 1987а. Про історичну долю пізньотрипільських племен томашівської групи // VII Подільська історико-краєзнавча конференція. ТД: 12—13. Кам'янець-Подільський.
- 1987б. Небелівська локально-хронологічна група в Буго-Дніпровському межиріччі (етапи VI—VII трипільської культури) // V Вінницька обласна історико-краєзнавча конференція. ТД: 71—72. Вінниця.
1993. Небелівська груда пам'яток трипільської культури // Археологія. № 3: 114—127.
1990. Микрохронология трипольского поселения у с. Тальянки // РПТК: 83—90.
- РИЖОВ С. М., КРУЦ В. О. 1989. Динамика розселення трипільських общин в Середньому Побужжі // VIII Вінницька обласна історико-краєзнавча конференція. ТД: 13—14. Вінниця.
- САЙКО Э. В. 1990. Стадиальная дифференциация типов расселения: поселение и город-деревня // РПТК: 17—21.
- СТЕФАНОВИЧ В. А., ДИДЕНКО О. П. 1968. Археологические памятники Уманщины. Умань. Рукопись. 269 с.
- ТЕЛЕІН Д. Я. 1985. Радіокарбонне і археомагнітне датування трипільської культури // Археологія. Вып. 51: 10—22.
- ТКАЧУК Т. М. 1990а. Орнаментація посудів из трипольских поселений Тальянки и Майда-нецкое // РПТК: 152—154.
- 1990б. До змісту поєднань знаків у розпису трипільського посуду етапу С-І // VIII Подільська історико-краєзнавча конференція. ТД: 20—21. Кам'янець-Подільський.

- ЦВЕК Е. В. 1985. Особливості формування сходного регіону трипільсько-кукутенської спільності // *Археологія*. Вып. 51: 31—45.
- ЧЕРНЫШ Е. К. 1977. Формирование локальных вариантов трипольской культуры // *Новейшие достижения советских археологов. ТД всесоюз. конференции*: 18—21. М.
1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // *Энеолит СССР*: 165—252. М.
- ЧЕРНЯКОВ І. Т. 1990. Поселення-гіганти трипільської культури // *РПТК*: 3—6.
- ШИШКІН К. В. 1973. З практики дешифрування аерофотознімків в археологічних цілях // *Археологія*. Вып. 10: 32—38.
1985. Планування трипільських поселень за даними аерофотозйомки // *Археологія*. Вып. 52: 72—77.
- ШМАГЛІЙ М. М., ВИДЕЙКО М. Ю. 1987. Пізньотрипільське поселення поблизу с. Майданецького на Черкащині // *Археологія*. Вып. 60: 58—71.
- Трипільські поселення на Черкащині // *Археологія*. № 3: 124—130.
- 1993а. Трипільські протоміста // *Археологія*. № 3: 52—63.
- 1993б. Дослідження Майданецького в 1991 році // *Археологічні дослідження в Україні 1991 року*: 138—141. Луцьк.
- ШМАГЛІЙ М. М., ДУДКІН В. П., ЗІНЬКОВСЬКИЙ К. В. 1973. Про комплексне вивчення трипільських поселень // *Археологія*. Вып. 10: 23—31.
- ШМАГЛІЙ Н. М. 1978. Крупные трипольские поселения в междуречье Днестра и Южного Буга // *Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. ТД XVII конференции ИА АН УССР*: 41—42. Ужгород.
1980. Крупные трипольские поселения в междуречье Днестра и Южного Буга // *Первобытная археология. Поиски и находки*: 198—203. Киев.
1981. Раскопки в Майданецком // *АО 1980 г.*: 323—324.
1982. Крупные трипольские поселения в междуречье Днестра и Южного Буга // *Tracia praehistorica. Supplementum Pulpudeva*. 3. Semaines Phillipopolitains de l'histoire de la culture Thrace. Plovdiv, 14—19 octobre 1978: 62—70. Sofia.
1985. Исследования в Майданецком // *АО 1984 г.*
1986. О социально-демографической реконструкции крупных трипольских поселений // *International symposium uber die Lengyel-cultur. Njve Vozokany, 5—9 November 1984*: 257—264. Nitra; Wien.
1987. Формирование крупных трипольских поселений, как показатель культурного прогресса // *Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху. ТД республ. совещ.*: 75—76. Ашхабад.
1988. Исследования в Майданецком // *АО 1986 г.*: 352.
1989. Крупные трипольские поселения — центры социально-культурного прогресса древнеземледельческих обществ // *Проблеми історіе та археологіе давнього населення Українське РСР. ТД XX респ. конференції. Одеса, жовтень 1989 р.*: 261—263. Киев.
1990. Итоги и перспективы исследования крупного трипольского поселения у с. Майданецкое // *РПТК*: 30—34.
1991. Крупные трипольские поселения и проблема ранних форм урбанизации // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Материалы междунар. конференции. Кишинев, 10—14 дек. 1990 г.*: 46—48. Киев.
1994. Крупные трипольские поселения — центры социально-культурного прогресса древнеземледельческих обществ // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Материалы междунар. археол. конф. Тирасполь, 10—14 октября 1994 г.*: 48—49. Тирасполь.
- ШМАГЛІЙ Н. М., ВИДЕЙКО М. Ю. 1987а. Раннетрипольское поселение Гребенюков Яр у с. Майданецкое // *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*: 87—99. Киев.
- 1987б. Святые места и культовые места на крупных трипольских поселениях // *Религиозные представления в первобытном обществе*: 169—171. М.
- 1987в. Исследования кургана эпохи бронзы на крупном трипольском поселении у с. Майданецкое // *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины*: 131—135. Киев.
- 1990а. Крупные трипольские поселения и проблема ранних форм урбанизации // *РПТК*: 12—16.

- 1990б. Микрохронология поселения Майданецкое // РПТК: 91—94.
- 1991а. Курганы и проблема исчезновения трипольских протогородов // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Материалы международной конференции. Кишинев, 10—14 декабря 1990 г.: 55—56. Киев
- 1991б. Работы Майданецкой экспедиции // Археологічні дослідження в Україні у 1990 р. Ч. 1: 28—29. Киев.
- ШМАГЛИЙ Н. М., ДУДКИН В. П., ЗИНЬКОВСКИЙ К. В. 1972. О комплексном изучении трипольских поселений // Результаты польових досліджень 1970—1971 рр. ТД: 106—108. Одесса.
1973. Раскопки трипольского поселения // АО 1972 г.: 349—350.
1975. Некоторые вопросы социально-демографической реконструкции крупного трипольского поселения // Новейшие открытия советских археологов. Ч. 1: 68—69. Киев.
- ШМАГЛИЙ Н. М., ЗИНЬКОВСКАЯ Н. Б., ЗИНЬКОВСКИЙ К. В. 1976. Исследование трипольского поселения в Майданецком // АО 1975 г.: 406—407.
1977. Раскопки на трипольском поселении Майданецкое // АО 1976 г.: 391—392.
- ШТИГЛИЦ М. С. 1971. Разведки трипольских памятников в районе Умани // АО 1970 г.: 236.
- SABAN A. J., OATES J. 1987. Early tokens and tablets in Mesopotamia: new information from Tell-Brak // World Archaeology. V. 17. № 3: 348—362.
- SMAGLIJ N. M. 1982. Grosse Tripolie Siedlungen zwischen Dnepr und Südlichem Bug // Das Altertum. Band 28. H. 2: 118—125.
- VIDEJKO M. 1995. Großsiedlungen der Tripol'e-Kultur der Ukraine // Eurasia antiqua. Band 1. Berlin.

Рис. 1. Майданецкое. План поселения трипольской культуры по данным магнитной съемки.

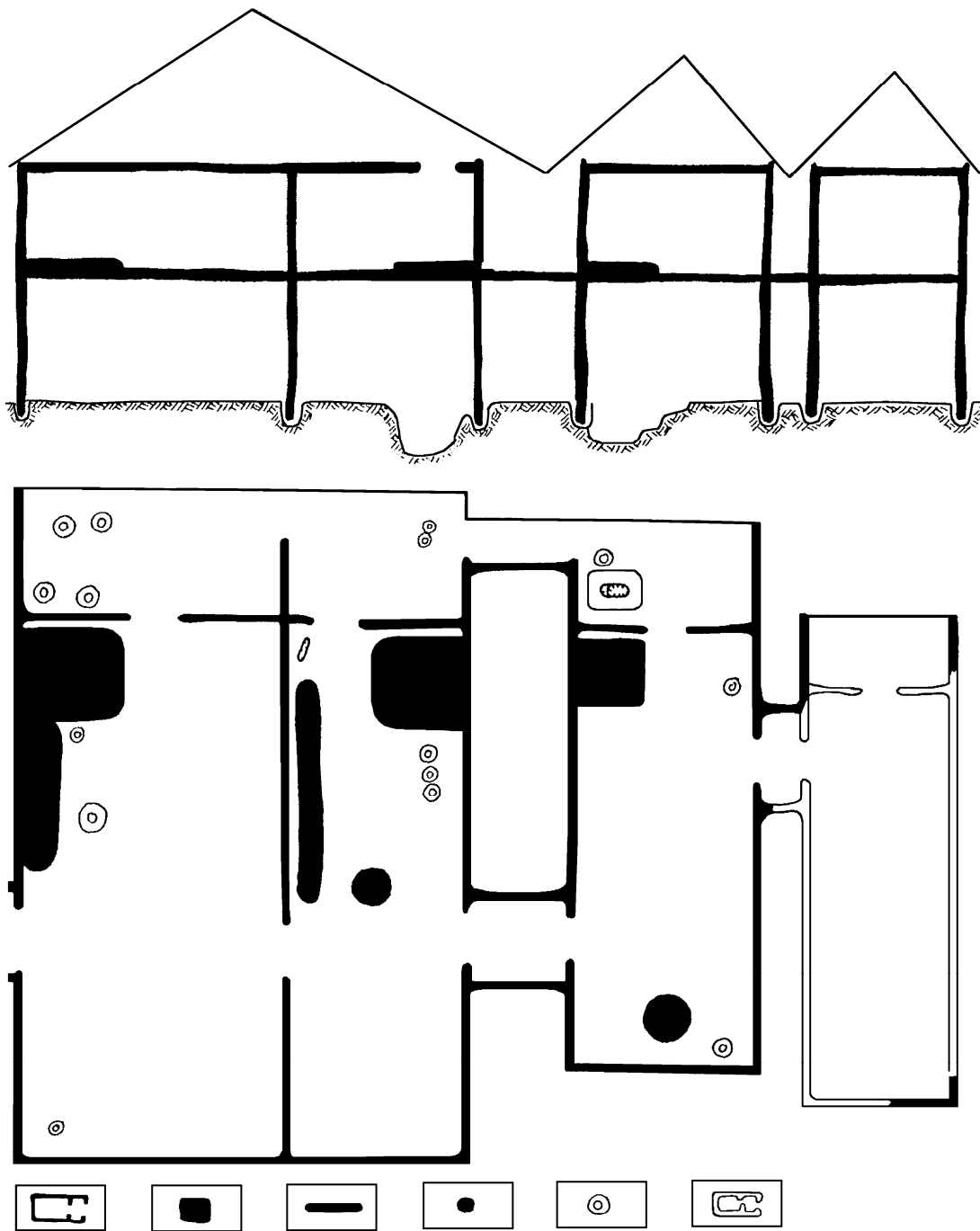

Рис. 2. Майданецкое. План и схема реконструкции двухэтажных домов.

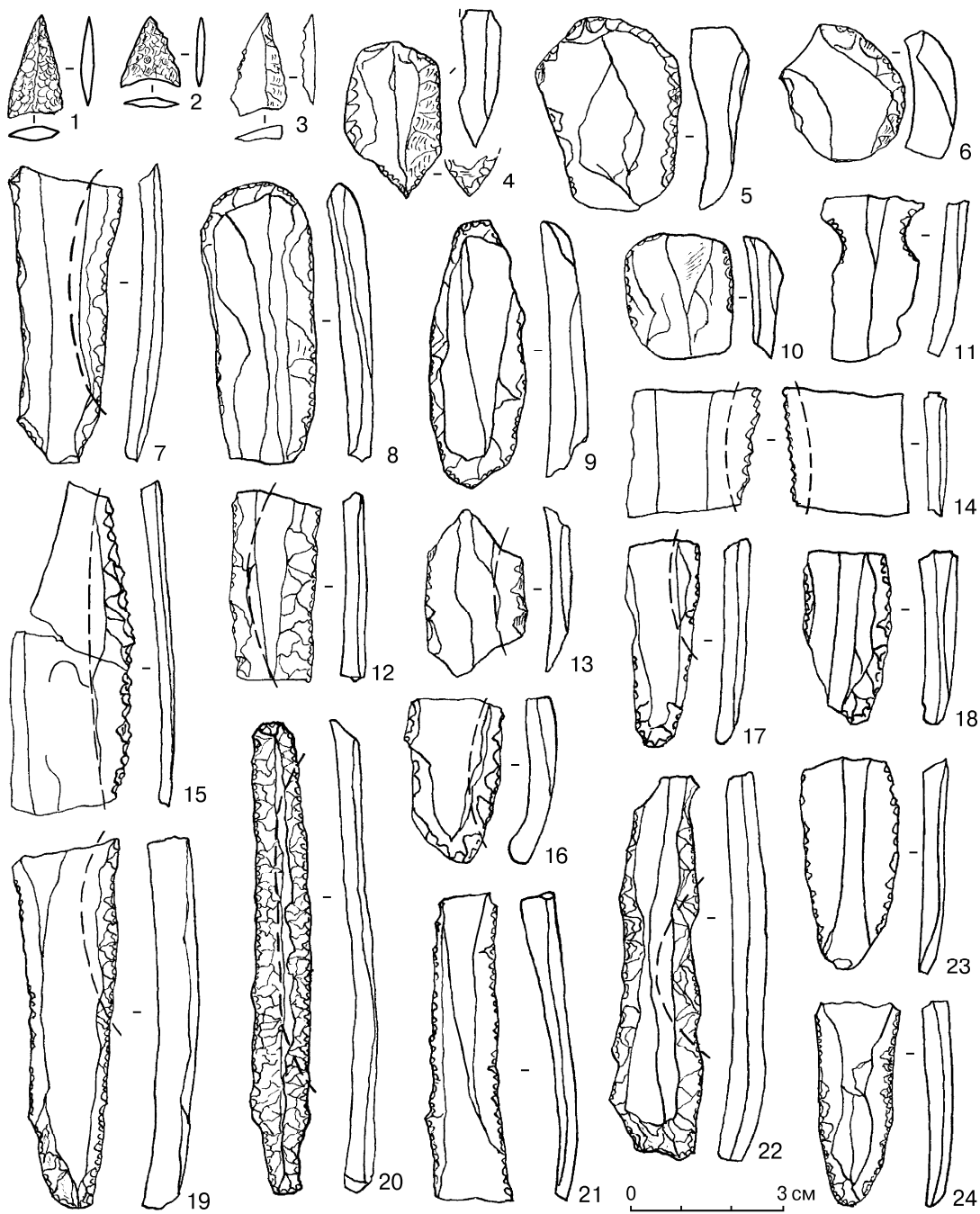

Рис. 3. Майданецкое. Орудия труда из кремня.

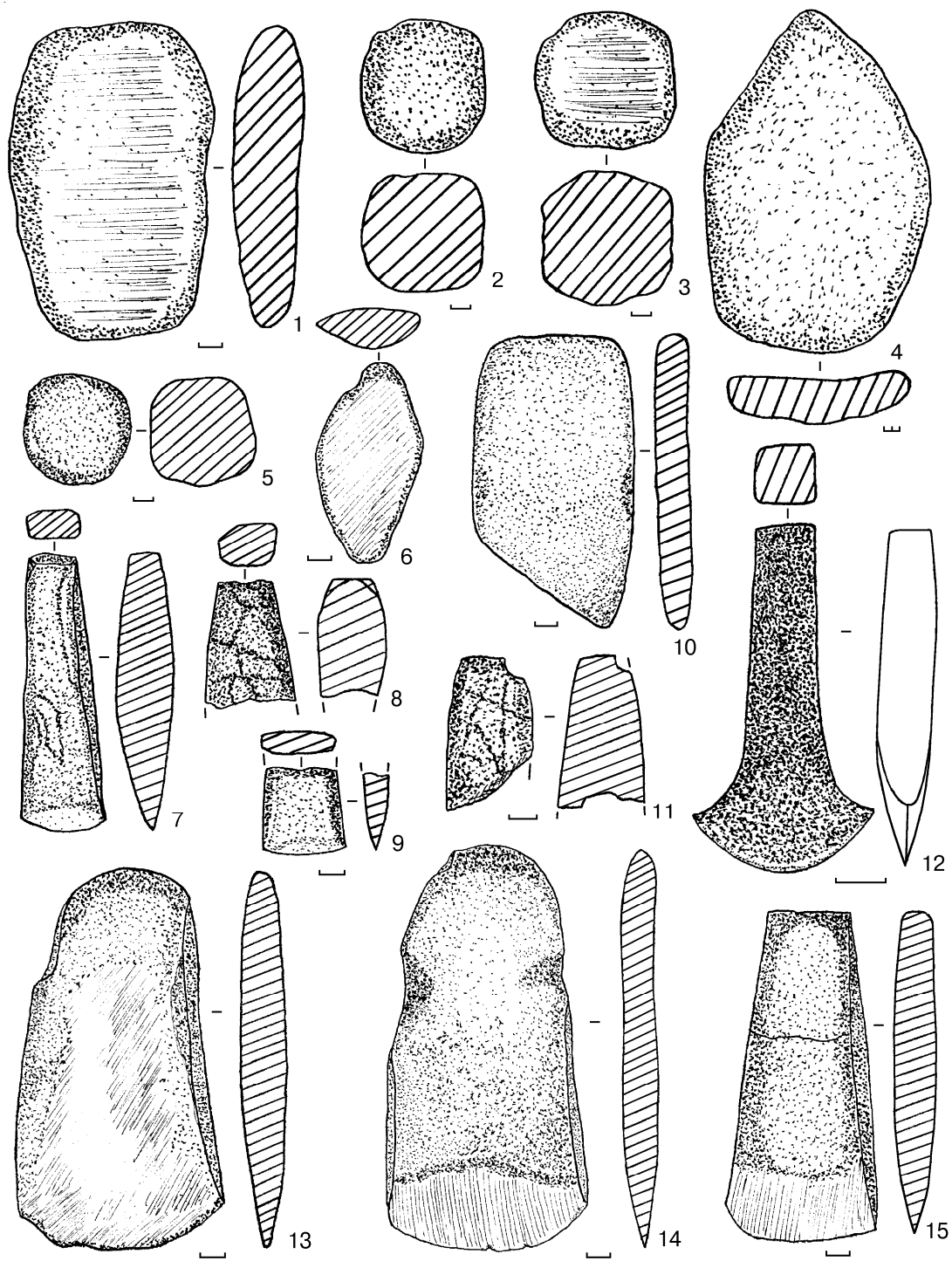

Рис. 4. Майданецьке. Орудия труда из камня (1—11, 13—15) и меди (12).

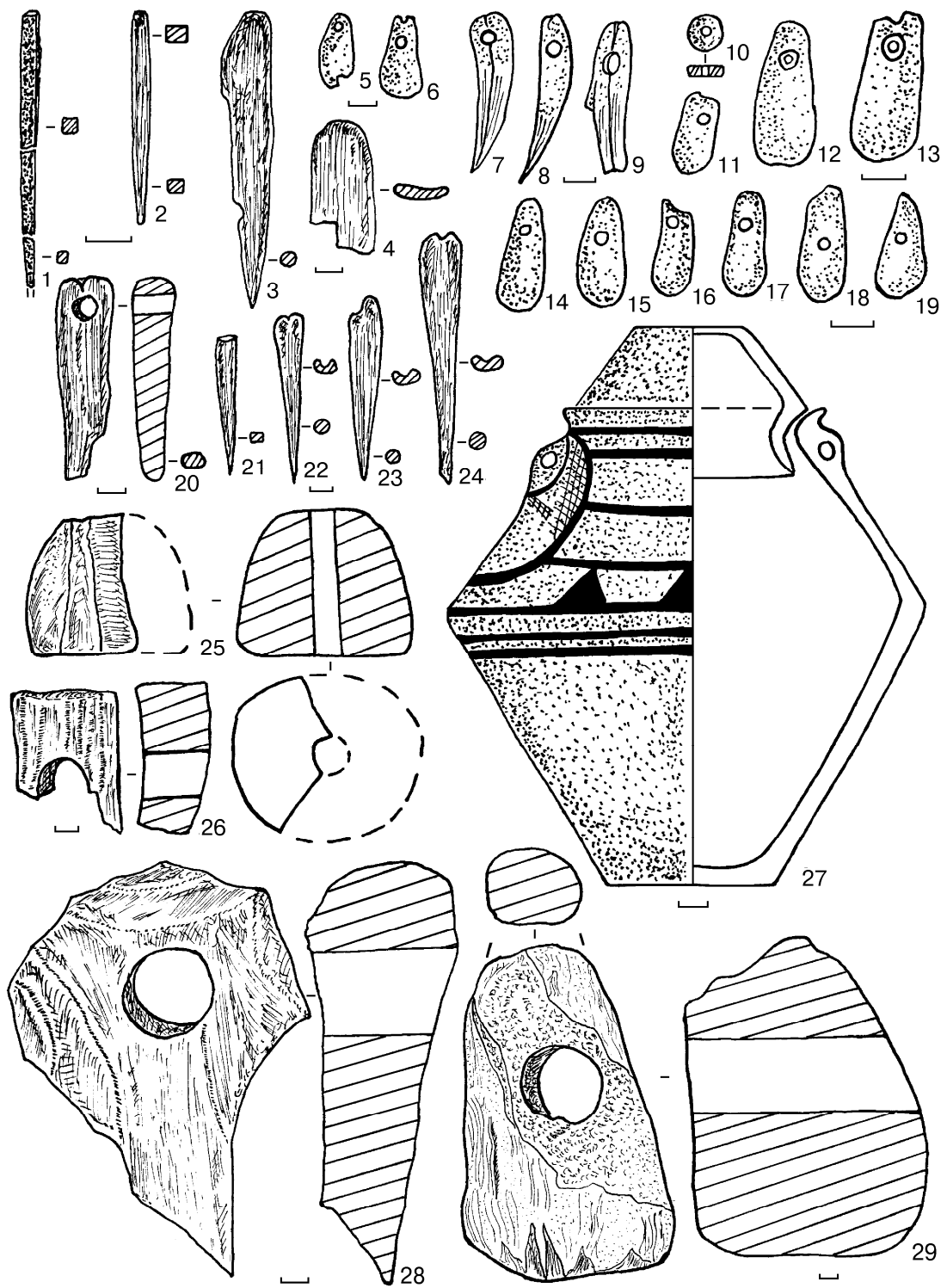

Рис. 5. Майданецьке. Изделия из кости и рога.

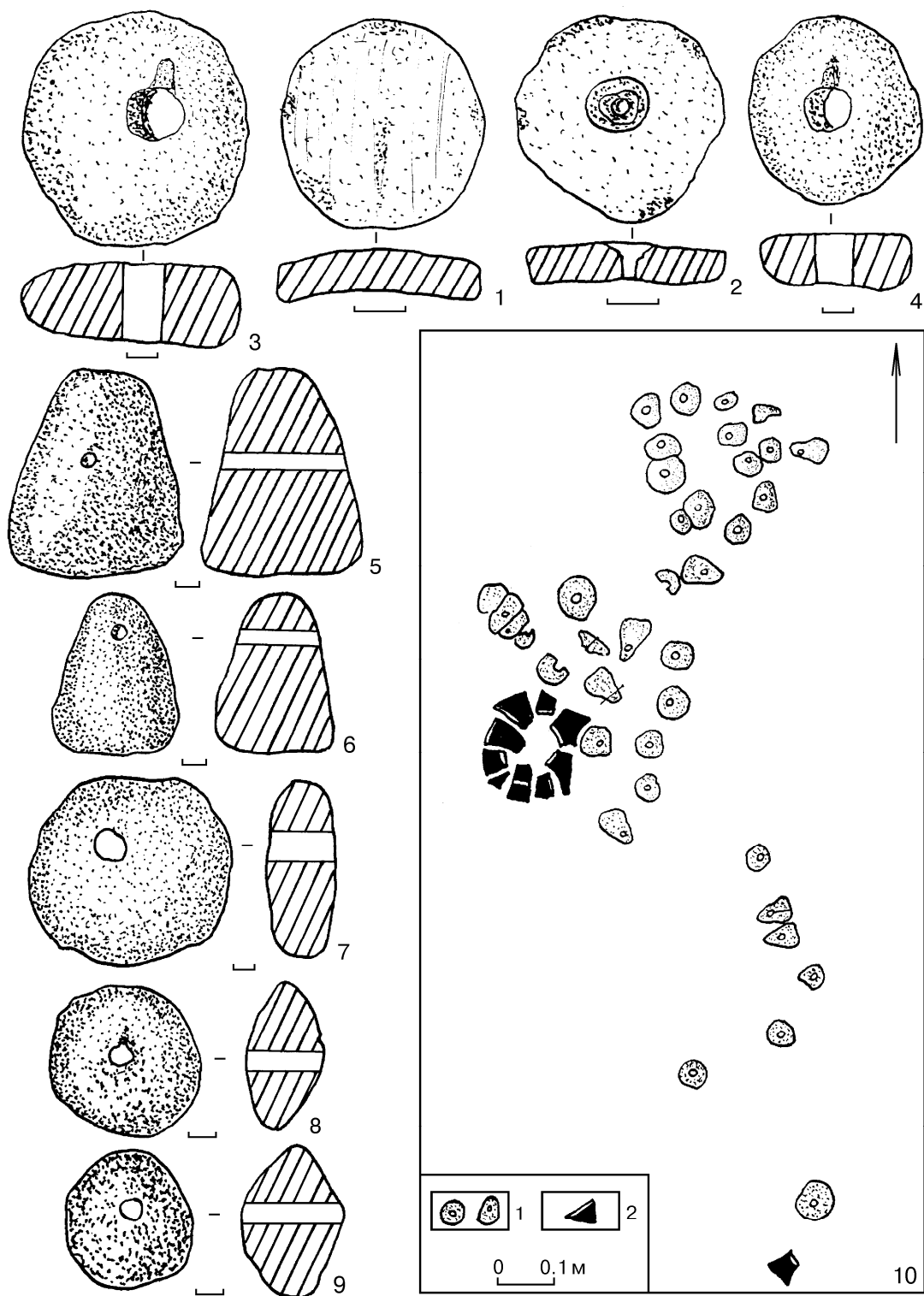

Рис. 6. Майданецкое. Орудия труда, связанные с ткачеством: 2 — пряслица; 3—9 — глиняные оттяжки; 10 — остатки станка, найденные при раскопках комплекса “Б”.

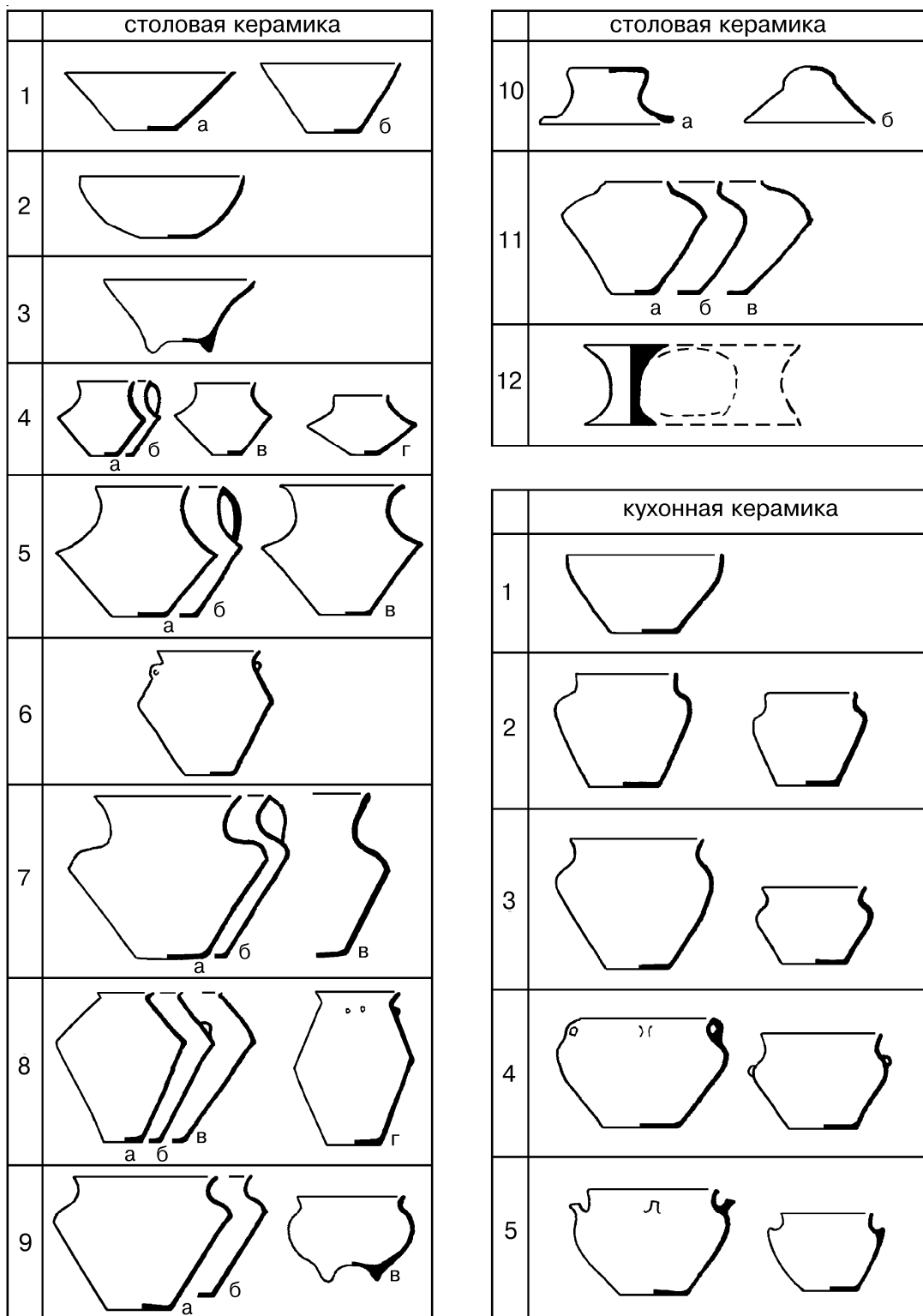

Рис. 7. Майданецкое. Основные типы сосудов.

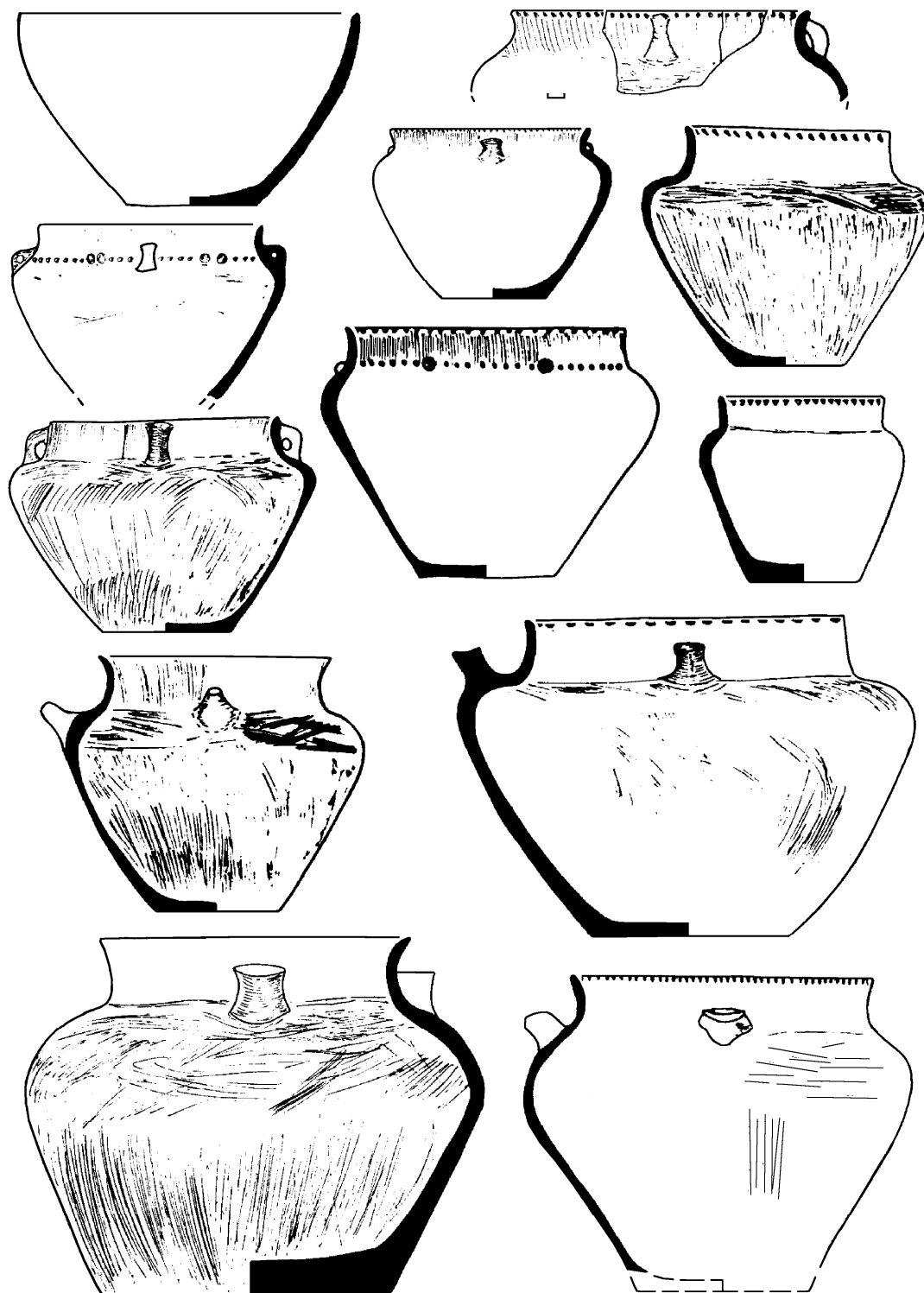

Рис. 8. Майданецкое. Кухонная керамика.

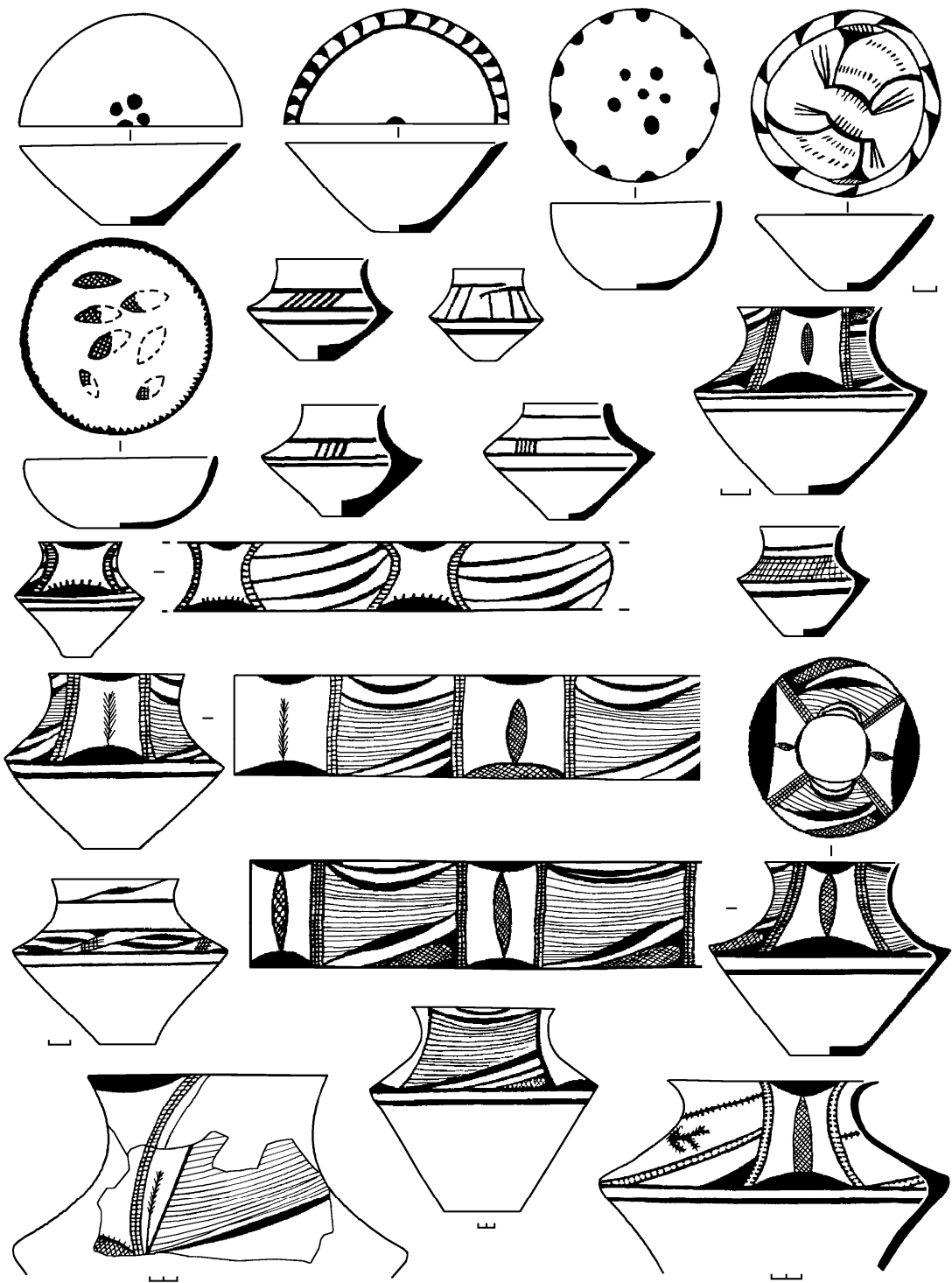

Рис. 9. Майданецкое. Столовая керамика — миски и кубки.

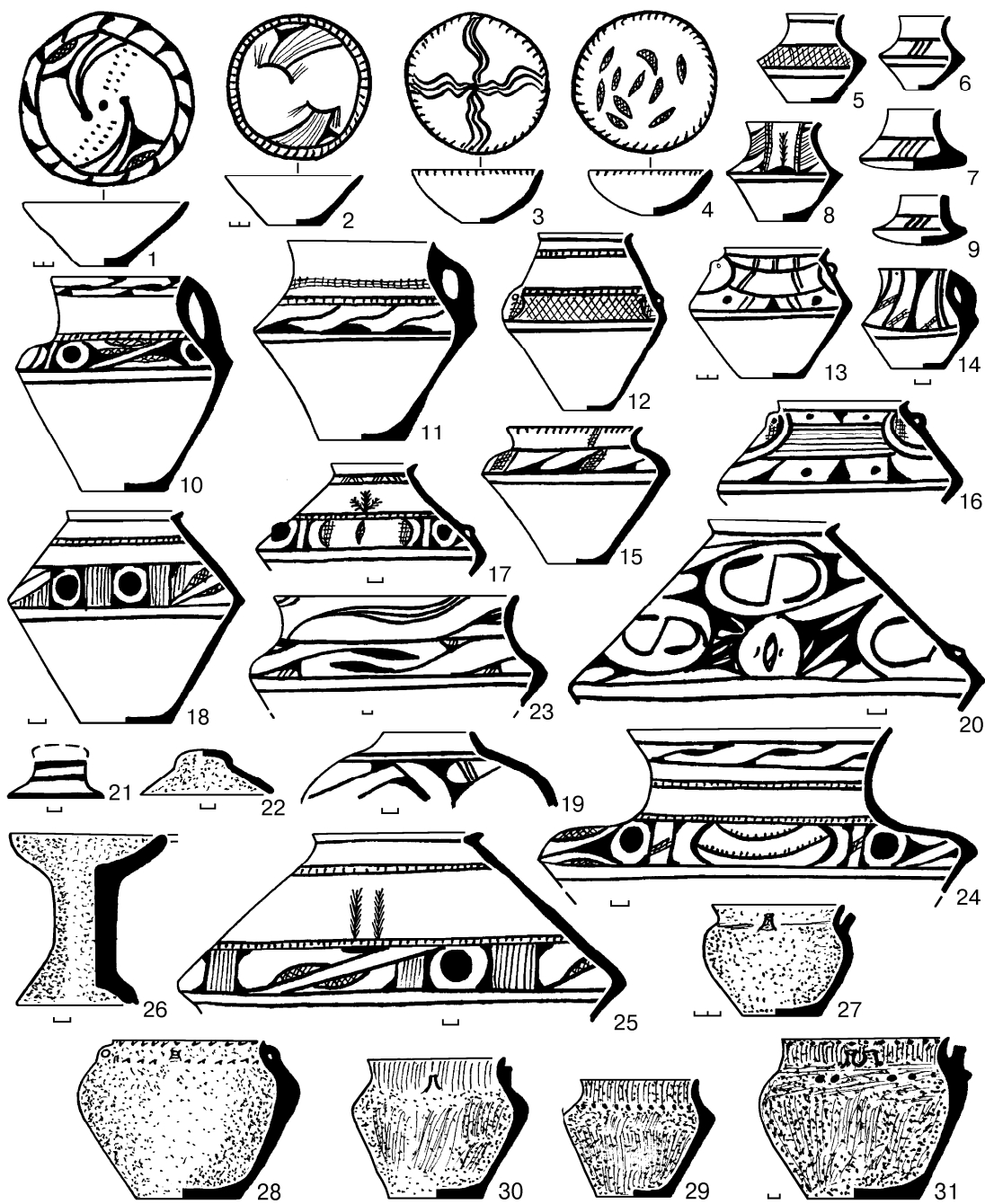

Рис. 10. Майданецкое. Набор сосудов из комплекса "Ж".

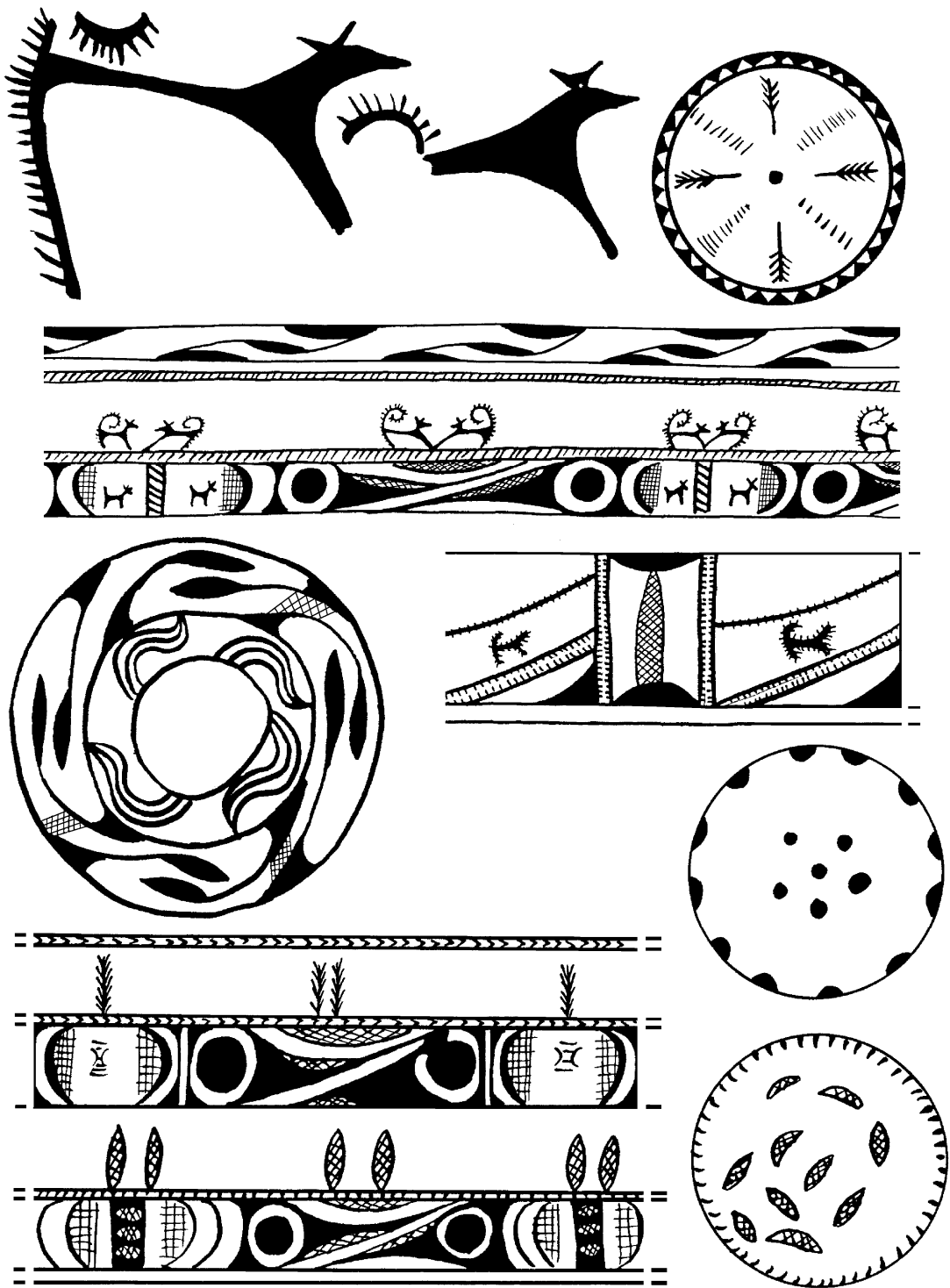

Рис. 11. Майданецкое. Растительные и зооморфные сюжеты в росписи столовой керамики.

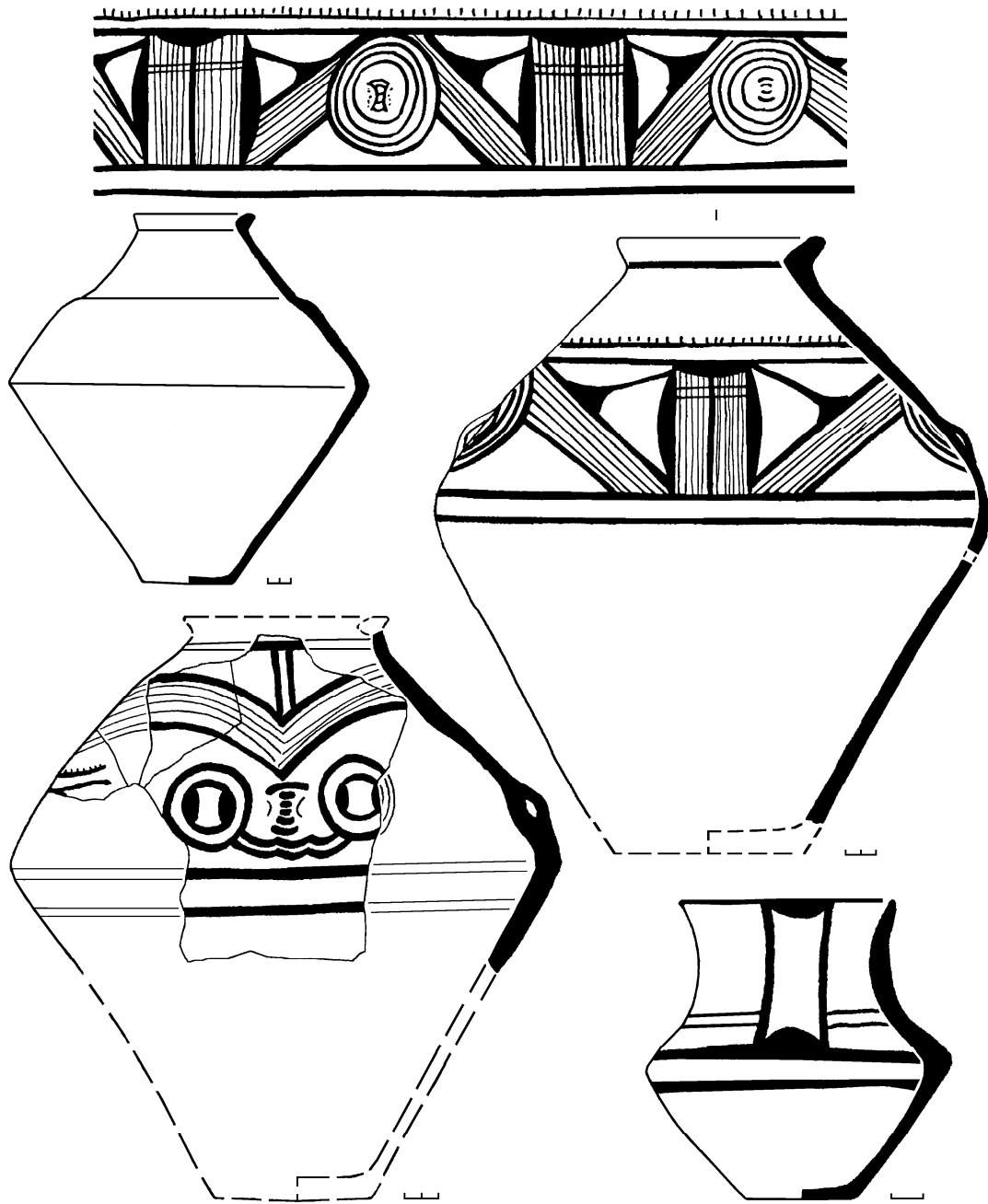

Рис. 12. Майданецкое. Образцы керамических импортов и подражаний им.

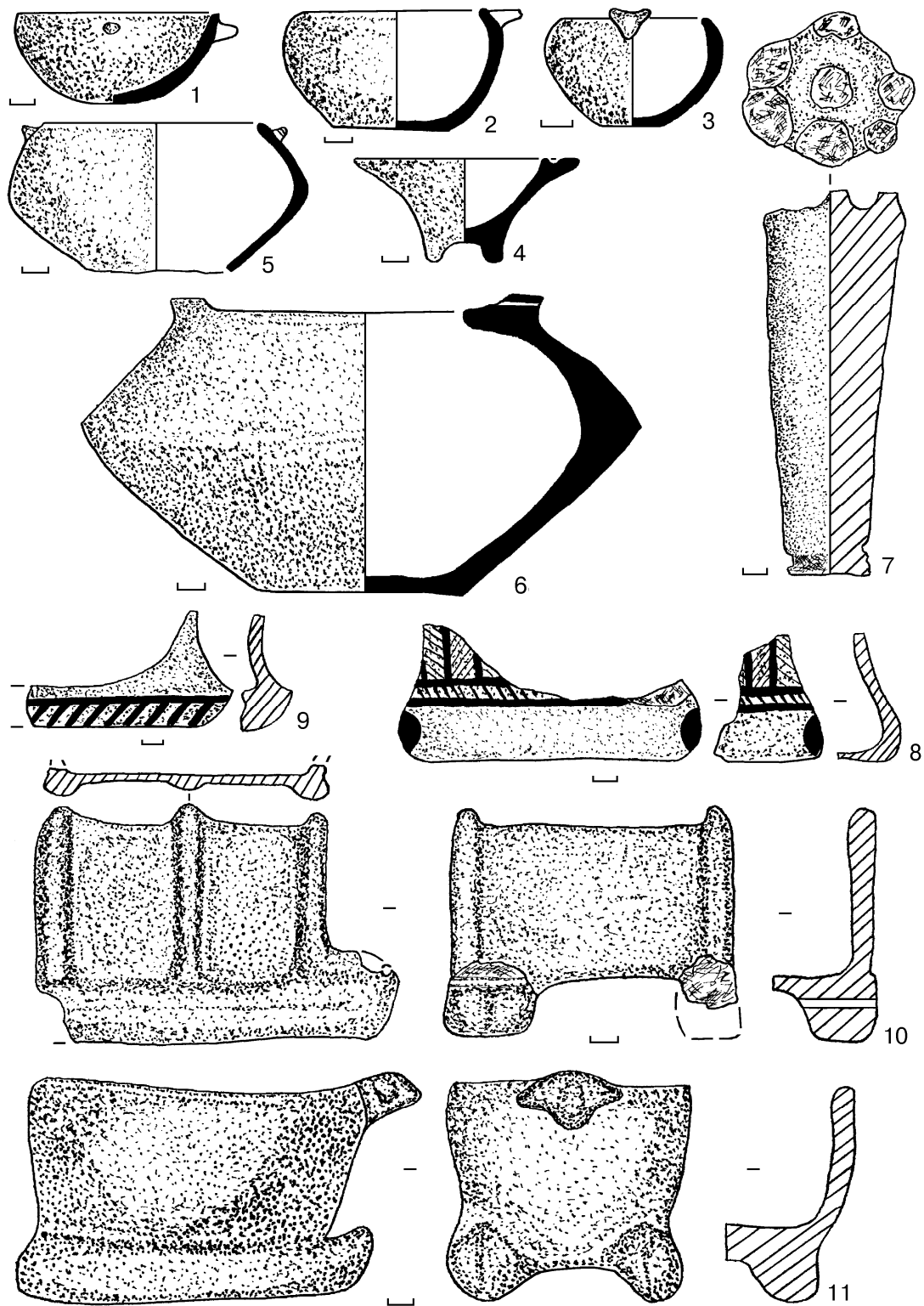

Рис. 13. Майданецкое. 1—6 — редкие типы керамики; 8—11 — глиняные модели саней.

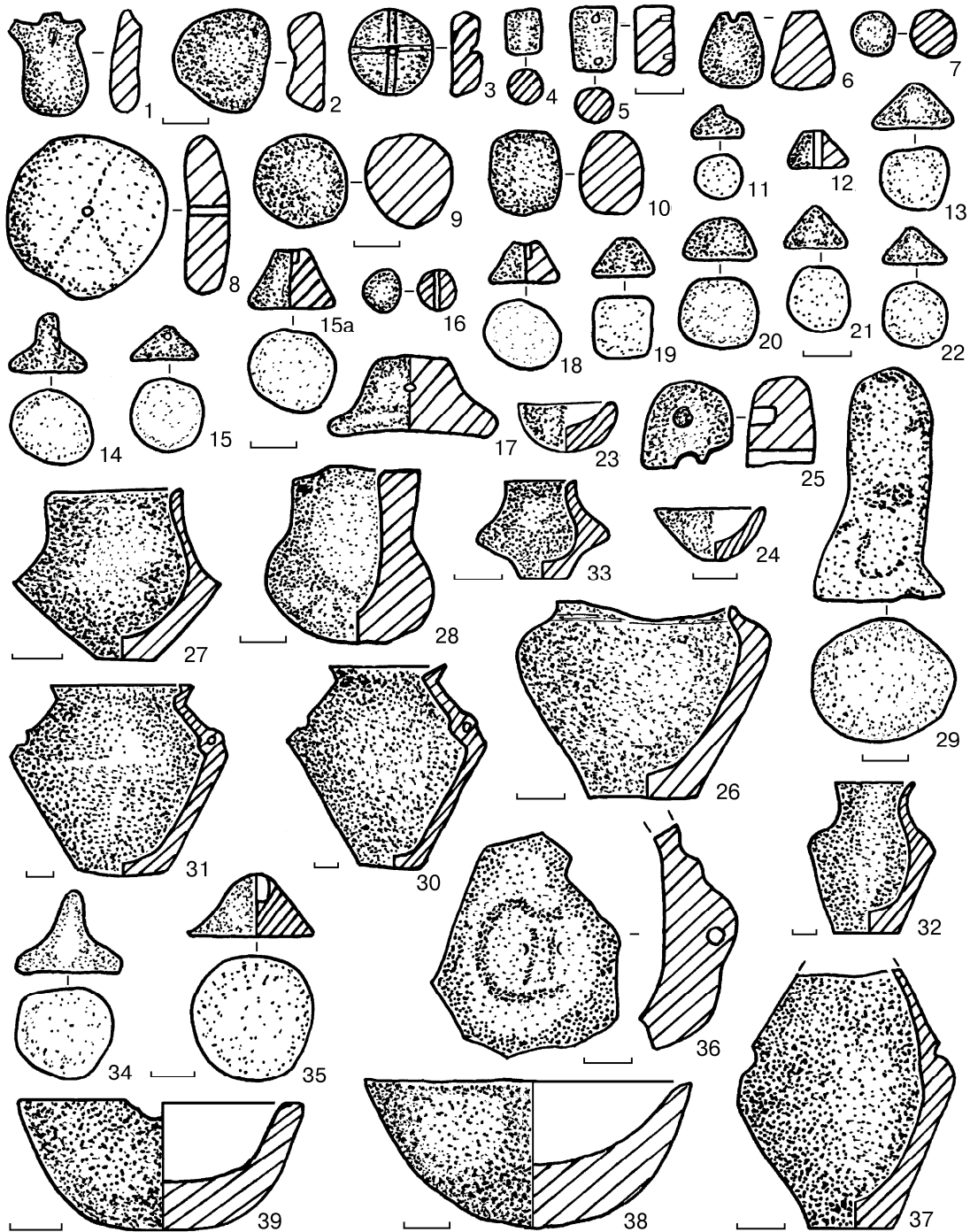

Рис. 14. Майданецкое. Миниатюрные изделия из глины.

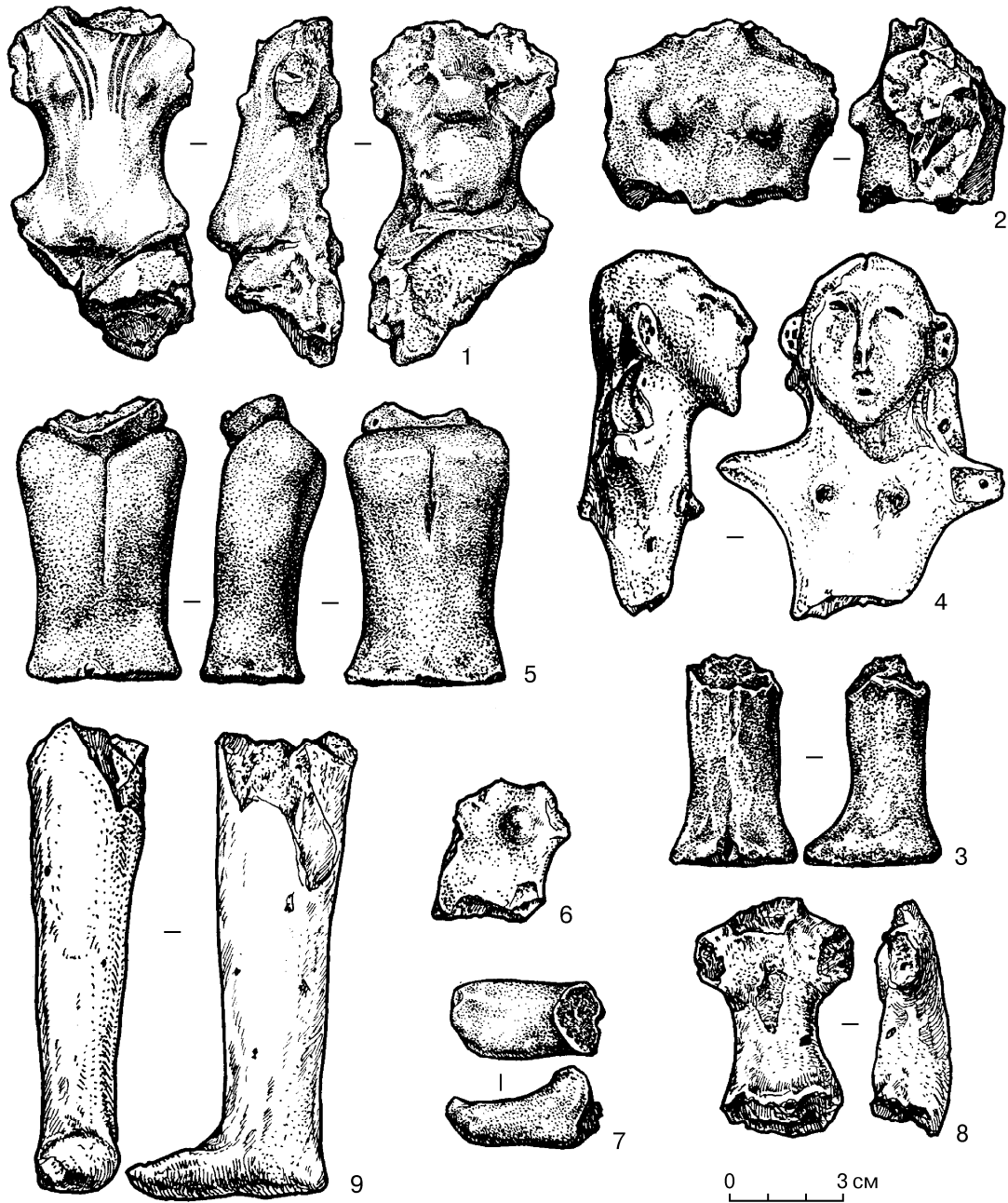

Рис. 15. Майданецкое. Антропоморфная пластика.

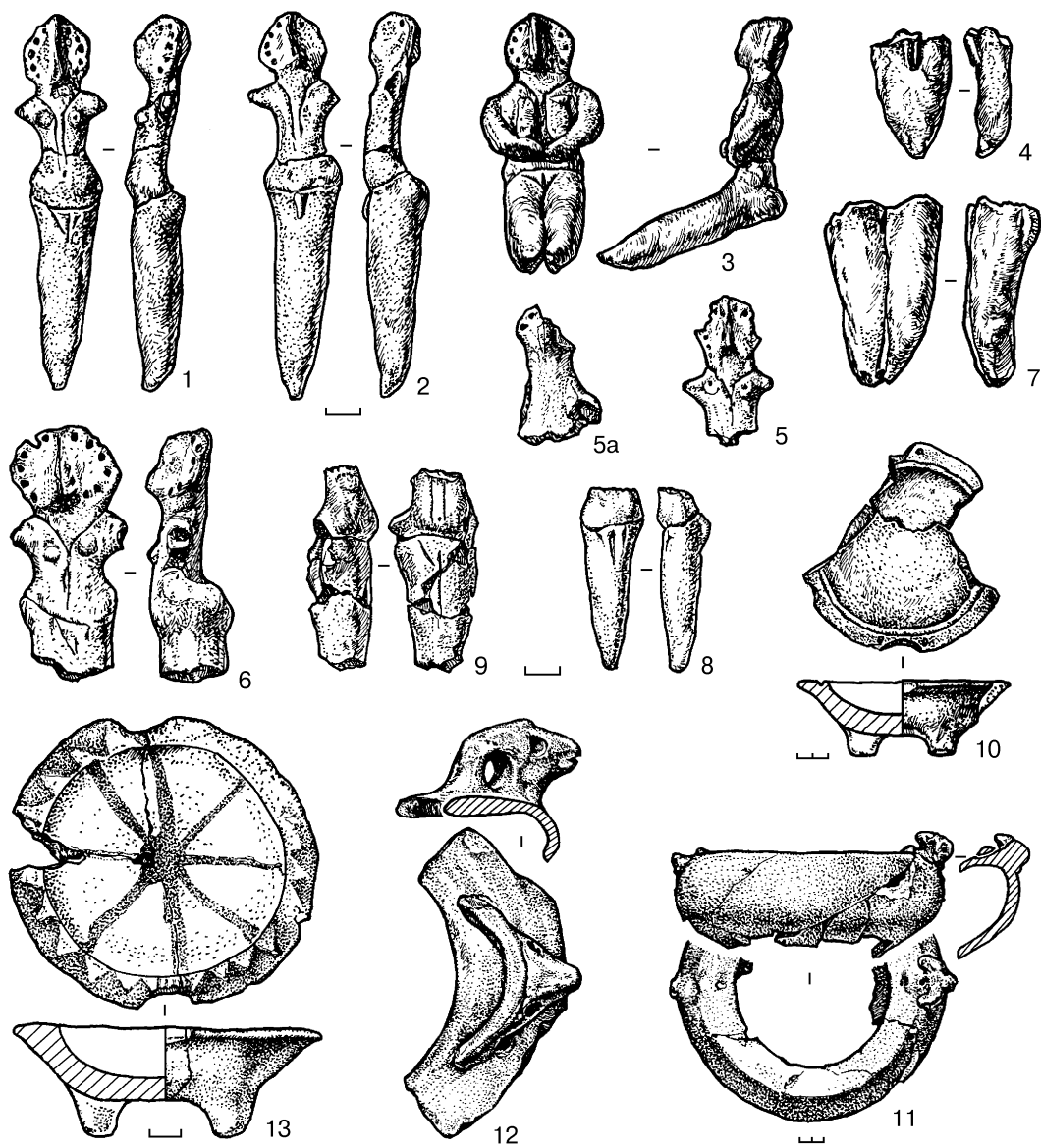

Рис. 16. Майданецкое. Антропоморфная пластика и зооморфные сосуды.

М. Ю. Видейко

**НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ШМАГЛИЙ —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ**

Николай Михайлович Шмаглий — археолог, исследователь памятников трипольской культуры, более 40 лет жизни посвятивший исследованию археологии Украины. За эти годы он прошел путь от лаборанта, аспиранта до кандидата исторических наук, руководителя крупнейших археологических экспедиций, отдела новостроечных исследований Института археологии АН УССР, а в последние годы — заведующего Лабораторией охранных археологических исследований — ЛОАИ (ныне НИИ памятнично-охранных исследований при Министерстве культуры и искусств Украины). Среди его многочисленных археологических открытий — новый трояновский тип памятников трипольской культуры, древнейшие энеолитические подкурганые захоронения в Северо-Западном Причерноморье, трипольские протогорода.

Родился Николай Шмаглий 26 июля 1931 г. в с. Фастовцы Бахмачского р-на Черниговской обл. в семье крестьянина. В 1937 г. семья переехала в г. Якутск. Тут Н. М. Шмаглий окончил в 1948 г. среднюю школу. В том же году он переехал в Киев, чтобы продолжить образование. После успешной сдачи экзаменов был зачислен студентом первого курса исторического факультета Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

Здесь, в университете, Н. М. Шмаглий познакомился с наукой, ставшей делом всей его жизни — археологией. Во время учебы Н. М. Шмаглий как практикант и лаборант работал в археологических экспедициях: два сезона — в Ольвии и один — в Буго-Днепровской экспедиции. Университет Н. М. Шмаглий окончил в 1953 г. с отличием, и его рекомендовали к поступлению в университетскую аспирантуру. Через год, успешно сдав экзамены, поступил в аспирантуру при Институте археологии УССР.

В качестве темы для кандидатской диссертации была избрана история позднетрипольского населения Полесья. Научным руководителем Н. М. Шмаглия был утвержден доктор исторических наук С. Н. Бибилов. Были начаты полевые исследования — с Т. Д. Белановской Н. М. Шмаглий раскапывает поселение Троянов в Житомирской обл. Это поселение стало эпонимным для типа трипольских памятников, выделенного им впоследствии из числа памятников городского типа, как более раннего. По окончании аспирантуры в ноябре 1957 г. Н. М. Шмаглий был направлен в отдел первобытной археологии Института, на должность младшего научного сотрудника. Здесь он продолжил работу над диссертацией, завершая монографическое исследование поселения Троянов (эти материалы еще ждут своей публикации). Кандидатскую диссертацию “Городско-волынский вариант Трипольской культуры” Н. М. Шмаглий защитил в мае 1962 г. в Институте археологии АН СССР (Москва). Материалы этой работы были использованы впоследствии для написания раздела о позднетрипольских памятниках в первом издании трехтомника “Археология Украинской ССР”, вышедшем в 1971 г.

В 1961—1963 гг. на Днестре были проведены крупные археологические изыскания в связи со строительством Каневского водохранилища. По его будущим берегам Н. М. Шмаглий прошел десятки километров, нанеся на карту десятки памятников археологии, многие из которых ныне скрыты водами Днестра. Несколько

лет он работал заместителем начальника экспедиции на раскопках трипольского поселения у села Гребени Кагарлыкского р-на Киевской обл. Экспедицию возглавлял директор Института, член-корреспондент АН УССР С. Н. Бибиков. В ходе раскопок это поселение было раскопано почти полностью.

В 1963 г. Н. М. Шмаглий открывает новую страничку в своих археологических исследованиях, возглавив новостроечную Дунай-Днестровскую экспедицию в Одесской обл. Впервые здесь были развернуты столь масштабные научные исследования, позволившие прочитать неизвестные доселе страницы древнейшей истории Понтийских степей. Среди них — древнейшие подкурганные захоронения, датируемые ныне серединой пятого тысячелетия до н. э., эпохой энеолита, в том числе — широко известный комплекс с конеголовым скипетром из 1-го Суворовского кургана. Эта находка послужила толчком к написанию совместно с доктором исторических наук В. Н. Даниленко проблемной статьи “Про один поворотный момент в історії енеолітичного населення Південної Європи”. Эта статья была посвящена проблеме появления всадничества и связанными с этим историческими сдвигами в древней истории Европы. В 1968 г. при раскопках у с. Маяки было найдено погребение ямной культуры с сохранившимися остатками четырехколесной повозки — одной из древнейших на нашем континенте. Итоги многолетних исследований были опубликованы в ряде коллективных работ с участниками экспедиции — И. Т. Черняковым, Л. В. Субботиным, И. Л. Алексеевой. Была разработана периодизация погребальных памятников степей Северного Причерноморья, основанная на изучении стратиграфии древних курганов, начиная с наиболее ранних, энеолитических погребений. До сих пор ни одна из работ по археологии эпохи энеолита — бронзы по данному региону невозможна без привлечения материалов Дунай-Днестровской экспедиции.

Возросшие масштабы новостроечных экспедиций потребовали создания соответствующей структуры в Институте археологии. С целью координации и организации археологических исследований в зонах новостроек в 1974 г. был создан Отдел новостроечных экспедиций. Н. М. Шмаглий стал его первым заведующим — до перехода в 1977 г. на должность старшего научного сотрудника в отдел первобытной археологии.

В конце 60-х гг. Н. М. Шмаглий познакомился с военным топографом К. В. Шишкиным, энтузиастом поиска археологических объектов с помощью аэрофотосъемки. Несколько лет продолжалась их переписка — ведь в число открытых памятников входили и трипольские поселения в разных регионах Украины и Молдавии. К. В. Шишкин поделился сведениями о самых невероятных из дешифрованных им объектов — поселениях-гигантах трипольской культуры на Черкащине, площадью в десятки и сотни гектар.

В 1971 г. Н. М. Шмаглию после окончания новостроечных раскопок удалось выкроить немного средств и времени на разведку одного из этих памятников, указанного К. В. Шишкиным у с. Майданецкого Тальновского р-на Черкасской обл. Три экспедиции побывали в тот год в Майданецком, но только Н. М. Шмаглию удалось найти способ продолжить и успешно провести исследования, открыть трипольские протогорода. До сих пор Майданецкое — один из наиболее исследованных памятников этого типа. Восемнадцать сезонов было отдано исследованиям этого памятника — менялся состав экспедиции, неизменно оставался на своем посту лишь ее начальник. С научными докладами об этих раскопках и своем видении проблемы трипольских протогородов Н. М. Шмаглий выступал на конференциях в СССР, за границей. Название украинского села Майданец вошло в энциклопедические словари, учебники истории.

В 1974—1980 гг. Н. М. Шмаглий возглавил работу Днестровской трипольской экспедиции в зоне строительства каскада гидроэлектростанций. Здесь под его руководством исследовались трипольские поселения у с. Коновка и Студеница. Поселение Коновка исследовалось по отработанной в Майданецком комплексной методике — с применением магнитной съемки. Это дало возможность выделить и раскопать наиболее интересные объекты. Так, например, площадка 7 в центре поселка оказалась храмом, дала богатую коллекцию пластики и ритуальных изделий из глины.

Все эти годы Н. М. Шмаглий работал над докторской диссертацией, посвященной истории позднего этапа трипольской культуры. Тема была чрезвычайно сложна и объемна — ведь речь шла о периоде в 700 лет, многочисленных вариантах и типах памятников, огромном объеме материала. В работе следовало не только обобщить результаты собственных исследований почти за 30 лет (от Троянова и Причерноморья до Майданецкого и Коновки), но и рассмотреть сложнейшие проблемы древней истории — начиная от феномена трипольских протогородов до пресловутого “исчезновения” трипольской культуры. И каждый из поднятых вопросов — острый, дискуссионный, сколько исследователей — столько и мнений, и каждый отстаивает свое, как единственно верное. Вероятно, по этим причинам первое обсуждение работы, поданной на суд отдела весной 1987 г. и принесло результаты, далекие от триумфального успеха — заключение отдела гласило: “над темой еще следует поработать”^s

В 1991 г. Н. М. Шмаглий стал заведующим Лабораторией охранных археологических исследований при Министерстве культуры Украины. И здесь он настойчиво искал новые перспективы, обосновывал необходимость открытия через Министерство культуры бюджетных программ по охранным археологическим исследованиям памятников самых разных эпох — от Триполья до времен козацких.

Заветной мечтой оставалось издание монографии о Майданецком. Уже был готов краткий вариант работы — раздел так и не состоявшейся в Институте археологии коллективной монографии о крупных трипольских поселениях. Эту работу предполагалось расширить, подготовить необходимые приложения, иллюстрации. Эта работа стояла в перспективном издательском плане Института археологии на 1995 г. Однако Николаю Михайловичу не суждено было завершить над ней работу. В декабрьский день 1994 года его не стало.

**ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА
(на примере кавказско-степных взаимодействий)**

Ни одно общество мира, за редким исключением, не развивалось изолированно. Взаимодействие обществ было одной из составляющих общего процесса. Взаимосвязи могут быть рассмотрены как один из компонентов исторического процесса, играющего важную роль в культурогенезе.

Настоящая статья посвящена связям племен в эпоху энеолита — бронзы, то есть когда уже победило производящее хозяйство и шли интенсивные процессы развития раннеземледельческих и скотоводческих культур вокруг Черного моря. Степная часть Восточной Европы в это время стала ареной, где шло формирование скотоводческого хозяйства, сменялись типы культур и культурный контакт, утверждались ценностные ориентации. Особое место в системе древних связей жителей степи занимал Кавказ, народы которого были связаны с великим поясом Евразийских степей, начиная с мезолита и неолита.

Устойчивость и наращивание во времени этих связей, четко прослеживаемых археологически, показывает их важную роль в жизнедеятельности степных племен.

Прежде чем перейти к конкретному материалу, кратко остановлюсь на разработке понятия “связи”. С. Н. Артановский (1967) под этим названием объединяет “различные явления культурного общения народов”, включая контакты, переселения, заимствования, подражания и т. д. Появление их объясняется неравномерностью культурно-исторического развития, а усложнение — ходом социально-исторического процесса. В какой-то степени определение, связанное с характеристикой взаимоотношений, проблемой торговли и обмена, разрабатывалось в специальной литературе как за рубежом (М. Гимбутас, Ларсон, Я. Махник, Ф. Ратцель, Стюарт Пиггот, Л. Фробениус, Г. Чайлд и др.), так и у нас (С. А. Арутюнов, В. Р. Кабо, П. М. Кожин, К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин, Н. Я. Мерперт, Э. В. Сайко, Е. Н. Черных и др.). В. М. Массон (1976), посвятивший этому вопросу часть монографии, считает, что обмен во многом раскрывает механизм связей, влияний, контактов древних племен. Такого рода определение все чаще встречается в последнее время.

Вместе с тем, понятие культурных, торговых связей не равноценно определению такого общения, которое предполагает учет взаимодействующих сторон. Решение этого вопроса должно включать рассмотрение содержания связей, их характера, особенностей контактирующих сторон. В какой-то степени связи можно характеризовать как систему отношений, ориентированную на прием и передачу информации, включающую предметы, влияний и так далее. Полное определение еще ждет широкого обсуждения.

Под связями подразумеваю все виды и формы отношений между контактирующими группами, включая взаимовлияния, обусловленные прямыми и опосредованными контактами, волны миграции, несущие традиции одной из исследуемых культур в другую, и иные проявления. (Нечитайло 1991: 5; 1994: 7—8).

Система контактов древних племен Северного Причерноморья в эпоху энеолита была сложной. На ранних ступенях преобладало западное направление воздействий. Оно выразилось, с одной стороны, в формировании раннеземледельческой трипольской культуры на правобережье Украины, с другой стороны, — в выработке специфических подвижных форм животноводства, сыгравших большую роль во взаимодействии разных групп.

В процессе расселения носители трипольской культуры ассимилировали местную буго-днестровскую культуру, в результате чего возникли памятники синкретического характера на Южном Буге (Шапошникова, Товкайло 1989: 86—96). Раннетрипольские племена постоянно поддерживали связи с энеолитическими племенами Балкано-Дунайского региона, что четко выражено в материальной культуре (Археология УССР 1985).

В степных районах к востоку от Буго-Днестровского междуречья уже в неолите появляются элементы скотоводства (сурско-днепровская культура, днепродонецкая, ракушечнойарская). Распространение последних может связываться как с воздействием Балкано-Дунайского очага, так и Кавказа. В раннем энеолите группы племен, освоившие подвижные формы скотоводства, способствовали распространению на больших пространствах не только отдельных культурных элементов, но и культурных общностей (Мерперт 1987: 89—97; 1988: 7—36). В этом плане показательна европейская степная общность (Нечитайло 1996: 18—30), центральное место в которой занимали племена, оставившие памятники новоданиловского типа (от Днепра до Дона), а также суворовской группы в западных степных районах Украины, Молдовы, Румынии. С востока и юго-востока к первой примыкали предкавказская и нижневолжская энеолитические группы (культуры). Ситуация, в которой они находились, способствовала передаче с одной стороны балканских, с другой — кавказских культурных компонентов, фокусируя их в Азово-Черноморской зоне.

Примеры проникновения балканских изделий и создание подражаний им четко фиксируются на Украине в могильнике Чапли на Днестре, в Александровском могильнике на Донетчине, где обнаружены медные подвески в виде “черепашки с отверстием”. Среди украшений Александровского могильника имеется почти круглая, слегка выпуклая бляха с пунсонным орнаментом по краю, похожая на бляшку Карбунского клада и на золотые, пунсоном окаймленные бляшки Варненского некрополя. В этом плане показателен инвентарь погребения новоданиловского типа из раскопок А. Б. Будникова в г. Кривой Рог. Здесь, помимо золотой трубочки, как в Варненском некрополе, найдены медный браслет, многовитковые подвески, бусы, а также обломки четырехгранных стержней-слитков (возможно, заготовки металла) (Рассамакин, Будников О. Б. 1993: 126—141).

Эти заключения находят подтверждение в исследованиях Н. В. Рындиной, которая считает, что общими для северопричерноморской зоны в период конца Триполья А—VI были спиралевидные браслеты, бляхи с пунсоном, ракушкообразные подвески (“черепашки”). Анализ показал, что они изготовлены из балканского металла, который шел в основном с севера Югославии (Рудна Глава) и доходил до Кавказа и Волги (Хвалынский могильник). Направление движения этого металла Н. В. Рындина объясняет не столько экономическими причинами, сколько результатом этно-культурных связей. В последнее время Н. В. Рындина (1993: 26—27) установила, что основная часть изделий в новоданиловской коллекции “связана с продукцией местных мастеров, работающих на привозном металле фракийско-нижнедунайского и среднедунайского регионов”, а также, что в металлообработке северопричерноморского (новоданиловского) очага сочетаются гумельницко-варненские, трипольские и местные приемы и традиции.

Эти данные очень важны, так как документируют не только распространение балканского металла и его местную металлообработку в причерноморских степях, но и тесную связь скотоводческих племен, возможность общения их друг с другом и соседями-земледельцами на гигантских просторах. Однотипность ряда металлических украшений от Дуная до Волги и Кубани фиксирует не только моду на эти изделия, но подтверждает синхронные воздействия контактирующих групп. Соприкасаясь с центрами дунайско-балканской металлургии, степные племена Северо-Западного Причерноморья не только овладевали традициями западных мастеров,

но и далеко разносили продукты их деятельности, навыки металлообработки, примером чему служит новоданиловский очаг.

Во взаимоотношениях степных племен причерноморско-азовской зоны и Нижнего Поволжья с населением Кавказа особое место занимал обмен конкретными предметами, продуктами производства, разными по своему назначению. Это были орудия труда (серпентинитовые тесла и долота, по форме, материалу и технике изготовления повторяющие кавказские образцы), предметы быта (керамика) и такие специфические вещи, как булавы из кавказских минералов, что установлено петрографом В. Ф. Петрунь (1967: 5). Все это иллюстрирует сложную и разноплановую структуру потребностей населения степей в импорте. Среди предметов инородного происхождения на Кавказе зафиксирована керамика раннесредневекового облика, а также украшения степного типа из раковин и эмалевых пластинок. Независимо от условий попадания керамики (передвижение племен, обмен), само наличие ее фиксирует более сложные основания отношений, чем простая необходимость контактов. В этом плане поступление украшений и таких предметов как булавы (символы власти) представляет особый интерес. Если украшения являются важным компонентом обмена, характеризующим его потенциал и широту, то объяснить появление булав, скипетров более сложно. Связи людей, общностей, регионов не всегда преследуют непосредственную выгоду и детерминированы ею. Будучи по своей природе иррациональны, они отражают наиболее интересные, но трудно объяснимые стороны взаимодействия различных обществ.

Несомненно, круг обмена был шире, чем сохранившиеся материальные показатели связей. Их состав и количество говорят не столько об экономическом обмене с Кавказом, сколько о культурном. Незначительное число импортных вещей в культурах степной Украины и Кавказа является скорее свидетельством того, что большая часть их не была товаром, а выступала в качестве даров, как результат дружеских, экзогамных (заключение браков между представителями разных этнических групп) связей, в ряде случаев — миграций, пути которых проходили по степям Азово-Черноморской зоны.

В начале раннего бронзового века контакты активизируются и приводят к формированию так называемой металлургической циркумпонтийской зоны (Черных 1987: 98—108). Это связано с глубокой культурной трансформацией, охватившей всю территорию вокруг Черного моря. Археологически эта трансформация выразилась в резком нарушении стабильности и последовательности развития земледельческой ойкумены и создании новой системы культур, развивающихся по северной дуге от Балкано-Дунайского региона до Кавказа и по южной — от Кавказа до Балкан. Естественно степные племена Восточной Европы были втянуты в эти процессы и сами стимулировали их. В это время продолжается заселение степных пространств, формирование древнеямной культурно-исторической области. “Контактная непрерывность” и культурная интеграция в это время прослеживается от Прикаспия до Подунавья и Центральной Европы. Передвигаясь по каспийско-причерноморским степям, скотоводческие группы широко распространяли и собственно степные, и кавказские, и западные культурные элементы, создавая реальную возможность для их взаимодействия. На территории Украины, вплоть до днепровского правобережья рельефно представлены влияния майкопской культурно-исторической общности (Северный Кавказ), которые отмечены и в позднем триполье (Т. Г. Мовша), и в памятниках нижнемихайловского типа (О. И. Шапошникова), и особенно в ямной культуре (А. Л. Нечитайло).

В структуре, характере, интенсивности связей племен степей и Кавказа особую роль сыграл металл. Потребность в металле, обусловленная производственной деятельностью, определила не только усиление контактов, но и воздействие их на экономику. Если раньше, в энеолите, металл распространялся с запада, то в эпоху

ранней бронзы картина резко меняется. В металлообработке Азово-Черноморской зоны отсутствуют энеолитические традиции и преобладает новое направление связей. Здесь теперь распространяется, как установлено специалистами, кавказская мышьяковая бронза, хотя по данным анализов имеются и чисто медные изделия. Кавказского металла пока еще мало, так как только начинается процесс его накопления. Особенно важным в характеристике связей и не только их, а развития производства этих областей, является факт подражания кавказским металлическим предметам. Последнее достаточно убедительно свидетельствует о реально сложившейся потребности в изготовлении на месте изделия определенного вида, аналогичных кавказскому типу. В то же время наличие кавказского металла и кавказских образцов, по которым изготовлялись предметы, четко фиксирует устойчивую направленность связей. Обращает внимание состав представленных в импорте и подражаниях металлических изделий: орудия труда (топоры, тесла, долота, крюки, ножи шилья), оружие (кинжалы), украшения (рис. 1). По форме и характеру они близки кавказским образцам, а большая часть их изготовлена, согласно анализам, из мышьяковой бронзы кавказского происхождения. Важно заметить, что значительное количество в импорте и подражаниях занимают орудия труда, что, видимо, обусловлено производственной необходимостью (Нечитайло 1991: 42). Производственный характер импорта, безусловно, оказал влияние на развитие местного производства, выраженного в подражаниях и выработке своих локальных форм (формы для отливки топоров из Маевки, острова Самарского на Днепропетровщине).

Следует подчеркнуть разнородность материалов изделий, находящихся в обмене. Это не только металл, но и керамика прекрасного качества (рис. 2). Она обнаружена как в нижнемихайловских памятниках (два образца), так и в памятниках ямной культуры; распространяется от Дона до Южного Буга на запад, от Дона до Заволжья на восток, охватывая всю степную территорию. Так, например, в верхнем горизонте энеолитического слоя поселения Кумыска (Палассовский р-н Волгоградской обл.) обнаружен венчик сосуда майкопского образца (Юдин 1995: 228, рис. 97).

Выделение импортов и подражаний майкопу в основном в памятниках раннеямной культуры степной Украины (Нечитайло 1991: 21—29) обнаруживает разные уровни и формы проявления кавказских влияний. Это было прежде всего непосредственное, контактное воздействие, когда речь идет о материальном обмене (или непосредственные контакты племен с инфильтрацией отдельных групп). Кроме того устойчивость связей порождает производство керамики, следующей кавказским традициям. Примером являются подражания в памятниках ямной культуры Украины в курганах у с. Целинное, Марьино, Тарасовка, Рисовое, Танковое, Одесском кургане и др. Сравнительное исследование распространения инородных элементов в рассматриваемых памятниках позволяет ставить вопрос об увеличении на позднем этапе майкопского импорта и подражаний в керамике, как важном элементе материальной культуры. Это прослеживается не только в количественном накоплении материала, но в возросшем влиянии на местное керамическое производство, в расширении практики подражаний. Подобный процесс, безусловно отражает усиление и усложнение культурно-экономических контактов.

Как известно, обмен орудиями труда имеет в любом случае производственные основания. И по своему значению в экономике он занимает особое место, в то время как введение в обмен украшений и других вещей непромышленного характера характеризует рост потребностей населения в целом. И, наконец, усиление собственно экономических связей в результате способствует обмену культурными достижениями, углублению идеологического взаимодействия, что хорошо выражено у майкопских племен при заимствовании ими от степных идеи курганного обряда, восприятия антропоморфных изображений в камне и т. д. (Нечитайло 1991: 51—68).

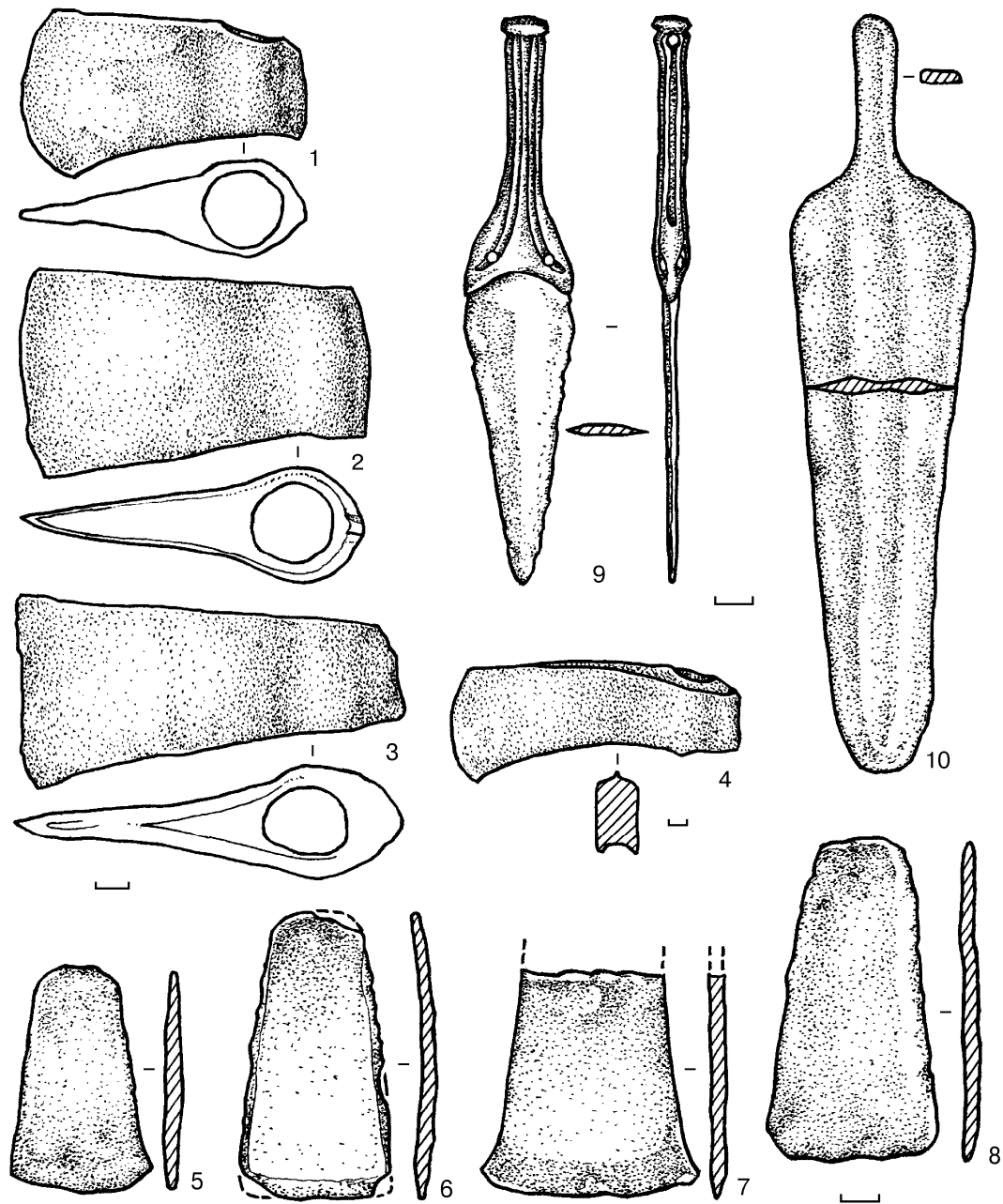

Рис. 1. Бронзовые орудия и оружие кавказского образца в причерноморских степях:

1 — Стамки; 2 — Украина; 3 — с. Балки; 4 — Долинка, кург. Курбан-Байрам;

5 — Сватово, кург. 12, погр. 1; 6 — Петровка, курган, погр. 1;

7 — Михайловка, поселение; 8 — Долинка, кург. 4.

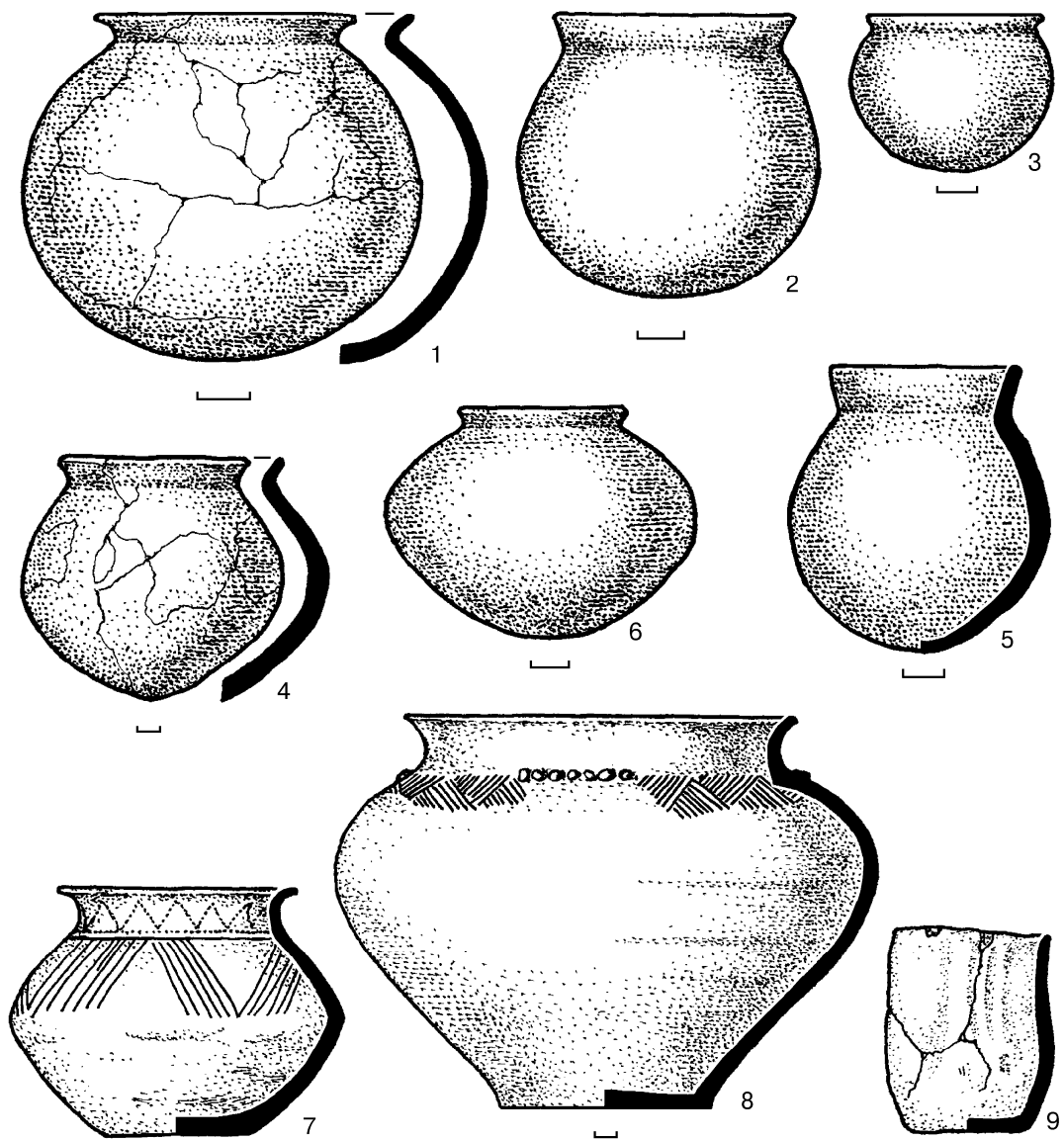

Рис. 2. Керамика майкопского типа в причерноморских степях:

- 1 — Соколовка, кург. 1, погр. 6а; 2 — Константиновка, кург. 18; 3 — Марьино, кург. 1, погр. 5;
 4 — Любимовка, кург. 7, погр. 5; 5 — Широкое, кург. 1, погр. 18; 6 — Александровский курган;
 7 — Соколово II, кург. 6, погр. 4; 8 и 9 — Павлоград I, кург. 8, погр. 3 и кург. 7, погр. 3.

На территории Украины имеется ряд типично майкопских комплексов (Сватово и Петровка на Донетчине, Константиновка в Приазовье, Вилино в Крыму и др.), в которых роль кавказского компонента значительна. В связи с тем, что комплексы имеют устойчивые характерные черты майкопской культуры, можно предположить проникновение отдельных групп населения на территорию Украины. А открытые сравнительно недавно погребения у Павлограда Днепропетровской области (Ковалева 1991: 69—88), обряд которых и керамика типичны для майкопской культуры, свидетельствуют о наличии реальных мигрантов с Кавказа, влившихся в этнические массивы степей и непосредственно влиявших на процессы культурогенеза.

Степень охвата степных областей кавказскими влияниями достаточно высокая по сравнению с энеолитом. Несмотря на неравномерность размещения находок (см. карту: Нечитайло 1991: 104, рис. 40), связанных с кавказским влиянием, можно говорить о наличии в степях устойчивой потребности в кавказском импорте.

Эпоха ранней бронзы характеризует практически новый этап, для которого отмечается, с одной стороны, продолжение тесных взаимоотношений, хотя и в измененном по объему варианте, вплоть до миграций, с другой — появление производственной потребности в металле у населения степей, удовлетворявшего ее за счет кавказского металла, независимо от других возможных источников сырья.

Период среднего бронзового века является эпохой сильных преобразований и культурных трансформаций. Распадается вся свита раннебронзовых культур степной полосы, а на месте их появляется катакомбная культурно-историческая общность, охватывающая огромные территории от Дагестана до Румынии. Теперь уже представители катакомбных культур вступают в контакты с населением северокавказской культурно-исторической области, также весьма неоднородной.

Этот период характеризуется не только новым уровнем обмена и широты культурно-экономических контактов, но и новой экономической позицией в них степных племен. Что касается содержания обмена, то очень важно подчеркнуть два момента, а именно: изменение роли и места металла, увеличение объема изделий бытового плана, и прежде всего керамики. Последняя обычно связана с местными культурными традициями и только при особых условиях может стать объектом повышенной подвижности. Керамика, отмеченная северокавказскими влияниями представлена сосудами разных форм и стилей. Многовариантность керамического материала представляет культуру разных групп населения. Здесь отмечена и прикубанская посуда, и центральнокавказская, и предкавказская, и северокавказская (Дагестан).

В этот период сохраняется типичный набор металлических изделий, встречавшийся и ранее в обменных отношениях (топоры, тесла, долота, крюки), хотя он значительно расширяется, особенно за счет украшений (посоховидные булавки, кольцевидные бляхи, бронзовые медальоны, разнофигурные подвески). Количественный рост дорогих металлических украшений, привозимых с Кавказа (рис. 3), предполагает появление качественно новых потребностей населения степей, распространение привозных и особенно местных металлических украшений — показатель наличия достаточного количества металла и изменения общего ассортимента привычных изделий.

Функционирование трех металлообрабатывающих центров на территории Украины (Нечитайло 1994: 29), в эпоху бронзы свидетельствует о сформированности местных технологических схем, генетически восходящих к кавказским. Именно в результате устойчивых контактов с северокавказскими племенами, глубокого знакомства местных мастеров с технологическими схемами Кавказа, возможностями получения сырья в количестве, обеспечивающем действие этих центров, создавались условия для активизации специализации производственной деятельности на Украине (Нечитайло 1995: 258—273).

В целом, в настоящее время данные о близости состава сырья, однотипности орудий и оборудования, используемых мастерами Украины и Кавказа, а также близкие расчеты при изготовлении мерных слитков являются реальными свидетельствами непосредственных контактов ремесленников степей Кавказа в эпоху бронзы. В этом плане наличие и развитие производственных центров на территории Украины, так тесно связанных и переплетенных технологическими схемами и сырьем в своих обменных связях с Кавказом, является важным показателем степени воздействия связей на активизацию производственной деятельности в степях.

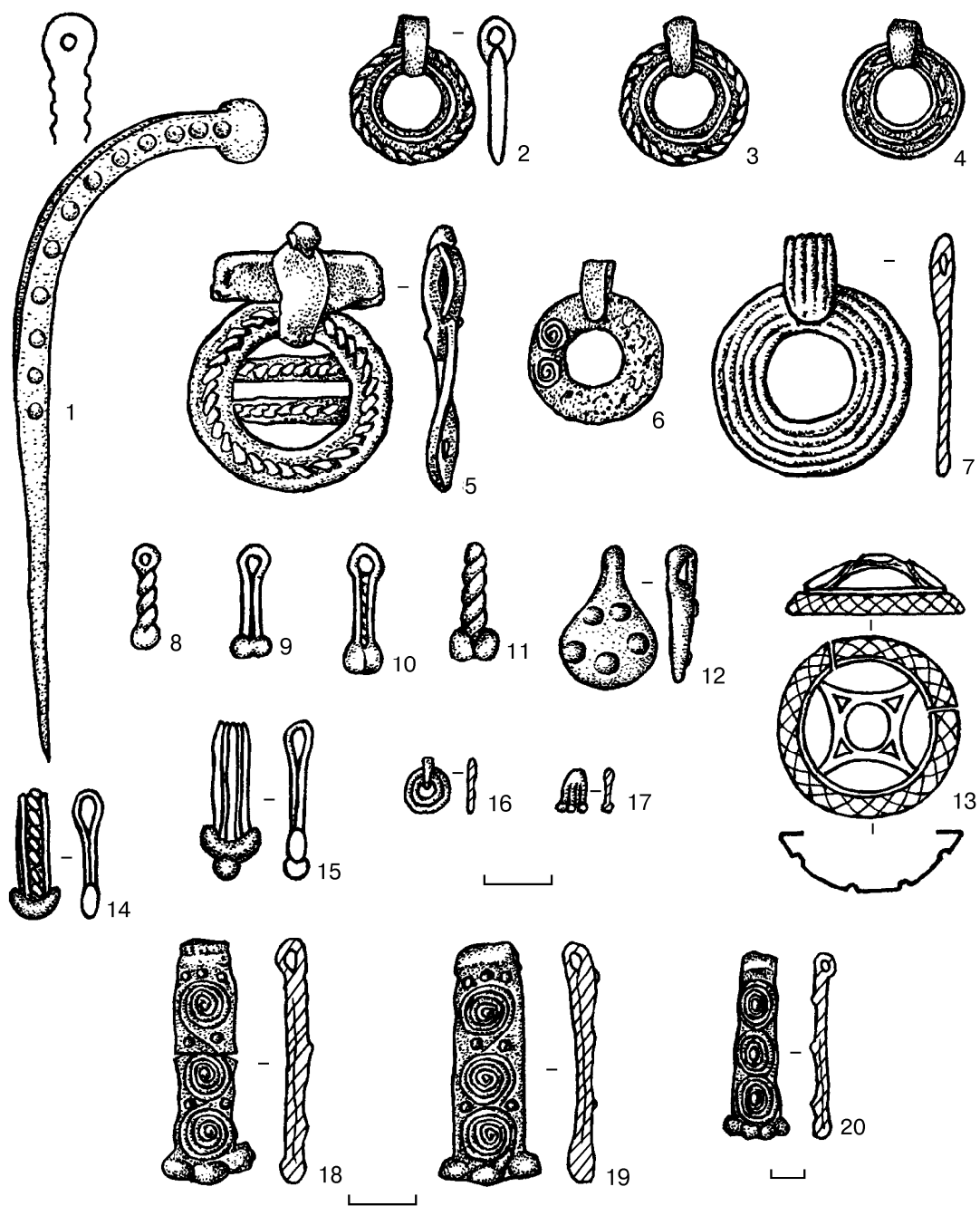

Рис. 3. Северокавказские бронзовые и серебряные (13) украшения в степях Украины:
 1, 12 — Богдановка III, кург. 7, погр. 11; 2—4, 8—11 — Вербки I, кург. 9, погр. 3;
 5 — Железный порт, кург. 3, погр. 3; 6 — Волчанское, кург. 2, погр. 8;
 7 — Ковалевка, кург. 3, погр. 1; 13, 14, 15 — Красная Заря, кург. 3, погр. 4;
 16 — Астахово IV, кург. 22, погр. 4; 17 — Сивашское, кург. 1, погр. 12; 1
 8, 19 — Луганск, СХИ, кург. 3, погр. 19; 20 — Привольное, кург. 2, погр. 26.

Таким образом уровень отношений между населением Кавказа и степями восточной Европы практически изменился. Степные племена занимали в этих взаимоотношениях новую позицию. При сохранении всего объема и структуры культурно-экономических связей этот период может быть связан с новым этапом в их развитии, определявшимся, прежде всего становлением бронзолитейных центров на территории Украины. Теперь степи выступали не только потребляющей стороной, но и предлагающей заказы.

С середины второго тысячелетия до н. э. наступает новый этап взаимосвязей между культурами рассматриваемых регионов, связанный с изменением общей ситуации в Евразии.

Отмечу, что для всех периодов актуальным является изучение контактной зоны, которая образует соединительную ткань, обеспечивающую часто, но не всегда, пластичную передачу информации. Такой межрегиональной полосой в данном случае является Подонье, где наиболее ярко зафиксирован стык степных и кавказских взаимодействий (Нечитайло 1991). Этот район играл особую роль в развитии связей, и это представляет собой особую тему исследования.

Итак, кавказское направление связей было активным и постоянным на протяжении всей истории племен восточноевропейских степей. Своими корнями эти контакты уходят в мезолит, и уже в энеолите они формируются как весьма устойчивые. В последующее время, а именно в период ранней и средней бронзы, они становятся настолько значительными и многоплановыми, что могут считаться необходимым компонентом исторического процесса контактирующих обществ.

- АРТАНОВСКИЙ С. Н. 1967. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. — Л.: Просвещение.
- Археология УССР. 1986. Т. 1.
- КОВАЛЕВА И. Ф. 1991. Погребения с майкопским инвентарем в левобережье Днепра (к выделению животиловского культурного типа) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- МАССОН В. М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. — Л.: Наука.
- МЕРПЕРТ Н. Я. 1987. Циркумпонтийская зона в раннем бронзовом веке: вопросы культурных контактов // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. — Тбилиси: Мецниереба.
1988. Об этнокультурной ситуации IV—III тысячелетий до н. э в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. — М.: Наука.
- НЕЧИТАЙЛО А. Л. 1991. Связи племен степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. — Киев: Наукова думка.
1994. Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха энеолита — бронзы). Автореф. дисс. с докт. ист. наук. М.
1995. Основные средства металлообработки эпохи бронзы на Украине // Хозяйство древнего населения Украины. Ремесла и промыслы древнего населения Украины. Ч. 2. Киев.
1996. Европейская степная общность в эпоху энеолита // РА. № 4.
- ПЕТРУНЬ В. Ф. 1967. О достоверности петрографо-минералогических определений в археологической практике // ЗОАО.
- РАССАМАКИН Ю. Я., БУДНИКОВ О. Б. 1993. Проблемы раннего степного энеолита у світлі вивчення нових пам'яток // Археологія. № 3.
- РЫНДИНА Н. Б. 1993. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите — энеолите). Автореф. дисс. с докт. ист. наук. М.
- ЧЕРНЫХ Е. Н. 1987. Культурные контакты Циркумпонтийской области // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- ШАПОШНИКОВА О. И., ТОВКАЙЛО Н. Г. 1989. Некоторые итоги исследования многослойного поселения Пугач на Южном Буге // Первобытная археология. — Киев: Наукова думка.
- ЮДИН А. И. 1995. Неолит и энеолит степного Заволжья. Текст диссертации.
1995. Неолит и энеолит степного Заволжья. Автореф. дисс. с канд. ист. наук. М.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ И ВОПРОСЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопросы хронологии абашевской культуры еще далеки от разрешения. В силу ряда обстоятельств мы не имеем радиоуглеродных дат по абашевским памятникам. Но получение абсолютных дат должно идти вместе с работой по относительному датированию абашевской культуры, что даст возможность вписать ее в существующую систему культур, имеющих абсолютную датировку (Трифонов 1996). В этом плане есть ряд путей решения проблемы. Так, например, безусловна связь абашевской культуры с таким культурным явлением, как Турбино. Анализ ряда аспектов материальной культуры показывает синхронность Абашева и Турбино и предшествование их Синташте и Сейме.

Памятники абашевской культуры дают “чистый” материал, фактически не показывающий прямых контактов с другими культурными образованиями данной эпохи. Исключением является Турбинский могильник и клады Верхне-Кизильский и Коршуновский, поэтому на этих памятниках необходимо остановиться особо.

Для решения вопросов относительной хронологии абашевской культуры в данной работе основное внимание уделяется изделиям из металла. Обычно исследования в целом опираются на анализ керамического материала. Но памятники абашевской культуры насыщены изделиями из металла. Все украшения сделаны из серебра или бронзы, топоры бронзовые, а не каменные. Эти изделия типологически разнообразны, а типы в свою очередь имеют вариации.

Возникает вопрос, в чем причина этого многообразия при одинаковых функциональных нагрузках? Вероятно, объяснение этому будет найдено при таком подходе к абашевской культуре, который предполагает рассмотрение ее в трех районах — в правобережье Среднего Поволжья, в левобережье Среднего Поволжья и на Южном Урале — как трех образований, развивающихся, и в определенной мере, самостоятельных. Приход турбинцев застаёт их уже существующими и, вероятно, на поздней стадии развития. Это предположение доказывается тем, что каждое из образований, сохраняя принадлежность к абашевской культуре, имело свой облик, свою индивидуальность, что проявлялось в орнаменте на керамике, в наборе погребального инвентаря, в деталях погребального обряда. Фактически, набор типов инвентаря для всех памятников абашевской культуры един, что и объединяет их в одну культуру, но в каждом районе есть свои особенности, проявляющиеся в деталях. Каждый район был местом сложения какого-то типа, который затем распространяется на всей территории абашевской культуры. Кратко остановимся на некоторых причинах формирования особого культурного облика абашевских памятников в каждом из трех районов распространения культуры.

В истории абашевской культуры есть несколько принципиальных моментов, определивших ее судьбу. Во-первых, эта культура складывается в зоне широколиственных лесов, где существовала определенная культурная традиция, обусловленная скотоводческим хозяйственно-культурным типом, где в стаде большую роль играла свинья (рис. 1). Традиции здесь в предшествующий период формировались в рамках балановской и фатьяновской культур. Для них характерна определенная орнаментальная композиция и формы керамики, гарнитур украшений, набор оружия, определенная технология их изготовления. Наличие в абашевской культуре следов именно этих традиций и указывает на генетическую связь этих культур. Абашевская культура, сложившись в зоне широколиственных лесов, в правобережье Сред-

него Поволжья в результате культурного взаимодействия, является новым явлением, и, оставаясь, в этой географической зоне, хотя и расширяя зону освоения за счет левобережья Среднего Поволжья, не претерпевает существенных культурных изменений. После ухода части ее носителей на левый берег Волги, культура не только делится на две части, но и начинает развиваться разными путями. На исконной территории, в правобережье Волги, абашевская культура развивается эволюционно. Главные ее передвижения были в широтном направлении, в зоне широколиственных лесов с дубовыми рощами, дающими корм стаду, в котором большую роль играла свинья. С переходом на левый берег Волги был изменен естественный ход развития абашевской культуры. В новой обстановке культура сначала консервируется, то есть нормы ее подчеркнута соблюдаются, тогда, как на исходной территории они постепенно меняются (развитие, например, орнаментальных схем в левобережье не идет по пути упрощения, как на исходной территории, в правобережье). Затем культурные нормы в левобережье меняются в результате временных изменений влияния родственными культурными образованиями Поволжья и Приуралья.

Выход носителей абашевской культуры в другую географическую зону — в лесостепь и продвижение в Приуралье, сразу же повлекли за собой изменения в культуре. Это было вторым важным моментом в истории абашевской культуры. Волго-Уралье входило в зону распространения иных культур, с сильным влиянием катакомбного мира, с традициями северокавказской металлообработки, что сразу же отразилось на абашевской культуре при ее адаптации к новой среде. На своем классическом этапе, о чем свидетельствует керамический материал, абашевская культура из правобережья Среднего Поволжья распространяется в Южное Приуралье. Это движение проходило по зоне широколиственных лесов через низовья Камы и Белой, что ясно показывают случайные находки абашевских втульчатых топоров и наконечников копий. В Южном Приуралье абашевская культура оказалась в сфере влияния степных культур эпохи средней бронзы. В Приуралье зона лесостепи очень узкая и широколиственные леса, занимая долину Белой, почти граничат со степью, а абашевские памятники Демы выходят в степь. На Южном Урале абашевцы начинают разрабатывать новые источники металла (медь, серебро). Все это повлекло за собой быстрое изменение всех аспектов культуры — появились долговременные поселения, изменились металлургические традиции, оформился ряд новых изделий из бронзы и они стали частью погребального инвентаря, изменились нормы погребального обряда (появились вторичные погребения), усложнился орнамент на керамике. Вероятно к этому же времени относится продвижение абашевской культуры и на запад, в Верхнее Поволжье и на Оку. Здесь известны такие памятники, как Кухмарский могильник, курганы у Земского, пос. Подборица-Щербитская и др. Здесь общество остается в привычной для него зоне широколиственных лесов.

Третьим важным моментом в истории абашевской культуры стало ее взаимодействие с турбинской культурой, включение части носителей абашевской культуры в состав турбинского населения, а, следовательно, и распространение абашевской культуры в Прикамье, в зону смешанных лесов. К этому времени относится появление кладов металлических изделий абашевской культуры. Клады в большинстве своем найдены далеко на севере или на востоке от основной зоны распространения абашевской культуры, но, что примечательно, в этих районах известны турбинские памятники и в состав кладов входят как абашевские, так и турбинские типы металлических изделий. С этой же, Волго-Камской территории происходит большое число абашевских топоров из случайных находок. Но, в целом, абашевская культура не переходит на восток через Урал. Исключение составляют памятники в Южном Зауралье, но здесь они находятся, как и в Приуралье, в естественной для абашевской культуры зоне предгорий. Адаптация в новой географической среде и сильное турбинское культурное влияние меняют облик абашевской куль-

туры. На позднем этапе она продолжает занимать Волго-Уральскую зону широколиственных лесов. В западных районах абашевская культура все больше вовлекается в зону западных лесостепных культур и в процесс сложения срубной культуры (покровский культурный тип). На востоке абашевская культура в ее “лесном” варианте турбинского времени, продвигаясь в лесостепную зону Южного Зауралья, трансформируется в синташтинскую культуру.

Для подтверждения предложенной схемы развития абашевской культуры рассмотрим изделия из бронзы, камня и кости из основных ее погребальных памятников и кладов.

Ранние абашевские памятники. В правобережье Среднего Поволжья известны наиболее ранние абашевские памятники, о чем свидетельствует керамический материал. Ранние абашевские памятники располагаются по мелким приоткам Цивилия — это могильники Пикшик и Б. Янгильдино.

В могильнике **Б. Янгильдино** (Мерперт 1961: 117—119) исследовано 5 погребений в 5 курганах и только в одном обнаружен бронзовый стержень с деревянной рукояткой.

В могильнике **Пикшик** (Мерперт 1961: 119—143) раскопано 31 погребение в 14 курганах и обнаружено одно височное кольцо в полтора оборота, один браслет и один кремневый наконечник стрелы.

Эти изделия характеризуют новое культурное явление, но надо отметить, что оригинальны не сами типы, а их оформление или технология изготовления. Так, в степных катакомбных культурах известны височные подвески в полтора оборота, но сделаны они из толстой проволоки, наборные браслеты, состоящие из отдельных мелких частей — бус, пронизей, подвесок. Черешковые наконечники стрел известны в фатьяновской культуре, но там они имеют ромбовидное перо, а подвески в полтора оборота сделаны из плоской пластины с ребром на внешней стороне.

В абашевских памятниках каждое из этих изделий имеет характерный только для абашевской культуры облик. Височное кольцо серебряное и с желобчатыми ложковидными концами. Браслет сделан из круглого в сечении прута. Наконечник имеет треугольное перо, треугольный черешок и опущенные шипы. Все украшения в ранних абашевских памятниках подвешивались или надевались. На раннем этапе культуры нет нашивных украшений. Эти изделия сохраняются на протяжении всей абашевской культуры. Они указывают на культурную принадлежность памятников, свидетельствуют об оформлении новой культуры. Об этом же ярко свидетельствует керамический материал, анализ которого остается за рамками данной статьи.

К концу раннего этапа абашевской культуры в правобережье Среднего Поволжья относятся могильники Тюрлема, Тауш-Касы, Катергино.

Тюрлема (Ефименко и др. 1961: 104). В 5 курганах исследовано 7 погребений, в двух из них обнаружены украшения — серебряная подвеска в полтора оборота, очковидная подвеска, спиральные пронизы, мелкие бляшки-полугорошины и браслет из прута квадратного в сечении.

Здесь мы видим новые для абашевской культуры типы украшений, но известные в других культурах. Пронизы, бляшки есть в катакомбных комплексах. Очковидные подвески — в фатьяновской. Но здесь они даны в новом, “абашевском” исполнении, а именно, все украшения мелкие и сделаны путем витой спирали из круглой в сечении проволоки. Увеличивается количество типов украшений и процент погребений с металлическим инвентарем. Появляются нашивные украшения.

Тауш-Касы (Ефименко и др. 1961: 99—101). В 5 курганах обнаружено 10 погребений, в 8 из которых есть изделия из металла. В пяти погребениях найдены серебряные подвески в полтора оборота. Характерным является наличие одной подвески в погребении. Интересно отметить, что одна из подвесок не желобчатая, а цельная, массивная, как в катакомбных памятниках. Подвески крупные. Из по-

гребений происходят три браслета. Только у одного погребенного браслеты на обеих руках. Браслеты сделаны из прута с полукруглым сечением, так как прут уплощен с внутренней стороны. Интересно отметить, что браслеты, составлявшие пару, орнаментированы косой насечкой, что для абашевской культуры является большой редкостью. Кроме того, найдены четыре очковидные подвески на спиральных пронизях, обоюдоострое шило, кремневый черешковый наконечник стрелы с шипами.

Появляются новые типы украшений — бисер, свернутый из проволочки (в одном погребении), прямоугольная бляшка (в одном погребении) с пуансонным орнаментом (северокавказский технологический прием) и перстни (в двух погребениях). Перстни свернуты в один или два оборота из узкой пластинки, то есть из раскованной проволочки. Позднее такие перстни всегда делали из круглой в сечении проволоки. Перстни и бисер являются оригинальными и ведущими типами украшений абашевской культуры. Новые типы изделий найдены в погребениях в комплексе с традиционными абашевскими типами (с серебряной подвеской, наконечником стрелы). Увеличилось разнообразие нашивных украшений.

Катергино (Ефименко и др. 1961: 102—104). В 2 курганах исследовано 11 погребений, из них в 8 есть бронзовые украшения. Серебряные подвески в полтора оборота, крупные, как и в могильнике Тауш-Касы. Они есть по одному экземпляру в четырех погребениях. Браслет один, проволочный. Колечки (упрощенный вариант перстня) найдены по одному в четырех погребениях. Шитья нет, есть лишь следы или несколько пронизок в трех погребениях. Бронзовая пластинка в одном погребении. Костяные цилиндрики — обрезки трубчатой кости животного — 2 экземпляра в одном погребении.

Могильники Тюрлема, Тауш-Касы, Катергино объединяются рядом признаков. Культурная принадлежность их определена тем же набором, что и в ранних абашевских памятниках, а именно, крупной серебряной подвеской в полтора оборота, прутковым браслетом, шилом, кремневым черешковым наконечником стрелы. Появляются новые типы инвентаря, которые станут классическим для абашевской культуры, а именно, многовитковые перстни, очковидные подвески на спиральных пронизях, шитье спиральными пронизями и бляшками-полугорошинами, орнаментированные пластинчатые бляшки, костяные кольца.

Этим памятникам соответствуют могильники Троицкое и Тапшер, расположенные в левобережье Среднего Поволжья.

Троицкое (Евтюхова 1959: 138—143). В 5 курганах обнаружено 6 погребений, в трех из них есть бронзовые украшения. Представлены серебряные подвески в полтора оборота, в одном погребении одна, в другом две. Подвески крупные. Одна из них сделана из круглого в сечении стержня с утолщениями на концах. По замечанию исследователя (Евтюхова 1939: 148), возможно, она отлита. Литая подвеска находится в одном погребении с желобчатой подвеской. Браслет из круглого в сечении прута. Шило с остатками органической рукоятки.

Тапшер (Халиков 1961: 204—206). В 2 курганах обнаружено 3 погребения и только в одном есть бронзовые украшения. Серебряная подвеска в полтора оборота. Браслеты: один из круглого, другой из ромбического в сечении прута с сужающимися круглыми в сечении концами. Шитье на кожаной основе спиральными пронизками и крупными обоймочками, составляющими крупную витую пронизку.

Эти памятники объединяются рядом признаков. Их культурная принадлежность определяется серебряной подвеской в полтора оборота, браслетами, шитьем. Эти памятники дают изделия модифицированных типов, например, ромбовидные в сечении прутковые браслеты. Появляются новые украшения — обоймочки. Крупные подвески в полтора оборота, наличие литых подвесок этого типа, отсутствие желобчатых браслетов и бляшек-розеток синхронизирует эти памятники с могильниками Тауш-Касы, Катергино, Тюрлема. В левобережье Среднего Поволжья нет памятников, соответствующих по времени наиболее ранним могильникам правобережья.

Классические абашевские памятники. Формирование культурообразующего комплекса металлических изделий шло в правобережье Среднего Поволжья.

К началу классического этапа относится **II Виловатовский могильник**, что подтверждает и анализ керамики (Халиков 1961: 159—183; Большов и др. 1995: 81—113). В 15 курганах исследовано 37 погребений, из них в 23 обнаружен металлический и прочий инвентарь.

Серебряные подвески в полтора оборота есть в 13 погребениях, причем в одном случае убору одного человека принадлежат две подвески. Подвески и крупные и мелкие, последние появляются впервые. Браслеты представлены 21 экземпляром. В четырех погребениях по одному браслету, сделанному из прута. В семи погребениях по два браслета, причем в двух из них второй браслет желобчатый, а все остальные прутковые. В одном погребении три браслета. Один из них желобчатый и обложен серебряной фольгой, остальные прутковые. Следовательно, здесь впервые появляются желобчатые браслеты (один из них с ребром на внешней стороне) и техника обкладки серебряной фольгой. Прутковые браслеты имеют круглое, полукруглое и треугольное (впервые) сечение. Форма сечению прута придавалась проковкой. Желобчатые браслеты отливались. Ребро реберчато-желобчатого браслета задавалось литейной формой, а желобок образовывался от усадки металла при неравномерном остывании его в открытой литейной форме.

Перстни и кольца представлены пятью экземплярами. Только у одного погребенного есть и перстень и кольцо. Перстни имеют классический абашевский вид, то есть, сделаны из круглой в сечении проволоки, с большим числом витков спирали — до восьми, с завитками на концах. Так же сделано и кольцо.

Шилья — 4 экземпляра, у двух из них заострен только один конец, вероятно, это стрела. Стрела встречена впервые в абашевских памятниках. Кремневый наконечник стрелы впервые имеет трансмедиальную ретушь. Костяная стержневидная булава с широкой невыделенной головкой и с поперечным пропилом, вероятно для крепления. Аналогичные булавы, сделанные из косточки животного, обработанной только с одной стороны, характерны для фатьяновских погребений (Крайнов 1972: 83—84). Костяное кольцо из обрезка трубчатой кости.

Шитье бронзовыми украшениями на кожаных изделиях есть в девяти погребениях. Здесь мы впервые прослеживаем композицию узора и все металлические детали шитья. Шитье представляет собой ленту, расшитую рядами пронизок (спиральки по одной-две-три рядом) и бляшек-полугорошин (по одной в сплошной ряд или группируясь по три). Это основа узора, она довольно проста. Есть усложнения. В одном случае шитье дополнено рядами бисера, в другом — рядом спиралек, образующих волну. В одном случае лента заканчивается кистями из пронизок. Шитье во всех случаях дополнено подвесными украшениями. Это очковидные подвески (от 1 до 10 в погребении) и бляшки-розетки (от 1 до 10 в погребении), которые крепились одинаково в ряд, на кожаном шнурке, продетом через крупную спиральную или пластинчатую (с гладкой или рифленой поверхностью) пронизку. В одном случае в наборе нет бляшки-розетки, но есть очковидные подвески, в другом — нет очковидных подвесок, но есть бляшки-розетки. Бляшки-розетки литые, стандартные, круглые, с семью одинаковыми лепестками, в восьмом широком — два отверстия, в центре бляшки — выпуклость. Лицевая сторона рельефная, обратная сторона плоская. Очковидные подвески в одном уборе мелкие и крупные. Эти подвесные украшения лежат как на расшитой ленте, так и отдельно от нее. Впервые появляются пронизы из гладкой или рифленой пластинки, имитирующей в последнем случае витую из проволоки пронизь-спираль. В целом, узор шитья плотный, насыщенный, линейный, набран из мелких деталей.

II Виловатовский могильник относится к началу классического этапа абашевской культуры по ряду признаков. Он демонстрирует увеличение числа украшений.

В погребениях представлено шитье, а не отдельные пронизи или бляшки. Одному погребенному принадлежит два, а не один перстень, две подвески, два и даже три браслета. Известные типы преобразованы. Так, прутковые браслеты имеют разное сечение, перстни и кольца делаются с завитками на концах. Самым ярким показателем перехода абашевской культуры на классический этап является наличие бляшек-розеток. Бляшки-розетки могут служить хронологическим индикатором для классического и позднего этапа абашевской культуры, так как они являются особенностью абашевской культуры и не выходят за ее пределы. Материалы могильника демонстрируют появление в абашевской культуре новых технологий. Это литье по восковой модели бляшек-розеток, литье реберчато-желобчатых браслетов. Это также изготовление серебряной и бронзовой фольги (обкладка бронзовой основы серебряной фольгой, пронизи из рифленой или гладкой пластины). В кремневой индустрии появляется трансмедальная ретушь на наконечниках стрел. В предшествующее время наконечники имели комедиальную ретушь. Вероятно, эти нововведения явились результатом местного развития абашевской культуры и завершают формирование *средневожжского комплекса изделий абашевской культуры* (рис. 3, 1—14).

В левобережье Среднего Поволжья этому времени соответствует могильник **Нартассы** (Халиков 1961: 188—193). Раскопано 8 курганов и только в одном из них есть бронзовые украшения. Это одна серебряная подвеска в полтора оборота и шитье мелкими украшениями по кожаному изделию. Шитье состоит из пронизей, сделанных из рифленой пластины, трех серебряных бляшек-полугорошин, серебряных крупных обоймочек. Необычен материал (серебро), из которого изготовлены бляшки. Обоймочки своеобразны и аналогичны тапшерским (Халиков 1961: 218).

Следующая группа классических абашевских памятников правобережья Среднего Поволжья соответствует по времени распространению абашевской культуры не только в левобережье Волги, но и в Южное Приуралье.

Абашево (Смолин 1928; Кривцова-Гракова 1947; Мерперт 1961: 112—117). Раскопано 8 курганов, в них 27 погребений. В 18 погребениях есть металлические или костяные изделия. Серебряные подвески в полтора оборота есть в четырех погребениях. В двух — по одной крупной подвеске. В одной могиле две крупные подвески. В одной могиле шесть мелких подвесок, по три у каждого виска погребенного. Браслеты — 9 экз., найдены по одному в погребении. Только в двух погребениях по два браслета. Все браслеты, кроме двух желобчатых (происходящих из одного погребения), сделаны из прута — круглого, полукруглого, овального и треугольного (1 экз.) в сечении. Последний орнаментирован рядом насечек по внешнему ребру. Перстни — 8 экз., по одному в погребении, в одном — два. Они многовитковые (4—7 витков), из круглой в сечении проволоки, у одного завитки на концах. Бронзовая серьга из проволоки одна. Это украшение встречено впервые. Костяное колечко диаметром 2 см с большим центральным отверстием. Найдено в комплексе с шилом с деревянной ручкой, которая была украшена этим кольцом (Смолин 1928: 35). Комплекс из 7 отрезков трубчатой кости (колечки диаметром 2 см, высотой 2—2,5 см), лежавших плотно друг с другом на половине трубчатой кости. Возможно, это наборная рукоятка. Шитье есть в четырех погребениях, но довольно полное только в одном. Как обычно на ленту нашиты спиральные и гладкие пронизи, бисер, бляшки-полугорошины. Лента дополнена девятью кистями. Бронзовые украшения нашиты на ткань и кожу. К расшитому изделию прикреплены кусочки дерева. В других погребениях есть только спиральные пронизи. В трех случаях шитье сочетается с бляшками-розетками (по одной, с полным шитьем — три), а в одном случае и с одной очковидной подвеской. Розетки лежали отдельно от шитья на плече погребенного, как и во II Виловатовском могильнике. В. Ф. Смолин предположил, что это пуговицы (1928: 35). Шилья — 3 экземпляра, у одного заострен только один конец, оно является стрекалом. Бронзовые крючки — 2 экз. в одном погребении, с петлей и без борodka. Встречены впервые. Вещь это простая, но, тем не менее, оригинальная для культур

эпохи бронзы данного региона. Бронзовый черешковый наконечник стрелы с подромбическим пером. Черешок широкий, плоский. Длина наконечника 5 см, ширина пера 1,7 см. Кремневые черешковые наконечники стрел с шипами — 2 экз.

Алгаши (Ефименко и др. 1961: 97—99). В 5 курганах раскопано 11 погребений, из них в 8 есть металлические изделия. Серебряные подвески в полтора оборота есть только в одном погребении, но в количестве пяти экземпляров (мелкие). П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков считали, что “колечки уменьшенного размера представляют последующую, эволюционировавшую форму украшения” по сравнению с крупными подвесками этого типа (Ефименко и др. 1961: 60). Эти же авторы считают могильник Алгаши более поздним, чем другие в Среднем Поволжье. Браслеты известны в количестве 10 экземпляров. В четырех погребениях по два браслета и только в двух — по одному. Пять браслетов сделаны из прута и просты в изготовлении. Пять браслетов желобчатые, один из них с ребром по внешней стороне. По мнению авторов раскопок, они “изготовлены более сложным путем: посредством отливки в формах и последующей проковки” (Ефименко и др. 1961: 67). Перстни в 4—6 оборотов, с завитком в виде плоской спиральки на конце, в количестве четырех экземпляров. Только в одном погребении два перстня. В одном погребении, в области поясицы умершего шесть медных обоймиц прямоугольной формы из граненой проволоки. Авторы раскопок предполагают, что они составляли украшение пояса (Ефименко и др. 1961: 57). Еще в одном погребении одна такая обоймица. Костяная пряжка — тонкая поделка в виде кольца с отходящей от него планкой с двумя круглыми отверстиями, вероятно принадлежность пояса (Ефименко и др. 1961: 56). Шитье найдено в трех погребениях. В одном погребении есть орнаментированная бронзовая лента (венчик). Основа композиции шитья прежняя — ряды из спиральных пронизей, бляшек — полугорошин и бисера. На ленту спускаются подвесные на пронизях очковидные подвески (1—2 в погребении) и бляшки-розетки (до 7 в ряд). Но в целом узор усложнен за счет наборных круглых “бляшек”, составленных из свернутых в кольцо бронзовых спиралек и бляшек-полугорошин. В одном погребении вместо наборных украшений, пришитых на кожаную основу, есть венчик, который представлял собой бронзовую ленту, украшенную выпуклым орнаментом. Этот венчик также дополнен очковидной подвеской и бляшкой-розеткой. На бронзовой ленте та же композиция, что и на шитье: ряды “волн-спиралек” и ряд круглых выпуклостей — “бляшек-полугорошин”. Разнообразны пронизки. Они сделаны из гладкой пластины, из проволоки, тройные трубочки, свернутые из одной тонкой пластинки, из гладкой пластинки с рифлением на концах. Уникальны крупные пронизи из пластины с рифленой поверхностью, один конец которых сужен, а другой расширен и имеет выпуклый узор в виде бляшки-розетки. В этом украшении соединены пронизь и висющаяся на ней бляшка-розетка. Безусловно, это сложное украшение. Шилья — 2 экземпляра, одно из них обоюдоострое. Нож со змеевидной головкой, длинным черешком и подромбическим пером, без перекрестья. Наконечник стрелы черешковый, кованный, бронзовый. Кремневые черешковые наконечники стрел с треугольным пером и шипами.

Могильника Абашево и Алгаши считаются поздними в хронологическом ряду классических абашевских памятников правобережья Среднего Поволжья по ряду причин. Впервые в них обнаружены такие изделия, как бронзовые наконечники стрел, нож, крючки, новые типы украшений — серьга, обоймочки. Аналогичные изделия есть в абашевских памятниках Приуралья. Шитье усложнено, в ряде случаев проволока заменена кованой пластиной с рифлением и пуансонным орнаментом, имитирующим проволочное украшение или литье. В свою очередь литые украшения впервые заменяются набором из мелких отдельных деталей, что усложнило их изготовление и саму композицию.

Могильникам Алгаши и Абашево в левобережье Среднего Поволжья соответствуют могильники Вильялы и Туруново.

Туруново (Евтюхова 1959: 131—138). В пяти курганах 13 погребений, из них в девяти есть украшения. Серебряные подвески в полтора оборота, мелкие. В двух погребениях по одной подвеске. В трех погребениях по две. Браслеты в трех погребениях по одному и в одном два. Браслеты сделаны из круглого в сечении прута, только один из них с заходящими концами. Очковидная подвеска одна. Бляшка-розетка одна и необычной формы — с восьмью лепестками и с отверстиями не в лепестке, а около центральной выпуклости, против прямой, а не круглой стороны бляшки. Это модификация классической подвески и она встречается впервые. Бронзовая бляшка в виде сердечка с отверстием в центре уникальна по форме и, вероятно, местного происхождения. Шилья с обоюдоострыми концами представлены двумя экземплярами. Подвеска из сланца подпрямоугольной формы с отверстием у суженного конца.

Вильялы (Халиков 1961: 206). Раскопан один курган, в нем одно погребение. Серебряная подвеска в полтора оборота. Два браслета. Шитье спиральными пронизками и бляшками-полугорошинами по кожаному изделию. Стандартная композиция шитья дополнена спиральной змейкой, шнуром, перевитым медной проволокой, бляшками прямоугольной формы с выступом на одной стороне, и наборным узором, в котором бляшками-полугорошинами и тонкой спиралькой изображена лента, оканчивающаяся изображением 11 лепестковой бляшки-розетки. Это шитье индивидуально по исполнению. Шитье дополнено стандартными литыми бляшками-розетками (с 7 лепестками и отверстиями в восьмом лепестке, широком и прямоугольном). Розетки прикреплены к парным крупным пронизкам из пластины с рифлением на концах.

Эти памятники по набору украшений соответствуют могильникам Абашево и Алгаши в правобережье Волги, так как подвески в полтора оборота мелкие и в погребении более одной подвески, бляшки-розетки модифицированы, шитье усложнено за счет композиции с розеткой, набранной из мелких украшений. Новые (местные) украшения — нашивные пластинчатые бляшки разной формы, тонкая спиральная проволока — разнообразят и усложняют узор шитья.

Классические абашевские памятники Южного Приуралья. Эти памятники соответствуют по времени могильникам Абашево и Алгаши в правобережье Среднего Поволжья.

Юкалекулевский (Сальников 1967а: 78—80; Сальников 1967: 30—32). Раскопано 8 курганов, в них более 14 погребений, в пяти из которых есть изделия из бронзы. Браслеты — 5 экз. В погребении, как правило, по два браслета. Все браслеты сделаны из прута с тупыми (один) и заостренными концами. Браслеты в сечении круглой (два), треугольной (один) или ромбической (два) формы. Перстни из проволоки в несколько витков. Колечко одно, из круглой в сечении проволоки. В одном погребении две бляшки-розетки: одна стандартная — семилепестковая, другая необычная. Последняя имеет подпрямоугольную форму. Одна ее короткая сторона прямая, а другая короткая сторона округлая. Эта бляшка имеет 14 лепестков, то есть их количество удвоено по сравнению с нормой. В центре ее есть рельефная прямая решетка с шестью ячейками. Очковидная подвеска одна, мелкая. Пронизь спиральная одна. Шило обоюдоострое с расширением перед черешковой частью, что встречается впервые. Бронзовый черешковый наконечник стрелы с треугольным пером, округло-уплощенным черешком, по центру пера небольшое утолщение. Наконечник асимметричный — одна сторона как у пера ромбической формы, другая как у пера треугольной формы. Кремневый наконечник стрелы с обломанным черешком. Таким образом, в целом, набор типов в могильнике средневожский, но есть индивидуальные модификации отдельных изделий.

Ст. Ябалыклы (Горбунов и др. 1991). Раскопано 26 курганов и 56 погребений, в 22 из них есть изделия из металла. Как правило, украшения и орудия труда встречаются в разных погребениях, за исключением двух случаев. В целом только в

5 погребениях есть орудия труда, в 19 — украшения. Ножи: один с подтреугольным плоским клинком и без грани переходящим в широкий длинный черешок с прямой пяткой. Другой нож классический абашевский — с длинным клинком с параллельными гранями, с ребром, коротким перехватом, перекрестьем, почти равным ширине клинка, узким черешком и змеевидной головкой. Серповидный нож узкий, заточенный с одной стороны, черешок отогнут назад, конец заострен. Стрекала — 2 экз. земплера, заострены с одной стороны, маленькие, из прямоугольного в сечении прута. Крючок — маленький, с петлей, без бородка. Браслеты — 11 экз. В трех погребениях по два браслета, в одном три, в двух по одному. Браслеты из круглого в сечении прута (шесть), с широким округлым желобком (один) или с треугольным (четыре) желобком (в погребении с тремя браслетами). Бляшки-розетки (6 экз.) семилепестковые, в восьмом широком лепестке два отверстия. Интересна плоская бляшка овальной формы, с одной прямой короткой стороной, вдоль которой два отверстия, по центральной оси две круглые выпуклости, вдоль округлой стороны пуансонный орнамент из двух рядов круглых. Это изделие имитирует бляшку-розетку, одинаковых с ней размеров и найдено вместе с двумя обычными бляшками-розетками. Бляшки-полугорошины — 39 экз. Диаметр от 3 до 5 мм. Пронизи (99 экз.) из пластины с гофрированной поверхностью, крупные, с рифлением на концах и в середине, малые (27 экз.), гладкие (17 экз.), спиральные одинарные (30 экз.), многорядные (8 экз.), ложновитые секционные (2 экз.), неясные (7 экз.). Бусины бронзовые — 46 экз. Колечки — 2 экз. Височные подвески в полтора оборота — 9 экз. В двух погребениях по одной подвеске, в одном — семь. Накладки — 3 экз. (из одного погребения) из тонкой медной пластинки-фольги, прямоугольные, с отверстиями у коротких сторон. Змейки из проволоки. В комплекс одного погребения входят пронизи, бляшки-полугорошины, очковидная подвеска (одна-две) или подвеска в полтора оборота.

Н. Чуракаево (Сальников 1967: 23—30; 1967а: 72—78). Раскопано 6 курганов, в них 13 погребений, в 4 из них есть бронзовые изделия. Спиральное колечко из круглой проволоки. Очковидная подвеска. Несколько медных бусинок. Бляшка круглая, плоская, размером с копейку, с двумя дырочками по краям для пришивания. Крючок с петлей и без бородка. Ножичек или наконечник дротика с широким плоским обломанным черешком, с покатыми плечиками и подтреугольным пером. Нож абашевского типа, классический, с перекрестьем, коротким, но выраженным перехватом, со змеевидной головкой и длинным листовидным клинком, без ребра, с наибольшим расширением клинка примерно на середине. Ширина клинка равна ширине перекрестья, черешок широкий.

Чукраклы (Васюткин и др. 1985: 67—75). В 11 раскопанных курганах 14 погребений, из них в 3 есть металлические изделия. Перстень один в два оборота с завитком на конце. Колечка два. Классическая семилепестковая бляшка-розетка, в восьмом широком лепестке сделаны два отверстия. В шитье входят пронизи спиральные и пластинчатые, с рифлением на концах и в середине, и бляшка-полугорошина. Нож классический — с перекрестьем, коротким, но выраженным перехватом и ромбической пяткой на широком черешке, с листовидным клинком без ребра, ширина клинка немного больше ширины перекрестья, максимальное расширение клинка на его середине. Кремневый наконечник стрелы с выемкой в основании.

Метев-Тамак (Збруева 1958) — 4 погребения. В каждом есть металлические изделия. Перстень в 4 оборота из круглой в сечении проволоки с очковидными завитками в два оборота на каждом конце. Два перстня из свернутой в спираль полоски бронзы со спиральными завитками на концах. Браслет из круглого в сечении прута с приостренными концами. Пронизи — спиральные, пластинчатые (узкие и широкие). Бронзовые бусы мелкие, круглые, составляют ожерелье, в которое входят клыки собаки. Бусы одинарные и двойные, кольцевидные, очень мел-

кие. Бляшки-полугорошины. Бронзовый крючок небольшой, с петлей, без борodka. Шило. Скобка. Ножи без перекрестья, с длинным узким черешком, у одного прямоугольная пятка, у другого — приостренная, клинок листовидной формы, с длинными параллельными гранями. У одного ножа ребро на клинке, черешок прямоугольный в сечении. Еще один нож в виде тонкой пластинки — ленты, с длинными параллельными лезвиями, без выделенного черешка. Серповидный нож широкий, изогнутый, заточенный только с внутренней стороны, с уступчиком при переходе к более узкому черешку. Костяное кольцо. Костяное колесико с небольшим отверстием в центре, обычно определяемое как пряслице, но, возможно, что это костяная моделька колеса без спиц. Костяные наконечники стрел черешковые, с четырехгранным пером, опущенными шипами (у одного наконечника один шип) или без них, с треугольным пером. Насад — длинный стержень граненый или круглый в сечении. Пест каменный, массивный, пирамидальной формы. Галька овальной формы, плоская, возможно, ступа.

Эти памятники показывают формирование южноуральского комплекса абашевской культуры (рис. 3, 15—25).

Поздние абашевские памятники Приуралья. Это могильники III Красногорский, Тугаевский, Русско-Тангировский, Береговский, Ахмерово II, Никифоровское лесничество, Набережный. Новые, южноуральские черты фиксируются в поздних левобережных и правобережных средневожских абашевских памятниках. Южноуральские памятники распространяются на запад по широтным притокам Волги — по рекам Самара, Б. Кинель, Сок, но не переходят Волгу. К этому времени относится Турбинский могильник и клады абашевской культуры.

Тугаевский курган (Горбунов 1986). Одно погребение. Перстень серебряный в два оборота. Тесло с параллельными гранями и расширенным лезвием, один угол пятки сужен. Два ножа без перекрестья, со змеевидной головкой. У маленького ножа максимальная ширина приходится на середину клинка. У большого ножа длинный клинок с параллельными лезвиями.

Русско-Тангировский курган (Горбунов 1986). Одно погребение. Тесло с прямой пяткой, с параллельными боковыми сторонами, лезвие расширено. Топор плоский, с расширенным лезвием, расширенной средней частью, пятка украшена двумя спиралями в виде очковидной подвески, подчеркнутой у основания двумя желобками. Кремневые черешковые наконечники стрел (четыре экземпляра) с трансмедиальной ретушью, с шипами и треугольным черешком, небольшие по размерам.

III Красногорский (Пряхин и др. 1979: 73—83). Раскопано 9 курганов и 16 погребений. В 4 курганах на погребенной почве и в одном погребении есть бронзовые изделия. Перстень в 3,5 оборота из проволоки круглой в сечении. Браслеты: один ребристо-желобчатый, два (в одном погребении) округложелобчатый и из прута с полукруглым сечением. Бляшка-розетка с 7 лепестками и восьмым широким с двумя отверстиями. Нож с длинным листовидным клинком с параллельными лезвиями, с ребром жесткости на клинке, с длинной широкой металлической рукоятью с прямой пяткой черешка.

Береговский (Пряхин и др. 1979: 83—95). Раскопано 8 курганов, 11 погребений. В трех курганах на погребенной почве есть бронзовые украшения. Проволочное колечко с круглым сечением. Перстни в 3,5 витка, два из проволоки, одно литое, с выступающим концом. Гривны: одна из круглого в сечении прута, другая — треугольного.

II Ахмеровский могильник (Васюткин и др. 1985: 75—77). В одном кургане на погребенной почве найдена гривна из круглого в сечении прута, концы загнуты в виде крючков.

Набережный (Горбунов и др. 1989: 17—23). В 11 курганах исследовано 15 погребений. В 2 из них есть изделия из бронзы и кости. Нож классический с длинными параллельными лезвиями, с коротким слабо выраженным перехватом, с намеченным перекрестьем, которое уже клинка, без ребра, со змеевидной головкой, с

длинным узким черешком. Скобка для скрепления сосуда. Костяная втульчатая лопаточка.

Никифоровское лесничество (Васильев и др. 1979). Могильник грунтовый, раскопано 9 погребений (в семи из них есть бронзовые изделия) и собран подъемный материал из разрушенных погребений. Браслеты — 6 экз., по два в погребении. Из прута круглого в сечении (четыре), из плоской пластины (два). Концы у всех браслетов притуплены. Перстень в три оборота. Скобка из плоской пластины. Серебряные подвески в полтора оборота, мелкие — 2 экземпляра. Сложнозавитые подвески с петлей, мелкие, желобчатые. Многовитковая подвеска маленькая. Узкая раскованная проволочка, согнутая в крупную неровную спираль. Бляшки плоские, тонкие, круглые, полукруглые, подпрямоугольные с точечным пуансонным орнаментом, мелкие (с копейку). Орнамент: два вписанных круга; два вписанных круга с отходящими тройными лучами из прямых линий; волнистые двойные линии неясного оборванного рисунка. Одна бляшка полукруглая с тремя дырочками вдоль прямой стороны и с пуансонным рядом точек вдоль округлой стороны. Пронизи спиральные и гладкие пластинчатые (одна крупная), из пластины с рифлением на концах и в середине. Бусины из проволочки в один оборот. Бляшка-розетка с девятью лепестками, в десятом два отверстия (как в Пепкино). Шилья обоюдоострые (5 экз.), одно из них длинное, остальные короткие, из квадратного прута, одно с желобком вдоль одной стороны. Пробойник (орнаментир?) из квадратного в сечении прута. Обкладки из тонкого бронзового листка: одна в виде ленты, другая имеет ножевидную форму с выделенным черешком, боковые стороны которого загнуты. Тесло переделано из другого орудия, поэтому не имеет классической формы: вдоль одной длинной стороны закраина, пятка сужена, лезвие расширено, стороны не параллельны. Ножи без змеевидной головки (4 экз.). Два с широким черешком, сужающимся к пятке, покатыми плечиками, треугольным клинком. Один с более длинным широким черешком-рукоятью, не сужающимся к пятке и параллельными лезвиями клинка. Сделан из обломка пластинчатого изделия. Один нож имеет перекрестье и втульчатую рукоять. Все без ребра на клинке. Галька — пест.

Поздние абашевские памятники в правобережье Среднего Поволжья.

Миняшкино (Халиков 1961: 183—187). В двух курганах раскопано пять погребений и только в одном найден обломок бронзового браслета.

Пепкино (Халиков 1966). В кургане три погребения. В двух из них есть бронзовые украшения и некерамический инвентарь. Серебряные височные подвески в полтора оборота — одна в одном погребении. Браслеты — два в одном погребении, сделаны из проволоки треугольного сечения. Бляшка-розетка одна на двух спиральных пронизях. У бляшки необычно большое количество лепестков — девять и в десятом широком — два отверстия. Кольца-перстни (2 экз.) в 1,5—2 оборота из круглой в сечении проволоки. Литейная форма для вислообушного топора с каплевидным сечением клина. Шило с рукоятью одно. Кремневые черешковые наконечники стрел абашевского типа, часть из них с трансмедиальной ретушью. Костяное кольцо низкое и два высоких цилиндрика из обрезанной трубчатой кости животного. Костяные булавки-застежки, втульчатые и костяные черешковые лопаточки (4 экз.), возможно, также являющиеся своеобразным типом булавки.

Несколько костяных стерженьков, лежавших в ряд за теменем погребенного, найдены в абашевском погребении II Красносамарского могильника в Самарском Заволжье (Кузьмина 1979: рис. 3, 1—5). В Пепкино костяные стерженьки в большинстве случаев лежали у левого или правого плеча погребенного, под лопаткой, на груди, в единичных случаях в области таза. Традиция помещения в погребение подработанных косточек животного была характерна для этой территории и в предшествующее время в фатьяновской и балановской культурах. В Таутовском могильнике (Бадер и др. 1976: табл. 51, 12) балановской культуры есть костяное

изделие в виде стержневидной булавки с лопаточковидной головкой. В Пепкино одно из изделий представляет собой слегка подработанную косточку стержневидной формы с лопаточковидным расширением на одном конце, с отверстием у острого конца. Втульчатые лопаточки из Пепкино тоже имеют отверстия у основания втулки и у одной — у верха втулки. Вероятно, изменение стержневидного крепления на втульчатый насад превратило булавку в “лопатковидное костяное навершие штандарта” (Отрощенко 1996: 14). Эти изделия переходят в синташтинскую и покровскую культуры, но только в варианте с втульчатым креплением и также с отверстиями у основания втулки или в месте перехода втулки в лопатковидное расширение (Каменный Амбар, кург. 2, погр. 15). Изделия из Пепкино отличаются от более поздних и формой самой лопаточки — она не имеет прямоугольного основания, а плавно переходит во втулку.

Каменные песты и ступки фиксируются в Пепкино впервые. В поволжских памятниках ранее они не были известны, а для позднекатакомбных памятников — обычны. Для абашевской культуры в целом не характерно помещение в могилу изделий из камня. В частности ни в одном погребении абашевской культуры не обнаружены каменные топоры и булавы.

Таким образом, поздние памятники характеризуются теми же украшениями, которые были известны по классическим памятникам. В погребальном инвентаре появились новые типы (каменные предметы), вероятно отражающие влияние степных культур.

Поздние памятники абашевской культуры в левобережье Среднего Поволжья.

М. Кугунур (Халиков 1961: 193—199; Соловьев 1984). Исследовано 9 курганов и 15 погребений, только два из них содержали металлические изделия — одну серебряную подвеску в полтора оборота и пластинчатый ножичек с широким обломанным на конце черешком, с листовидным клинком, без перекрестья.

Сретенка (Халиков 1961: 199—201). Раскопано 2 кургана, обнаружено 4 погребения, в двух были изделия из металла — стрекало с одним острым концом и браслет.

Пеленгер (из доклада С. В. Большова: Кузьмина и др. 1995: 210). Исследовано 50 курганов и более 100 погребений. Найдены серебряные подвески в полтора оборота (17 экз.) по одной в погребении и только в одном погребении две подвески. Браслеты с несомкнутыми концами из круглого (2 экз.), полукруглого (2 экз.), треугольного (1 экз.) и квадратного (4 экз.) в сечении прута. Перстень в 3 витка. Очковидные подвески (2 экз.). Фрагменты изделия из кожи и бересты, расшитые рядами бляшек — полугорошин и парными спиральными пронизями (в двух погребениях). Кроме того, найдены две плоские подпрямоугольные небольшие пластинки, крупная цилиндрическая пронизь-бусина и шило с деревянной рукояткой.

Могильники М. Кугунур, Сретенка, Пеленгер по некерамическому инвентарю соответствуют могильникам Пепкино и Миняшкино в правобережье Волги. Кроме параллелей в металлическом инвентаре и уменьшения количества украшений в погребениях, на это указывают и курительницы (плавильные чаши) идентичной формы из могильников Сретенка и Пепкино.

Отдельно необходимо остановится на материалах **Турбинского могильника**, так как соотношение абашевских и турбинских материалов в нем имеет принципиальное значение для хронологии абашевской культуры.

В 1964 году О. Н. Бадер опубликовал материалы раскопок Турбинского могильника. Анализируя их, он пришел к выводу, что едва ли не самыми близкими выглядят связи между памятниками сейминско-турбинского типа и абашевскими (1964: 142). Но уточненному решению вопроса об их соотношении, по мнению О. Н. Бадера, мешала неопределенность характера абашевских металлических изделий, не выясненное хронологическое соотношение баланбашского и волжского вариантов аба-

шевской культуры. Кроме того, металлические изделия, традиционно относимые к абашевской культуре, происходили из случайных находок и кладов, хотя и были найдены на территории распространения абашевской культуры, но в кладах могут присутствовать вещи различных культур. О. Н. Бадер считал, что частичное совпадение во времени сейминско-турбинских и абашевских комплексов материальной культуры доказано Галичским и Верхне-Кизильским кладами. В Турбинском могильнике абашевскими изделиями он считал копье с длинной несомкнутой втулкой, плоские топоры, крупный рыболовный крючок, серпы, желобчатые браслеты, браслеты с ребром, украшения головных уборов из нашивных рубчатых трубочек-пронизок.

Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых в материалах Турбинского могильника видят изделия сейминско-турбинских и евразийских КТР, причем имеющих определенную планировку на территории памятника, объяснение которой исследователи находят либо в хронологически более ранней позиции центральной группировки погребений по сравнению с периферийными. По другому объяснению эти группы погребений могут отражать различия в обряде и этническом составе, по крайней мере, трех кланов, хоронивших своих покойников на определенных участках Турбинского кладбища. Впрочем, по мнению авторов, вполне возможным является и сочетание обоих обстоятельств (Черных и др. 1989: 208).

В. С. Бочкарев в работе, посвященной вопросу о хронологическом соотношении сейминско-турбинских памятников, выделяет в материалах Турбинского могильника абашевский компонент — копье с длинной несомкнутой втулкой, тесла, проушные топоры, ножи с перекрестьем, бронзовые и серебряные браслеты, височные кольца и пронизи, серповидные изделия (жатвенные ножи), крупный рыболовный крючок, черешковые наконечники стрел. По мнению исследователя, эти вещи проникли в Турбино благодаря контактам с местным абашевским населением, что свидетельствует об одновременности абашевской и турбинской культур (Бочкарев 1986: 108). В вопросе о хронологическом соотношении Сеймы и Турбино, В. С. Бочкарев доказывает более ранний характер Турбино.

К. В. Сальников, а затем В. С. Горбунов рассмотрели целый ряд абашевских погребальных и поселенческих памятников Южного Урала, давших металлические изделия абашевской культуры, и обобщили их в монографических работах (Сальников 1962; 1967; Горбунов 1986). Это позволяет нам еще раз обратиться к материалам Турбинского могильника и рассмотреть их на фоне имеющейся в настоящее время источниковедческой базы по металлическим изделиям абашевской культуры.

Погребения с абашевскими металлическими изделиями располагаются по всей площади могильника среди погребений с турбинским металлическим инвентарем и планиграфически в могильнике не выделяются (рис. 4).

Размеры достоверно зафиксированных могил (в м):

Культура	Длина	Ширина	Глубина
Абашевские	1,76—2,05	0,78—0,90	0,11—0,70
Турбинские	1,94—2,27	0,82—1,13 (2,10)	0,11—0,90

Часть турбинских могил крупнее. Только среди турбинских могил есть квадратные ямы для коллективных погребений. Основная масса абашевских и турбинских погребений находится на глубине 0,31—0,70 м, глубже расположены только турбинские погребения. Рядом с глубокими турбинскими погребениями находятся абашевские на меньшей глубине.

Остановимся на ориентировке могил. О. Н. Бадер заметил, что преобладающая ориентировка могил с северо-запада на юго-восток соответствует общей продольной оси всего могильника. Погребения с абашевским инвентарем не выделяются своими ориентировками и подчинены общей оси могильника, но с большей долей погребений с широтной ориентировкой.

Следовательно, погребения, включающие абашевский инвентарь, рассеяны по площади могильника и не образуют компактной группы. В коллективных погребениях нет абашевского материала. В могилах присутствует смешанный абашевский и турбинский погребальный инвентарь, причем налицо абашевские материалы и отдельные детали абашевского обряда (например, ориентировка) в турбинском могильнике. Поэтому могильник можно назвать турбинским с абашевскими элементами. Находки из погребений, в которых присутствует абашевский инвентарь, даны в таблице 1.

Таблица 1.

№ погребения	Инвентарь	
	Абашевский и культурно не определенный	Турбинский
1	втульчатый топор, тесло, два ножа, обломки двух небольших бронзовых бляшек, 5 кремневых осколков, несколько кремневых стрел выше могильного дна	
2	шесть бронзовых браслетов, стрекало, кремневое орудие	нефритовое кольцо
6	бронзовый браслет, 3 кремневых наконечника стрел, кремневая ножевидная пластина	
7	браслет, 2 кремневых наконечника стрел	
21	крючок, 5 каменных орудий	
24	браслет, 2 кремневых орудия	нефритовое кольцо
27	нож, 2 каменных орудия	
31	бронзовое тесло, 2 ножа	2 нефритовых кольца, кремневый регулируемый нож
44	нож, 2 браслета	3 нефритовых кольца
62	2 ножа, шитье из пронизей, 2 скребка	2 кельта, нефритовое кольцо, кремневый нож
65	тесло, кремневый осколок	
67	втульчатый топор	кельт
79	тесло, нож, 6 браслетов-колец, одна кремневая ножевидная пластина	
82	копье, ножевидная пластина, 15 кремневых отщепов	
90	стержень-стрекало, нож, 2 бронзовых неопределенных предмета, кремневый скребок, 2 ножевидные пластины	
99	6 браслетов-колец, ножевидная пластина	кельт

Из вещей вне погребений к изделиям абашевской культуры относятся: втульчатый топор, 2 ножа, 2 изогнутых серповидных ножа, стрекало, тесло, 2 кремневых черешковых наконечника стрел, 2 браслета, круглая подвеска, подвеска-гребень.

Необходимо отметить, что по свидетельству автора раскопок, в одной из могил среди погребального инвентаря была найдена гладилка-утюжок (Бадер 1964: 110—111). Следовательно, и в Турбинском могильнике в состав погребального инвентаря входили каменные песты и ступы, как и в погребениях Пепкинского кургана, могильника Метев-Тамак и Никифоровского лесничества.

Абашевского инвентаря нет в погребениях с турбинскими наконечниками копий. Пять погребений, из выше перечисленных, включают только украшения. Это бронзовые и нефритовые кольца. Все они расположены в южной части могильника. Украшения, такие же кольца-браслеты, есть в трех погребениях северной части могильника, но, кроме них, эти погребения содержат кельты, тесла, ножи. Оружие — втульчатые топоры, копье — есть в трех погребениях. И дополняют тесло, ножи,

кельты. Только одно из этих погребений расположено в южной части памятника, остальные — в северной. Погребения с орудиями труда включают оружие, украшения, кремневые орудия. Три погребения находятся в южной части могильника, шесть — в северной, два — в центральной. Следовательно, в южной части кладбища погребений с абашевским инвентарем меньше и преимущественно это погребения с украшениями и орудиями труда (они найдены в разных могилах), но есть и погребения с оружием. В северной — больше погребений с инвентарем всех категорий.

Остановимся на анализе каждого изделия абашевской культуры.

ВТУЛЬЧАТЫЕ ТОПОРЫ

Топоры из Турбино (рис. 5, 1; 8, 1—2) входят в группу абашевских (камских) топоров. Абашевскую принадлежность топоров камского типа доказывает их нахождение в абашевских кладах и находка литейной формы в абашевском погребении (Пепкино). Большая часть находок камских топоров сделана в областях, где известны абашевские могильники (Збруева и др. 1970: 120). Кроме того, по мнению К. В. Сальникова, производство камских топоров абашевцами доказывается находками овальных в сечении глиняных вкладышей на селищах Баланбаш, Береговское II, Мало-Кизильское (1967: 62).

Почти все бронзовые втульчатые топоры абашевского типа происходят из случайных находок, что является правилом для абашевской культуры, хотя есть и исключения. Так, топоры происходят из погребальных памятников — Турбинского могильника, кургана у г. Бирска, из Пепкинского кургана (литейная форма). Один топор найден на территории Мало-Кизильского поселения. Еще несколько топоров происходят из кладов: Верхне-Кизильского (Bortvin 1928), но, по словам А. А. Берс, “ни один из найденных топоров не попал в научные собрания” (1930: 57); три вислообушных топора происходят из клада Москательникова (Сальников 1967: 41); один — входит в состав клада М. А. Веселова (Сальников 1967: 43); один — происходит из Коршуновского клада (Спицин 1893: 34), вислообушные топоры входили в состав Галичского клада (Tallgren 1926: fig. 77, 14). Камский топор также происходит из клада со срубными серпами у д. Миловка Уфимской губернии (Булычев 1902) и близкий камскому — из одного из самых ранних, по мнению В. С. Бочкарева, срубного клада у д. Ерыклы Билярского р-на Татарии (Смолин 1926: рис. 8).

Карта распространения топоров камского типа опубликована Б. Г. Тихоновым (Тихонов 1960: 95—97), позже вышел ряд исследований на эту тему (Черных 1970; Кузьминых 1973, 1975). При ярко выраженных признаках, объединяющих топоры в один тип, есть и отличия, на которых необходимо остановиться, так как анализ их проливает свет на историю формирования типа. Но сначала несколько замечаний.

Первое. Не все топоры оказались доступными к моменту написания статьи, поэтому часть из них анализировалась по рисункам, но не на всех рисунках даны сечения клина и профиль топора, поэтому в дальнейшем возможны уточнения и перемещения топоров из группы в группу.

Второе замечание касается принятого в данной работе характера промеров топоров. При подсчете пропорции — отношение ширины обуха к длине топора — измерялась ширина обуха, а не нижний диаметр втулки топора, который во всех случаях меньше ширины обуха и не отражает действительного пропорционального соотношения двух функционально разных частей топора — клина и обуха.

И третье. В работе дан список топоров, номер в котором соответствует номеру на карте и в тексте при ссылке на топор.

Признаки, характеризующие абашевские топоры, можно разделить на хронологические и территориальные.

К территориальным относится такой признак, как форма сечения клина топора (рис. 11). На протяжении существования абашевской культуры границы ее расширялись, она попадала в иное культурное окружение, облик ее претерпевал

изменения, в зависимости от этого модифицировалась и форма топора. Так, в правобережье Среднего Поволжья оформился топор с каплевидным сечением клина, в левобережье Нижнего Прикамья — с линзовидным сечением, а в Приуралье — с ромбовидным. Топоры с разным сечением клина параллельно существуют в рамках абашевской культуры.

Топоры с каплевидным сечением клина (1, 2, 4, 6—9, 11—17, 18, 20—25, 27, 28, 32, 40). По мнению Б. Г. Тихонова (1960: 61) и К. В. Сальникова (1967: 61) камские (абашевские) топоры формируются на основе фатьяновских топоров. Если исходить из этого положения, возможно, абашевские топоры с каплевидным сечением клина оформились в результате модификации фатьяновского топора, который имел выпуклые широкие стороны клина и широкие брюшко и спинку, то есть овальное сечение клина. Каплевидное сечение появилось в результате того, что брюшко стали делать приостренным. Можно предположить, что абашевские топоры с каплевидным сечением оформились ранее, так как они имеют меньше новых признаков, чем топоры с другим сечением (у них нет ребер жесткости, не приострена спинка) и, существуя на протяжении всей абашевской культуры (литейная форма есть в позднем абашевском памятнике — Пепкино), не выходят за ее пределы. Областью распространения топоров с каплевидным сечением клина преимущественно является правобережье Среднего Поволжья, правобережье Нижней Камы, Вятка.

Топоры с линзовидным сечением клина (29—30, 37, 41—45). В Поволжье, на широте Самарской Луки и южнее ее, в абашевское время появляются топоры царвокурганского типа, являющиеся поздней модификацией топоров колонтаевского типа и вероятно соответствующие ранним памятникам КМК. По мнению С. Н. Корневского (1983: 101), у катакомбных и абашевских топоров можно отметить сходные черты построения рубящей и крепящей частей. Особенно близки абашевским, как считает С. Н. Корневский, топоры царвокурганского типа, которые являются связующим звеном между абашевскими и колонтаевскими топорами. Можно предположить, что к моменту появления царвокурганских топоров в Поволжье, абашевские топоры здесь уже существовали и ранние абашевские топоры (с каплевидным сечением, дуговидным клином и косо срезанной втулкой), стимулированные традициями царвокурганских топоров (широкий, плоский клин), легли в основу самостоятельно выработанного типа абашевского топора не с дуговидной, а с прямой спинкой, с плоским, линзовидным в сечении, клином, то есть с приостренным брюшком и спинкой. Царвокурганские топоры имеют плоское брюшко и плоскую спинку. В сечении клин царвокурганского топора представляет собой шестигранник. Абашевские топоры с линзовидным сечением сформировались в Волго-Камье. Вероятно, этот процесс происходил в то время, когда абашевская культура начала расширять свои границы как в северном (в левобережье Волги), так и в юго-восточном направлении (по Волге), где вступила в контакт с южными степными культурами, носителями позднекатакомбных — ранних КМК традиций. Областью распространения топоров с линзовидным сечением клина является Нижнее и Среднее Прикамье.

Топоры с ромбовидным сечением клина (3, 5, 10, 19, 26, 33—36, 38, 39, 45, 48—49) являются изобретением абашевских металлургов. Формирование их относится ко времени освоения абашевской культурой Приуралья. Появляется новый признак, характеризующий именно абашевские топоры — ребро жесткости на широких сторонах клина. Отличительной особенностью абашевских топоров было то, что у них был укреплен ребрами жесткости клин, а не обух. Например, у катакомбных топоров обух укреплен за счет рельефного орнамента — шишечек, желобков, валиков, а у топоров эпохи поздней бронзы — за счет гребня. Это доказывает оригинальность абашевских топоров. Такой признак появляется только у абашевских топоров с приостренной спинкой (как с дуговидной, так и с прямой). Областью распространения топоров с ромбовидным сечением клина является Приуралье и Прикамье. Топоры с ромбовид-

ным сечением, вероятно, возникают позже топоров с линзовидным и каплевидным сечением, но все три модификации, после их изобретения, существуют параллельно, не вытесняя друг друга, как и абашевская культура, распространяясь на новые территории, продолжает существовать на ранее освоенных территориях.

Территориальные признаки являются в своей основе традиционными. Так, на территории, в предшествующее время занятой фатьяновской культурой, в абашевское время сохранялись некоторые ее традиции. Фатьяновские топоры, как известно, имеют дуговидно изогнутую форму, что делает втулку опущенной, а лезвие клина наклонным. Низ втулки косо срезан, а внутренняя стенка втулки приподнята и плавно, а не под прямым углом переходит в брюшко топора. Эти традиции поддерживались на протяжении всего времени существования абашевской культуры — дуговидный клин или косо срезанную втулку имеет часть и ранних и классических и поздних топоров, но только в одном районе распространения абашевских топоров — в Волго-Камье.

Так, у абашевских топоров, как правило, клин прямой, но у тринадцати из них сохраняется такой признак, как *дуговидная форма клина* (рис. 17, 3). Три топора (2, 11, 21) имеют при этом и другие ранние признаки (невыделенную снизу втулку) и не имеют ребер жесткости. Семь топоров (37, 40, 48, 3, 19, 42, 8) относятся к группе классических и три из них с ромбическим сечением клина (3, 19, 48). Два топора (5, 4) имеют при дуговидном клине поздние признаки (высокую заднюю стенку втулки). Один из них с каплевидным сечением втулки (рис. 18, 1), другой — с ромбовидным (5). Перечисленные топоры в основном происходят из правобережья Среднего Поволжья и правобережья Нижнего Прикамья (рис. 12). Таким образом, сохраняется традиционная (“фатьяновская”) и не слишком обширная территория, где соблюдается традиция изготовления топоров с дуговидным клином на протяжении существования абашевской культуры.

Другой фатьяновский признак — приподнятая, короткая, внутренняя стенка втулки, когда топор в плане как бы стоит только на одной точке, опираясь лишь на заднюю стенку втулки. Этот признак также представлен на топорах абашевского типа (рис. 17, 1). Во-первых, у большинства топоров с дуговидным клином (21, 2, 11, 5, 3, 19, 42). Далее, у топоров с прямым клином: у шести из них есть ранние признаки (44, 24, 30, 31, 9), каплевидное или линзовидное сечение клина; у восьми классических топоров (22, 13, 18 — с каплевидным сечением клина; 46, 43, 27 — с линзовидным; 48 — с ромбовидным); и у позднего (39) с ромбовидным сечением клина. Следовательно, этот признак встречается на протяжении всей абашевской культуры, хотя на поздних топорах он известен в единичных случаях. Топоры с косо срезанной втулкой распространены на территории Среднего Поволжья, на Вятке и в Прикамье (рис. 12). Этих топоров больше и распространены они шире, чем топоры с дуговидным клином.

К хронологическим относятся такие признаки, которые существуют только в определенном хронологическом периоде, но на всей территории абашевской культуры. Так, к ранним признакам относится *невыделенная снизу втулка* топора. Часть топоров абашевского типа (12 экз.) имеет короткую, невыделенную снизу втулку, то есть внутренняя стенка втулки не перпендикулярно, а плавно переходит в клин топора (рис. 17, 2). Этот признак характерен и для фатьяновских и для ранних северокавказских топоров (например, привольненского типа). Этот признак имеют абашевские топоры с дуговидным (21, 11, 2) или прямым клином (44, 24, 14, 30, 29, 31, 9, 1, 28) и без ребер жесткости на клине, то есть только с каплевидным или линзовидным сечением клина, что указывает на более позднее происхождение топоров с ромбовидным сечением клина. Топоры с невыделенной снизу втулкой происходят с территории правобережья Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, по одному на Вятке и Средней Каме (рис. 12). В целом территория распространения этих топоров совпадает с территорией распространения топоров с дуговидным клином.

К поздним хронологическим признакам относится такой признак, как *высокая и широкая обушная часть, узкий, не расширяющийся к лезвию клин*. Топоры абашевского типа выделены из массы вислообушных топоров по величине обушной части и были названы топорами с “узким” обухом (Городцов 1915). Абашевские топоры делятся по пропорциям — по отношению длины обуха к длине всего топора — на три группы. В первой группе обух очень узкий и составляет четвертую-пятую часть топора, во второй — узкий (3,5—4,0 часть), а в третьей — широкий и составляет третью часть топора.

В группу топоров с очень узкой обушной частью (4,1—5,2, то есть одна четвертая — одна пятая часть всей длины топора) входит пять топоров (30, 18, 43, 7, 45): один ранний, три классических и два поздних. Только поздний топор имеет ребра жесткости. Ранние топоры с узким обухом имеют плоский клин. Территория распространения этих топоров — Прикамье (один в правобережье Среднего Поволжья). Только один топор найден к востоку от Волго-Камья (рис. 13). Таким образом, эта традиция — пропорционально очень узкого обуха — представлена у ранних и поздних абашевских топоров, но не стала ведущей. Она проявилась в синташтинских топорах, у которых обух также составляет четвертую часть всего топора. Следовательно, к территориальным относится и такой признак, как очень узкий обух, составляющий четвертую-пятую часть топора. Он сформировался и существовал в Прикамье. Основная масса топоров абашевского типа имеет обух, составляющий 3,5—4,0 часть всей длины топора.

Среди абашевских топоров семь (31, 36, 46, 17, 26, 27, 45) имеют обух, составляющий третью часть топора. Они найдены на Южном Урале, в Среднем Прикамье, на Вятке, в Среднем Поволжье (рис. 13). Нет ранних топоров с такими пропорциями. Пять топоров, то есть большинство, поздние. Половина топоров с плоским клином, то есть с линзовидным сечением, и половина с ребрами жесткости, то есть с ромбовидным сечением клина. Эта традиция широкого обуха становится ведущей в эпоху поздней бронзы.

Абашевские топоры делятся на две группы *по высоте обуха*, то есть по отношению высоты задней стенки втулки к нижнему диаметру втулки. В целом для абашевских топоров характерно, что высота втулки меньше ее диаметра, а, следовательно, в плане втулка лежит ниже линии брющка топора, поэтому эти топоры и называются топорами с вислым обухом. Но есть группа абашевских топоров, у которых высота втулки больше ее диаметра, а, следовательно, в плане верхняя часть втулки лежит выше линии брющка топора (36, 47, 33—34, 37, 38, 11, 26, 10, 5, 4, 45). Такой признак считается поздним, так как у массивнообушных (южноуральских) топоров клин и втулка (обух) находятся на одном уровне. Этот признак есть у топоров со всеми видами сечения, что говорит об их одновременности на позднем этапе, и на всей территории распространения топоров абашевского типа. Последнее указывает на то, что Среднее Поволжье, бассейн Вятки и Камы входили в зону обитания абашевской культуры на позднем этапе ее существования (рис. 14). Интересен тот факт, что у топоров из Нижнего Прикамья и Казанского Поволжья, которые представляются довольно ранними, этого позднего признака нет. Вероятно, эта территория для абашевской культуры была “проходной”, причем в раннее время.

У топоров абашевского типа клин расширяется к лезвию. Десять топоров имеют *клин*, который почти *не расширяется к лезвию* (10, 36, 44, 23, 30, 29, 26, 9, 1, 45). Этот признак есть и у ранних и у поздних топоров, со всеми видами сечения и отмечен на топорах во всех районах распространения абашевской культуры (рис. 15).

У классических топоров абашевского типа длина лезвия больше высоты задней стенки втулки, но у четырех топоров (10, 36, 26, 45) *лезвие короче задней стенки втулки*. Эти же топоры имеют не расширяющийся к лезвию клин. Это поздние топоры с широким обухом и ребрами жесткости на клине. Они есть на Вятке, Средней и Нижней Каме, на Южном Урале. Их нет в Казанском Поволжье и Ниж-

нем Прикамье, вероятно, по той же причине, почему нет топоров с высоким обухом (рис. 15). Эта традиция продолжается в алакульских топорах.

Топоры различаются и по такому признаку, как *ширина клина*. Соотношение ширины клина и высоты передней стенки втулки является устойчивой величиной. У основной массы абашевских топоров ширина клина меньше высоты обуха в полтора-два раза, а в целом для абашевских топоров варьирует в пределах 1,6—2,6. У фатьяновских топоров это отношение равно 1,4—1,6, у царевокурганских — 1,3—1,6, то есть клин пропорционально шире, чем у абашевских. У более поздних топоров клин пропорционально уже, чем у абашевских: у синташтинских 2,2—2,7; у покровских 2,0—2,6. Абашевские топоры (1—4, 9, 14, 19—21, 23, 27, 30—31) с широким клином (1,6—1,7) происходят из районов Среднего Поволжья (оба берега). Абашевские топоры с очень узким клином (2,2—2,6) происходят из Прикамья (28, 40, 45—47), единичные (6—7) — из правобережья Среднего Поволжья (рис. 16).

Следовательно, при всем единообразии, топоры абашевского типа делятся на три большие группы, соответствующие трем территориальным группам носителей абашевской культуры. Абашевские топоры формируются на основе фатьяновских традиций, ряд из которых (в Волго-Камье) продолжает существовать и в абашевское время. Это невыделенная снизу втулка, дуговидная форма клина, косо срезанный низ втулки. Но абашевская культура вырабатывает свой тип топора, который имеет принципиально отличные конструктивные особенности, а именно, клин и обух расположены в разных уровнях за счет резко скошенного верха втулки (но так было и у царевокурганского топора) и выделения нижней части втулки из тела топора (ликвидируется скос нижней части втулки) за счет удлинения внутренней стенки втулки и перехода ее в линию брюшка не плавно, а под углом, таким образом, формируется цилиндрическая нижняя часть втулки. Второе принципиальное новшество — это изменение формы и сечения клина. Формируется прямой, довольно узкий клин со слабым расширением к лезвию (в отличие от очень широкого царевокурганского), по форме аналогичный абашевскому плоскому клиновидному топору-теслу. В рамках абашевской культуры, по-видимому, первичны втульчатые топоры, а плоские — вторичны. Но более важными были изменения, коснувшиеся формы сечения клина. У фатьяновских топоров заострено только лезвие, а спинка и брюшко топора широкие и округлые, у царевокурганских топоров — широкие и плоские. У абашевских топоров во всех случаях приострено брюшко (если спинка остается округлой, то сечение каплевидное), а в большинстве случаев приострена и спинка (сечение клина линзовидное). Таким образом, клин абашевского топора становится граненым. Более того, было внесено еще одно усовершенствование — ребра жесткости на широких сторонах клина (сечение ромбовидное). Увеличение размеров и пропорций обушной части и дальнейшее укрепление клина двумя ребрами жесткости на каждой плоскости, а обуха гребнем — полностью меняет облик топора и выходит за рамки традиций абашевской культуры.

Абашевские топоры делятся на подтипы, что отражает самостоятельное существование трех групп абашевского населения. Средневожская (сурско-свияжская) группа более других сохранила лесные, постшнуровые, фатьяновско-балановские традиции, так как, оставаясь на своей территории, абашевская культура не подвергалась влиянию других культур. В этой среде оформляется топор с каплевидным сечением клина. Вятско-камская группа оформилась при передвижении абашевской культуры на север и на восток через Волгу. Абашевский топор здесь модифицируется и появляется его разновидность — топор с линзовидным сечением прямого клина. В приуральской (икско-бельской) группе окончательно оформляются самостоятельные, выработанные абашевскими мастерами, традиции в металлообработке (топор с ромбовидным сечением клина). Фатьяновские традиции здесь не прослеживаются. Поздние топоры этого вида происходят из Турбино. В Турбин-

ском могильнике найдены топоры с линзовидным и ромбовидным сечением клина, что указывает на одновременность этих видов на позднем этапе существования абашевской культуры. Наличие литейной формы для топора с каплевидным сечением в позднем кургане Пепкино (рис. 18, 1) свидетельствует об одновременности всех трех видов топоров на позднем этапе абашевской культуры. Деление топоров абашевского типа на три разновидности позволяет говорить о существовании культурного своеобразия в трех районах обитания абашевской культуры — в правобережье и левобережье Средней Волги и в Приуралье. Случайные находки втульчатых топоров на этой территории дополняют облик абашевской культуры, известный по раскопкам курганов и поселений. Карта случайных находок топоров абашевского типа рисует реальную зону распространения абашевской культуры.

На территории **правобережья Среднего Поволжья**, в зоне расположения абашевских памятников, известно 17 случайных находок топоров абашевского типа и одна литейная форма в погребении абашевской культуры Пепкинского кургана (табл. 2-1). Топоры различаются деталями. Большинство из них (15 экз.) имеет каплевидное сечение клина, три — ромбовидное (10, 3, 26). Клины широкие, расширяются к лезвию и только у двух топоров клин без расширения к лезвию (10, 9). Но только у двух топоров (10, 26) длина лезвия меньше высоты задней стенки втулки. У части топоров (1—4, 9, 14) клин широкий 1,6—1,7. Этот признак наиболее часто фиксируется именно в этом районе (и, как правило, в западной его части) и присущ как ранним, так и поздним топорам. Он является традиционным, так как наследует фатьяновским топорам, а затем передается от абашевских покровским топорам. Они имеют также относительно более широкий клин, чем у топоров других культур того времени. Другие топоры (5, 8, 11, 10, 15, 17, 12, 16) имеют узкий клин 1,8—2,0, что характерно для основной массы абашевских топоров, и единичные (6, 7, 13, 26) — очень узкий 2,1—2,4. Клины топоров дуговидно изогнуты у пяти топоров, найденных в западной части района (2, 3, 4, 8, 5). Остальные топоры имеют прямой клин, наклоненный вниз или расположенный перпендикулярно втулке (7, 17).

Втулка топора косо срезана у четырех топоров (2, 3, 5, 13), также найденных, в основном, в западной части района. Слабо выделенная снизу втулка у пяти топоров (2, 11, 9, 13, 14), найденных по всей территории. Обушная часть составляет 3,5—4,0 часть всей длины топора у 15 экземпляров, у одного (7) она уже — 4,1 и у двух (17, 26) шире — 3,1 — 3, 2. Исключения происходят из восточной части района. Высота задней стенки втулки меньше нижнего диаметра втулки, но у пяти топоров (4, 5, 10, 12, 26), происходящих со всей территории, высота задней стенки втулки больше нижнего диаметра втулки.

Таблица 2-1.

№	Местонахождение	Публикация. Место хранения
1.	Нижегородская губ.	Черных 1970: рис. 50, 10; Корневский 1983: рис. 2, 2.
2.	Васильсурское гор, Воротынский р-н, Горьковской обл.	Халиков и др. 1963: рис. 14, 114; Тихонов 1960: № 50.
3.	с. Таньш-Касы, Козьмодемьянский у., Казанской губ.	Тихонов 1960: № 49. ГЭ № 21/2, 7266.
4.	д. Пепкино, п. 1, костяк 8. Горно-Марийский р-н, Мар. АССР.	Халиков и др. 1966: табл. VIII.
5.	с. Богородское, Чебоксарский у. Казанской губ.	Тихонов 1960: № 46.
6.	Карамышево, Козловский р-н, Чувашия.	Tallgren 1916: Col. Zaus. № 4365, pl. II, 7; Тихонов 1960: № 47.
7.	д. Ст. Шагали, Урмарский р-н, Чувашия.	Ефименко и др. 1961: рис. 27, 6.

№	Местонахождение	Публикация. Место хранения
8.	Можары, Янтиковский р-н, Чувашия.	Tallgren 1916: Col. Zaus. №3282, pl. II, 2.
9.	Куланга, Кайбицкий р-н, Татария.	Tallgren 1916: Col. Zaus. № 3285; Тихонов 1960: № 36.
10.	Кайбицы, Свияжский р-н, Татария.	Tallgren 1916: 21, 1, Col. Zaus. № 1103; Тихонов 1960: № 37.
11.	Свияжский у. Казанская губ.	Tallgren 1916: Col. Zaus. № 4364; Тихонов 1960: № 40.
12.	Юмралы, Тетюшский у., Казанской губ.	Tallgren 1916: Col. Zaus. № 1187, pl. II, 8; Тихонов 1960: № 33.
13.	Шемякино, Тетюшский у. Казанской губ.	Tallgren 1916: Col. Zaus. № 4363; Тихонов 1960: № 35.
14.	Тетюшский у., Казанская губ.	Бульчев 1902: XII, 2; Тихонов 1960: табл. XVII, 7, № 42. ГИМ 40299.
15.	Тетюшский у. Казанской губ.	Черных 1970: рис. 50, 21. ГМТР № 13215.
16.	Кулчаны, Тетюшский у., Казанской губ.	Tallgren 1916: Col. Zaus. № 957; Тихонов 1960: № 39.
17.	Бакрчи, Тетюшский у., Казанской губ.	Tallgren 1916: 20, Col. Zaus. № 3283, табл. II, 6; Тихонов 1960: № 34.
26.	Ядранский у., Казанской губ.	Tallgren 1916: 20, Col. Zaus. № 3281; Тихонов 1960: № 41.

Таким образом, топоры, имеющие дуговидный клин, косо срезанный низ втулки и стандартные абашевские признаки, происходят из западной части района, западнее бассейна Свияги. Это территория непосредственного расположения абашевских могильников. Эти признаки характерны для ранних и поздних топоров этого района. Восточнее Свияги, в Волжско-Свияжском междуречье, абашевские памятники неизвестны и отсюда происходят топоры с иными признаками — с прямым, опущенным клином, с узким клином, с узкой или широкой втулкой. Топоры с поздними признаками, с высокой задней стенкой втулки и с ребрами жесткости на клине, есть на всей территории, но единичны.

Следовательно, для территории правобережья Среднего Поволжья характерны топоры с каплевидным сечением клина и признаками, сформированными на основе фатьяновских традиций. Восточнее Свияги, где абашевская культура распространяется в новую географическую зону — лесостепь, оформляется разновидность абашевских топоров с отличительными признаками. В правобережье Среднего Поволжья абашевская культура существует на протяжении всего своего развития. То же можно сказать и о топорах. Здесь есть и ранние, и классические, и поздние формы. Не производили, вероятно, только топоры с линзовидным сечением клина.

Из **Казанского Поволжья** (район правобережья устья Камы) происходит 8 случайных находок топоров абашевского типа (табл. 2-2).

Таблица 2-2

№	Местонахождение	Публикация. Место хранения
18.	с. Девлезери, Рыбно-Слободской р-н, Татария.	Лихачев 1891: табл. II, 9; Тихонов 1960: № 28.
19.	Лаишевский у., Казанской губ.	ГМТР, ОА, 41—30, № 5377.
20.	музей Татарии, 3 экз.	Тихонов 1960: № 66.
21.	Казанская губ.	Aspelin 1877: fig. 233; Тихонов 1960: № 44.
22.	Казань.	Tallgren 1916: Col. Zaus. № 4361; Тихонов 1960: № 32.
23.	Казанская губ.	Штукенберг 1901: табл. II, 3, 4; Тихонов 1960: № 45.

Здесь нет памятников абашевской культуры и, вероятно, эти топоры связаны с распространением абашевской культуры из правобережья Среднего Поволжья в левобережье. Эти топоры аналогичны топорам из правобережья Среднего Поволжья. Половина из них (21, 18, 19, 20, 23) имеет дуговидный клин, косо срезанную снизу и довольно узкую (3,9—4,1) втулку. Только у одного топора клин прямой (22) и у одного клин не расширяется к лезвию (23). У большинства (20, 23, 19) широкий клин (1,6—1,7), у единичных — узкий 1,9 (18) и очень узкий — 2,1 (22). Все они, за исключением одного (19), имеют каплевидное сечение клина. Нет топоров с высокой и широкой втулкой. Таким образом, почти все топоры имеют ранние признаки. Фатьяновские традиции сохраняются, нет свидетельств нового сильного культурного воздействия, поэтому “ранние” признаки идут сквозь всю культуру.

В левобережье, в **Вятско-Ветлужском междуречье**, на территории расположения абашевских могильников, случайно найдены три топора (табл. 2-3).

Таблица 2-3

№	Местонахождение	Публикация. Место хранения
24.	Яранский у., Вятской губ.	Тихонов 1960: № 17. ГМТР № 5375.
25.	Березенки, Яранский у., Вятской губ.	Tallgren 1916: Col. Zaus. № 2280; Тихонов 1960: № 19.
27.	музей г. Кировска, 2 экз.	Тихонов 1960: № 71, 72.

Это топоры с прямым, наклоненным, узким (2,0—2,1) клином, расширяющимся к лезвию. Сечение клина каплевидное. Втулка у двух топоров (24, 27) снизу выражена слабо. Втулка довольно широкая — 3,6 (24, 25) или 3,4 (27). В левобережье нет ранних абашевских памятников и топоры не самые ранние, а классические. Своеобразной чертой является прямая спинка топора. Топоров с дуговидной спинкой нет.

Интересна группа топоров (6 экз.) в **Волго-Камском левобережье**¹ (табл. 2-4).

Таблица 2-4

№	Местонахождение	Публикация. Место хранения
28.	Ананьинская дюна, Елабужский у., Вятской губ.	Городцов 1915: с. 153; Тихонов 1960: № 22.
28а.	Ананьинский мог., Елабужский у., Вятской губ.	Тихонов 1960: № 23. Пермский муз. № 1615.
29.	Чистопольский у., Казанской губ.	Тихонов 1960: № 27; Черных 1970: 50, 15. ГМТР № 5381, 13213.
30.	пригород Билярска, Алексеевский р-н, Татария.	Тихонов 1960: № 29. ГМТР № 10193.
31.	Болгарское гор., Алексеевский р-н, Татария.	Тихонов 1960: № 31. ГИМ № 2441.
32.	д. Карташиха, Куйбышевский р-н, Татария.	Черных 1970; Корневский 1973: рис. 4, 5. ГМТР, ОА 41-50.

Появившись здесь, абашевская культура оказалась в иной культурной среде, возможно поэтому, она не смогла здесь задержаться, и памятники абашевской культуры здесь не известны. Но, вероятно, реакцией на новую среду явилось изменение некоторых признаков топора. Во-первых, исчезает дуговидная форма клина и косой срез низа втулки. Все топоры с прямым клином. Более важная новая черта (при сохранении невыделенной снизу втулки (30, 28), то есть это произошло довольно рано) — приостренная спинка, то есть клин приобрел линзовидное сечение. Втулка довольно узкая (3,7—4,3), нет топоров с высокой втулкой. Клин широкий (1,5) только у одного топора (36), у большинства (29, 31, 32) узкий (1,8—1,9) и очень узкий у од-

¹ Имеется в виду Нижняя Кама.

ного (28) —2,2. Клины не расширяются к лезвию именно у топоров с линзовидным сечением (30, 29). Остальные топоры имеют каплевидное сечение, нет топоров с ромбовидным сечением клина. Если говорить о культуре в целом, то это время формирования степного, южноуральского, комплекса признаков в абашевской культуре.

С территории южноуральской абашевской культуры происходит 7 топоров (табл. 2-5).

Таблица 2-5

№	Местонахождение	Публикация. Место хранения
33.	с. Кутеремово, р. Б. Калтай, устье Белой, Калтасинский р-н, Башкирия.	Сальников 1967: 23, 4; Тихонов 1960: № 54.
34.	Уфимская г., Бирский у., из курганов на горах г. Бирска.	Булычев 1902: т. IV, 7; Сальников 1967: рис. 23, 3; Тихонов 1960: № 55. ГИМ № 40297.
35.	Мало-Кизильское селище, Агаповский р-н, Челябинская обл.	Сальников 1954: рис. 20; Тихонов 1960: № 59.
36.	гора Таган-Таш, Баймакский р-н, в 80 км к С от Сибая, Башкирия.	Сальников 1967: рис. 23, 2. ГИМ, № 98644.
100.	Бирский у., Уфимская губ.	ГИМ № 40297 Тихонов 1960: № 56.
101.	Стерлибашевский р-н, Башкирия.	Обыденнов 1989: рис. 1, 11.
102.	Урал	Корневский 1973: рис. 4, 11.

Все топоры имеют поздние признаки. Втулка выделена снизу, нет косо срезанного низа втулки. Втулка довольно широкая (3,3— 3,5), кроме одного топора (35) с узкой втулкой, и высокая. У одного топора клин не расширяется к лезвию (36). Клин узкий — 2,0—2,1. Все топоры с ребрами жесткости, то есть с ромбовидным сечением клина. Вероятно, это поздние абашевские топоры, формирующиеся в рамках абашевского культурного комплекса турбинского времени.

В Среднем Прикамье, на обоих берегах, найдено 20 топоров абашевского типа (табл. 2-6).

Таблица 2-6

№	Местонахождение	Публикация. Место хранения
37.	Рождественский починок, Елабужский р-н, Татария.	Тихонов 1960: табл. XVI, 7, № 26. ГМТР, №5375, ОА 348.
38.	г. Елабуга, Елабужский у., Татария.	Тихонов 1960: № 21. ГИМ, № 20746/20.
39.	Вятская губ.	Тихонов 1960: № 17. ГТМР № 5375, ОА, 34-56.
40.	Вятская губ.	Тихонов 1960: № 18. ГТМР № 5375, ОА-34.
41.	Пермская обл.	Черных 1970: рис. 50, 8.
42.	Гремячий ключ, Каракулинский р-н, Удмуртия.	Бадер 1957: рис. 5; Тихонов 1960: № 16. Сарапульский музей.
43.	Удмуртия.	Тихонов 1960: № 70. Сарапульский музей
44.	с. Сивинское, Сивинский р-н, Пермской обл.	Тихонов 1960: табл. III, 5.
45.	Турбинский могильник, г. Пермь. 3 экз.	Бадер 1964.
46.	Баглино, Юсьвинский р-н, Коми-Пермяцкий округ.	Тихонов 1960: № 2.
47.	г. Чердынь, Пермская обл.	Бадер 1957: 177; Тихонов 1960: № 7.
48.	д. Китрюм, Усинский р-н, Пермской обл.	Тихонов 1960: табл. III, 7, № 5.
49.	д. Коровино, Усинский р-н, Пермской обл.	Тихонов 1960: табл. III, 6, № 4.
50.	Горбуновский торфяник, Свердловская обл.	Эдинг 1949: табл. 1, 3; Тихонов 1960: № 1.

№	Местонахождение	Публикация. Место хранения
94.	д. Куеда, Свердловской обл.	Бадер 1957: 179.
95.	Б. Ошья, Осинский у., Пермской губ.	Тихонов 1960: № 6; Черных 1970: 50, 5. ГЭ № 1079/1.
96.	Елабуга, Вятская губ.	Тихонов 1960: № 20; Черных 1970: 50, 18.
97.	Прикамье.	Черных 1970: 50, 2. ГИМ.
98.	Елабужский у.	ГИМ № 46/3, 20750.
99.	Кафедра археологии Уральского ГУ.	Тихонов 1960: № 69; Черных 1970: 50, 13.

Часть топоров, в основном из Камско-Вятского бассейна, сохраняет дуговидную форму клина (40, 37, 42, 44, 48), косо срезанный низ втулки (39, 37, 42, 48, 44, 43), невыделенную снизу втулку (44, 43, 42). Клин у части топоров (45, 44, 48, 49, 42) узкий (1,8—2,0), но чаще (43, 45, 47, 46) очень узкий (2,1—2,6) и всегда расширяется к лезвию. Топоры с таким узким клином есть только в этом районе. Поздние из них происходят из северных районов (могильник Турбино) и имеют такие черты, как очень узкая втулка (43, 45) или широкая (46). Сечение клина ромбовидное (39, 48, 49, 45) и линзовидное (45, 37, 43, 42, 46, 47), каплевидное у одного топора (40). В этом районе в целом топоры позднего облика, на основе которых формируются синташтинские топоры. Вероятно, эти топоры формировались в процессе сложения лесного, камского, комплекса абашевских признаков, когда абашевская культура находилась в зоне обитания турбинцев на Средней Каме, где под турбинским воздействием произошли технологические и типологические изменения в инвентаре абашевской культуры.

В **Нижнем Поволжье** известно три топора абашевского типа (табл. 2-7). Один топор происходит из д. Некрасовки у ст. Змеевки (Яковлевка) Орловской обл. (Тихонов 1978: рис. 2, 4). На этой территории нет поселений и могильников абашевской культуры, но она входила в зону абашевского культурного влияния, так как не случайно, что эта территория в постабашевское время попала в зону распространения памятников покровского культурного типа.

Таблица 2-7

№	Местонахождение	Публикация. Место хранения
105.	Хвалынский у., Саратовской губ., овражек "Вязовый Дол".	СОМК №561.
106.	Саратовский университет	Черных 1970: 50, 12.
107.	Подстепская, Марковский р-н, Саратовской обл.	Тихонов 1960: № 53. СОМК № 562.

Еще шесть узковислобушных топоров есть в коллекции Заусайлова (Coll. Zaus. № 2245, 2246, 2249, 2267, 3286, 4362). Они происходят из случайных находок в Волго-Камье, более точное их местонахождение неизвестно (Тихонов 1960: № 60—65).

Исследование топоров позволяет судить и о дальнейшей судьбе абашевской культуры. Так, в Сейминском и Решинском могильниках абашевские топоры отсутствуют. Синташтинские топоры (например, Синташта, Царев курган, Березовка) наследуют ряд черт, характерных для абашевских топоров Приуралья. Таковы узкая высокая втулка, узкий клин, ребра жесткости на широких сторонах клина (самыми поздними в ряду абашевских топоров выглядят топоры из Турбино); покровские топоры (например, Рождествено, Барановка) наследуют признаки, характерные для абашевских средневожских топоров — линзовидное (Корневский 1973; 1975; 1983: 102) или ромбовидное сечение клина, широкую, квадратную в плане, втулку.

ПЛОСКИЕ КЛИНОВИДНЫЕ ТОПОРЫ-ТЕСЛА

Топоры-тесла из Турбинского могильника (рис. 5, 2; 8, 4; 9, 2; 10, 5) имеют в плане подпрямоугольную форму. Лезвие слабо расковано и его длина близка длине пятки, так как и пятка слабо расширена. Боковые стороны на большой длине па-

раллельны. Пятка не приострена, а у одного экземпляра — притуплена. Металл равномерно распределен по всей длине орудия. Скол лезвия не выражен.

Эта форма плоского топора оригинальна. Такие изделия есть только в памятниках абашевской культуры: в могильниках — Русско-Тангировский (Горбунов 1986: табл. XV, 9, 12), Тугаевский (Горбунов 1986: табл. XV, 10), Никифоровское лесничество, погребение 7 (Васильев и др. 1979: рис. 4, 7), в кладах — Верхне-Кизильском (рис. 21, 3), Коршуновском (рис. 26, 1), у Долгой горы (рис. 24, 4), на Мало-Кизильском поселении (Сальников 1950: рис. 24).

Клиновидные топоры-тесла известны в степных культурах на протяжении всего бронзового века, но в эпоху средней и поздней бронзы они имеют трапециевидную форму и приостренную пятку, что принципиально отличает их от абашевских. В балановской и фатьяновской культурах есть только каменные топоры-тесла.

Культурное своеобразие абашевских топоров подтверждает плоский топор из Русско-Тангировского могильника. Он имеет валютовидное навершие, подчеркнутое двумя желобками, которое повторяет характерное абашевское украшение — очковидную подвеску. В этом же погребении найдено и тесло с обычной пяткой. Второе интересное изделие — топор из клада у Долгой горы (рис. 24, 4), который имеет необычное втульчатое крепление, а именно кованную несомкнутую цилиндрическую втулку. Это изделие как бы имитирует кельт, но не с литой, а с кованой втулкой.

Турбинские кельты и абашевские плоские топоры-тесла имеют близкие размеры, хотя часть кельтов короче, а часть — имеет более широкое лезвие; у части кельтов диаметр втулки больше ширины пятки абашевских топоров-тесел. Но в целом турбинские кельты и абашевские топоры-тесла имеют одинаковые пропорции: отношение ширины лезвия к ширине пятки (втулки) равно 1,1—1,9.

Абашевские плоские топоры имели толстую пятку-обух (иногда украшенную) и в таком случае поперечно укрепленную рукоять. У кельта реконструируется колечатая (поперечная) рукоять под углом к орудию. Абашевские мастера использовали такой вариант крепления рукояти, на что указывает кельт с кованой втулкой, сделанный на основе плоского топора из клада у Долгой горы.

Важно отметить, что плоские топоры по форме повторяют клин втульчатого топора, у которого так же слабо расширено лезвие, а прямая спинка параллельна брюшку, как у тесла параллельны боковые грани. Повторяется и размер. Это крупные, массивные орудия. Отличие заключается в том, что втульчатый топор имеет приостренные спинку и брюшко, а у плоского топора боковые грани не приострены, то есть в сечении он прямоугольный, но принципиально важны его черты сходства, что доказывает принадлежность этих изделий к одной культурной традиции.

Тесла с параллельными боковыми сторонами и равными по ширине лезвием и пяткой являются нововведением абашевских мастеров. Плоские топоры есть только в Приуральских абашевских памятниках, что и решает вопрос о месте их возникновения. Втульчатые топоры известны на более широкой территории и вероятно появляются в абашевской культуре раньше плоских топоров. Можно предположить взаимное влияние этих типов топоров и синхронизировать появление плоских топоров со временем появлением втульчатых топоров с прямым клином, имеющим параллельные грани на значительном протяжении, а втульчатые топоры с дуговидным клином считать более ранними. Это еще раз подтвердит более поздний возраст втульчатых топоров с ромбовидным и линзовидным сечением относительно части топоров с каплевидным сечением клина.

Плоские топоры-тесла широко представлены в синташтинских памятниках (Генинг и др. 1992: рис. 61, 8; 127, 3; 140, 7; 146, 3—4; 148, 14—16; 152, 7—8; 175, 7—8; 184, 6; Костюков и др. 1995: рис. 20, 5, 13; 21, 2; 25, 6; Боталов и др. 1996: рис. 2, 8; 17, 3—4; 18, 3). Синташтинские тесла наиболее четко наследуют абашев-

ские традиции. Это параллельность боковых граней (но не по всей длине изделия), притупленность пятки. Но в целом тесла из синташтинских памятников ближе изделиям степных культур своего времени — они имеют подтрапецевидную форму, вытянутые пропорции и более определенно выраженную асимметрию — скос лезвия. Часть этих изделий имеет маленькие размеры и небольшую толщину. Следовательно, синташтинские орудия выполняли функцию тесел, а абашевские — топоров. Но в целом, синташтинские и абашевские тесла имеют слабые морфологические различия. По наблюдениям В. С. Бочкарева в детских синташтинских погребениях появляются миниатюрные тесла. Они трапецевидные, как тесла эпохи средней бронзы. Интересно отметить, что в покровской культуре тесла встречаются редко, что традиционно, так как в предшествующей и генетически связанной с ней абашевской культуре в правобережье Среднего Поволжья тесла не известны.

НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ

Наконечник из Турбинского могильника (рис. 9, 1) имеет небольшое перо треугольной формы со слабым, но выраженным ребром, слабо прокованными крыльями и втулку, вероятно раскованную из длинного стержня и закрытую сверху. Втулка имеет два круглых отверстия у нижнего края и украшена пуансонным орнаментом и накладными, вырезанными из этого же металла треугольниками по нижнему краю и вдоль разреза втулки. По замечанию В. С. Бочкарева, накладной орнамент по краю втулки имитирует манжету. Манжета очень мала, что ограничивает ее функции, укрепляющие втулку, но важна как прием. Она сделана путем перегиба края втулки на лицевую сторону.

Наконечники, аналогичные описанному, известны в кладах — Верхне-Кизильском (рис. 21, 2), Коршуновском (рис. 26, 3) и Москательникова. Копье из Коршуновского клада имеет не только пуансонный орнамент, как у Верхне-Кизильского копья, но и ряд треугольников в основании втулки. Втулка с отломанным пером есть на пос. Береговка II (Горбунов 1986: табл. XV, 28).

Возникает вопрос, что же лежит в основе типологического ряда верхне-кизильских наконечников, к которым принадлежит наконечник из Турбино. Безусловно, это не турбинские вильчатые наконечники, так как они построены совершенно на других принципах и имеют иные пропорции. Турбинские вильчатые наконечники имеют значительно более короткую втулку. Перо у них листовидной формы и составляет две трети длины всего наконечника. Ребра жесткости (вилка) предохраняют наконечник от слома. Все турбинские копья имеют рельефный орнамент.

У копий верхне-кизильского типа есть одна черта, очень важная для изучения их генезиса, а именно — довольно значительная часть стержня у основания пера не раскована во втулку и образует массивное основание пера (у копья из Верхне-Кизильского клада — граненое), предохраняющее его от слома во время колющего удара. Такой прием укрепления пера применяли катакомбные мастера при изготовлении колющего оружия — типа ножей с копьевидным и пламевидным лезвием (в целом ножи привольненского типа). У этих изделий между пером и стержневидным насадом есть широкая плоская массивная часть с не заточенными боковыми гранями, не имеющая режущих функций, что было отмечено С. Н. Братченко (1976: 49). Кстати, перо у этих ножей имеет треугольную форму, как и у рассматриваемых верхне-кизильских наконечников копий и также составляет одну треть часть всей длины изделия. Интересное изделие, подтверждающее эти наблюдения, найдено в Сторожевском могильнике в Саратовской области (Ляхов 1996: рис. 2). Это наконечник копья в виде катакомбного ножа, у него перо отделено массивной пластиной упора от насада, который в данном случае не стержневидный, а в виде длинной кованой втулки, открытой сверху.

Независимо от размеров, все наконечники из абашевских памятников имеют одинаковые пропорции — длина пера составляет одну треть часть от длины всего наконечника, то есть они являются короткоперыми.

Кроме наконечников верхне-кизильского типа, в абашевских памятниках есть и другие наконечники копий. Так из клада у Долгой горы (рис. 24, 2—3) и с поселения Тюбьяк (рис. 20, 8) происходят наконечники из кованой пластины со свернутой втулкой. Принципиальное их отличие от наконечников верхне-кизильского типа заключается в том, что втулка у них открыта и сверху, нет стержня между пером и втулкой, перо имеет подромбическую, а не подтреугольную форму. Принципиальное сходство заключается в том, что они короткоперые. Они сделаны также путем сочетания литья иковки, так как имеют четко очерченную форму пера. Подобные им наконечники происходят из случайных находок: д. Ташкермень, Лаишевского р-на ТАССР, правый берег р. Меши, правый приток Камы; пос. Заюрчим в Прикамье, Областной краеведческий музей г. Екатеринбург. В Среднем Поволжье есть группа близких наконечников: Монастырское, Тетюшского р-на, верховья р. Улемы; Ош-Пандо (с. Сайнино), Дубинского р-на Мордовской АССР, р. Парамза, левый приток р. Суры; гор. Грохань, Мамадышского района и с. Мими Апастовского р-на, правый берег р. Сухая Улема (рис. 19; 20). Можно предположить, что средневожские наконечники самые ранние среди абашевских, прототипом которым служили балановские наконечники. Наконечники копий с кованой втулкой известны в балановской культуре, но отличаются от описанных. Так, наконечник из Балановского могильника (Бадер 1963: рис. 115) имеет открытую сверху втулку, но не может быть отнесен к короткоперым, так как длина пера у него равна длине втулки и сделан он целиком из кованой пластины. Для определения культурной принадлежности наконечников из случайных находок можно привлечь лишь косвенные данные. Так, большие размеры наконечника, укороченное перо, свернутая кованая втулка, показывают, скорее всего, промежуточное положение наконечников с кованой разомкнутой сверху втулкой из Среднего Поволжья между балановскими и абашевскими верхне-кизильского типа.

Вероятно, наконечники копий и дротиков из кованой пластины с открытой сверху втулкой и из стержня с закрытой сверху втулкой представляют два типа и два пути развития. Те и другие есть в памятниках абашевской культуры. Возможно, что наконечники, кованные из пластины, возникли раньше. С полной уверенностью сказать этого нельзя, но об этом свидетельствует преимущественное их распространение в зоне расположения ранних абашевских памятников, в Поволжье, и наличие прототипов в более ранних культурах (Балановский могильник). Но они не выходят из употребления с появлением верхне-кизильских наконечников. Наконечники с открытой сверху втулкой, но уже сейминских пропорций и больших размеров, известны в синташтинском кургане Ново-Петровка (Сунгатов и др. 1995: 2, 9) и покровских памятниках пос. Шиловское-2, хут. Трактирный, с. Девица, из ст. Казанской на Дону (Пряхин 1976: рис. 24, 1, 3, 4).

Для наконечников копий с открытой сверху втулкой можно наметить типологическую цепочку: балановские — абашевские — синташтинские и покровские.

Интересен наконечник копья из Екатеринбургского музея. Это случайная находка с оз. Шарташ (Косарев 1981: рис. 28, 3) также с открытой сверху кованой втулкой, но с литым пером с прорезью (рис. 20, 9). Литейная форма для наконечника копья с желобком на пере известна на Северном Кавказе (Верхняя Рутха). Такие наконечники найдены в Красноярском кладе, в Бахмутино и отнесены К. В. Сальниковым к абашевской культуре (1967: рис. 8, 1—2). Но эти наконечники имеют размеры и пропорции, характерные для сейминских наконечников. Характерные для Абашево размеры и пропорции имеет только наконечник с оз. Шанташ. Отличительной особенностью этого наконечника по сравнению с другими абашевскими является и то, что его перо имеет листовидную форму, и крылья пера расположены вдоль верхней части втулки, как у фатьяновских или турбинских наконечников.

У верхне-кизильских наконечников появляется черта, характерная для всех поздних изделий абашевской культуры – ограниченность или ребра жесткости. Наконечники копий верхне-кизильского типа — изобретение абашевских мастеров, так как при ряде заимствованных черт, это изделие оригинально. Наконечники верхне-кизильского типа появляются только в поздних абашевских памятниках турбинского времени (во всех памятниках, где есть копия этого типа, есть и турбинские вещи) и выходят из употребления с исчезновением абашевской культуры.

Из могильника Синташта II, погребение 7 (Генинг и др. 1992: рис. 184, 9) происходит наконечник с кованой втулкой, близкий наконечнику из Турбинского могильника. Он также имеет слабо раскованное перо, закрытую сверху втулку и нераскованный стержень в основании пера. Отличия заключаются в том, что перо имеет листовидную, а не треугольную форму и длина пера составляет половину длины всего наконечника. Такие пропорции и такую форму пера имеют сейминские наконечники, а не абашевские.

Наконечники с кованой втулкой из синташтинских и покровских памятников в своей основе строятся по типу сейминских — те же пропорции (перо по длине равно втулке), та же форма пера, ребро вдоль стержня пера. Но у некоторых из них прослеживаются и традиции наконечников верхнекизильского типа, а именно, слабо раскованное перо, нераскованный стержень в основании пера: Синташта II, погр. 7, Б. Караган курган 24, мог. 1 (Боталов и др. 1996: рис. 17, 2), Мазурки, Покровск кург. 15, погр. 2 (Качалова и др. 1993: табл. 15, 30).

НОЖИ

Ножи из Турбино очень важны для понимания процесса формирования абашевского типа ножей.

Один из ножей (рис. 10, 4) не прокован после отливки и он дает представление о том, что создавалось в литейной форме. Этот нож имеет длинный узкий черешок, покатые плечики, длинный перехват с вогнутыми сторонами, узкое лезвие подтреугольной формы с длинными режущими сторонами. Аналогичный ему нож найден на пос. Тюбьяк.

Другой нож (рис. 10, 3) после отливки прокован, что придало ему характерную для абашевских изделий форму: пятка черешка раскована и имеет подромбическую форму, лезвие проковано. Перекрестье оттянуто проковкой. Под перекрестьем лезвие не проковано, вогнуто, так намечен перехват. Клинок широкий. Широкий черешок не прокован, о чем свидетельствуют закраины, входившие в литейный шов. Аналогичные ножи есть в могильниках Н. Чуракаевском огр. Б, погр. 1 (Сальников, 1967: рис. 2, 12), Ст. Куручевском кург. 3, погр. 1 (Горбунов 1986: табл. XIV, 9), Чукраклинском кург. 15, погр. 1 (Васюткин и др. 1985: рис. 4, 14), на пос. Тюбьяк (Горбунов 1992: рис. 16, 1, 3). Близкие им ножи, но с заметными катакомбными чертами — с более длинным перехватом и широким клинком (шире перекрестья) происходят из Верхне-Кизильского клада, I Береговского (Горбунов 1989: рис. 6, 10) и Тюбьякского поселений.

Третий нож (рис. 9, 3) имеет ярко выраженные абашевские признаки — ромбическую пятку узкого черешка (полученную проковкой), раскованное перекрестье. Ширина перекрестья и клинка одинаковы. Перекрестье отделено от лезвия коротким и неглубоким перехватом. Перехват — это нераскованная часть лезвия у основания перекрестья. Эта деталь не была предусмотрена литейной формой. Клинок длинный, что создает длинные режущие поверхности. Клинок имеет слабо выраженное ребро. Вероятно, оно получилось от проковки клинка, а не предусматривалось литейной формой. Аналогичные ножи есть в могильниках Ст. Ябалыклы, курган 59, погребение 2 (Горбунов и др. 1991: рис. X, 8), Набережный (Горбунов и др. 1989: рис. 3, 3).

Четвертый нож (рис.) имеет длинное узкое лезвие с выраженным с обеих сторон ребром. Лезвие, чуть сужаясь, плавно переходит в широкий черешок, пятка которого раскована и имеет подтреугольную форму. Аналогичные ножи есть в Верхне-Кизильском кладе (рис. 5, 3), в Тугаевском (Горбунов 1986: табл. XIV, 17) и Н. Чуракаевском, огр. А, погр. 4 могильниках (Сальников 1967: рис. 2, 9).

Пятый нож (рис. 7, 1) имеет узкое длинное лезвие, плавно переходящее в длинную широкую металлическую рукоять. Аналогичные ножи происходят из абашевских могильников: Никифоровское лесничество, погр. 2 и подъемный материал (Васильев и др. 1994: рис. 4; 8, 1, 3); Ст. Ябалыклинский, кург. 10, погр. 1 (Горбунов и др. 1991: рис. X, 7), Метев-Тамак (Горбунов 1986: табл. XIV, 7, 13), III Красногорский, кург. 8, погр. 2 (Горбунов 1986: табл. XIV, 8). На поселении Тюбук у такого ножа рукоять раскована в слабо свернутую втулку. Нож со втулчатой рукоятью, но с перекрестьем, есть в могильнике у Никифоровского лесничества погр.7 (Васильев и др. 1994: рис. 4, 2).

Таким образом, у абашевских ножей из Турбинского могильника можно отметить ряд важных признаков. Так, два ножа сделаны по принципу турбинских ножей, у которых плоский без ребра клинок с длинными режущими сторонами плавно переходит в широкий прямоугольный черешок. Но у турбинских ножей черенок короткий, а у абашевских длинный.

Узкий черешок, покатые плечики, длинный перехват между перекрестьем и клинком — эти детали сближают абашевские ножи из Турбино с поздними катакомбными ножами. Следовательно, абашевский нож соединяет как катакомбные черты (узкий черешок, плечики-перекрестье, перехват), так и турбинские (клинок листовидной формы с длинными режущими сторонами). Абашевскими мастерами были добавлены раскованный насад в виде змеевидной головки и ребро жесткости на клинке. Вероятно, в результате переработки катакомбных и турбинских традиций был создан тип абашевского ножа, у которого узкий черешок завершается пяткой в виде змеевидной головки (треугольной или ромбической формы). Упором для рукояти служат раскованные плечики (перекрестье). Лезвие имеет выпуклые боковые стороны, максимальная ширина — в середине или верхней части лезвия, поэтому перед плечиками остается нераскованная, как бы вогнутая часть клинка — перехват. Клинок укреплен ребром жесткости, как, например, клин абашевского топора. В целом, абашевский нож широкий, плоский и слабо профилированный, так как отдельные его части часто слабо очерчены.

Синташтинские ножи продолжают линию развития абашевских ножей. Синташтинцы, сохранив тип, не внесли в него кардинальных изменений. Изменились размеры функциональных частей, но не изменилась форма изделия в целом. Все функциональные части ножа — клинок, перехват, перекрестье, черешок, ромбическая пятка — четко очерчены и отделены одна от другой. Синташтинский нож-кинжал узкий и как бы граненый, что создается ребром жесткости на клинке и узким, прямоугольным в сечении черешком: могильники Синташта (Генинг и др. 1992: рис. 46, 6—7; 57, 1—2; 61, 7; 70, 2; 148, 12), Б. Караган (Боталов и др. 1996: рис. 3, 4; 17, 7—8), К. Амбар (Костюков и др. 1995: рис. 20, 23), Потаповка (Васильев и др. 1994: рис. 30, 2). Ножи без перекрестья образуют в синташтинской культуре самостоятельный тип (те же памятники). В покровских памятниках ножи отличаются от абашевских удлинненным перехватом.

СЕРПОВИДНЫЕ НОЖИ

Название это довольно условно. В Турбинском могильнике найдено два изделия, которые могут быть отнесены к этому типу (рис. 10, 1—2). Это длинная узкая изогнутая пластина, раскованная с двух сторон как нож. Один ее конец вдоль боковых сторон загнут, сплюснен в узкий насад и вставлялся в рукоять, другой конец у одного орудия заострен, а у другого обломан.

В турбинских памятниках (например, II Турбинский могильник) известны кривые (изогнутые) однолезвийные ножи с металлической рукоятью и фигурным навершием (Бадер 1964: рис. 113). Возможно, узкие изогнутые пластины, но с рукоятью органического происхождения, явились подражанием турбинским ножам. В этом убеждают аналогичные, но более близкие турбинским по форме, находки из других абашевских памятников: из Верхне-Кизильского клада и клада у Долгой горы, из могильников: Ст. Ябалыклы, кург. 56, погр. 2 (Горбунов 1991: рис. X, 1) и Метев-Тамак (Горбунов 1986: табл. XIV, 5), с поселений: Баланбаш (Сальников 1954: рис. 13, 4), I—II Береговское (Горбунов 1989: рис. 6, 1—4; Горбунов 1986: табл. XIV, 4), III—IV Юмаковское, Тюбьяк (Горбунов 1992: рис. 16, 1, 4).

Эти изделия отличаются широкой плоской пяткой, торец которой приострен для насада на рукоять. Обычным является слабая изогнутость изделия с заточенной вогнутой стороной. При этом заточены и пятка, часто с обеих сторон, и приостренный противоположный конец с выгнутой стороны на значительную длину. Видимо, конец имел колющие функции, а вогнутая заточенная сторона — режущие. Часть орудий имеет заточенной только вогнутую сторону. Некоторые орудия (одно из Верхне-Кизильского клада, Метев-Тамак) имеют уступчик с вогнутой стороны, отделяющий лезвие от рукояти, как у турбинских литых ножей. У одного орудия (Ст. Ябалыклы), насад отогнут, и все орудие имеет слабо выраженную S-видную форму. Орудия с поселений имеют довольно слабую профилировку, а из могильников и Верхне-Кизильского клада — хорошо выраженную, что особенно сближает их с литыми турбинскими однолезвийными ножами-кинжалами.

Изогнутые ножи из абашевских памятников, вероятно, имели режущие и колющие функции и были нововведением абашевских металлургов. Стержневидный насад, более свойственный степным культурам, есть только у изделий из Турбино, у основной массы изогнутых однолезвийных ножей насад плоский, широкий, как у турбинских и абашевских ножей. Как правило, серповидный нож делается из широкой, изогнутой, заточенной с одной стороны, довольно массивной пластины, имеющей только режущую функцию. В целом, это универсальные пластины, среди них есть прямые однолезвийные ножи, и есть жатвенные ножи.

В культурах, наследовавших абашевские традиции, однолезвийные ножи представлены. Особенно широко они представлены в синташтинских памятниках, где известны двух видов. Это широкие изогнутые, массивные, заточенные только с одной стороны орудия с широкой приостренной пяткой, утратившие колющие функции и сохранившие за собой функцию серпов, что и наследуется алакульскими серпами. Это ножи с длинной прямой металлической рукоятью и односторонним, выпуклым лезвием (иногда заточены и с другой стороны, причем на длину лезвия и рукояти).

В покровских памятниках представлены ножи с длинной металлической рукоятью и изогнутые, однолезвийные ножи встречаются реже (например, Кочетное Саратовской обл. — Юдин 1992: рис. 2, 7).

КРЮЧКИ

Крюк из Турбино сделан из дуговидно изогнутого круглого в сечении прута, один конец которого расплюснен, а другой имеет жало (рис. 9, 4).

Подобные изделия (но из уплощенного прута) найдены в абашевских памятниках — в Верхне-Кизильском клада, на II Береговском поселении (Горбунов 1986: табл. XV, 7), в пещере Братьев Гречи (Васильев 1975а: рис. 2, 2—3).

Более широко в абашевских памятниках известны крючки другого вида. Они значительно меньше по размерам, без жальца и с петлей для крепления, завернутой назад. Эти крючки сделаны из прута, круглого или прямоугольного в сечении. Они есть в средневолжских памятниках — в Абашевском могильнике, кург. 5, погр. 4 (Смолин 1928: рис. 24, 1—2), и в приуральских могильниках Ст. Ябалыклы, кург. 1,

погр. 1 (Горбунов и др. 1991: рис. X, 3), Н. Чуракаево, огр. Б, погр. 1 (Сальников 1967: рис. 2, 10) и на поселениях — Баланбаш, Мало-Кизильское (Сальников 1967: рис. 4, 13—14), Красный Городок (Кузьмина и др. 1995: рис. 12, 12), I Береговское и Тюбяк. На двух последних крючки в два раза крупнее, чем обычно. Кроме того, крючок с пос. Тюбяк имеет петлю, загнутую набок, а не назад.

Разновидностью крюков без жальца является второй крюк из мог. Ст. Ябалык-лы, самый крупный из известных в абашевских памятниках. Крепился он с помощью широкого уплощенного насада, в котором сделано отверстие. В него вставлен бронзовый шпенек.

Втульчатый крюк большого размера, аналогичный катакомбным, происходит с пос. Тюбяк (Горбунов 1992: рис. 16, 1, 2).

Возможно, первоначально, в абашевской культуре крючки, как тип, были заимствованы и повторяли катакомбные крючки с кованой втулкой, но широкого распространения в таком виде не получили. В абашевской культуре был распространен маленький крючок, который, возможно, играл роль амулета и подвешивался за петлю. Это произошло в то время, когда абашевская культура продвинулась в Приуралье, так как маленькие крючки с петлей и без бородки происходят из приуральских и средневожских памятников этого периода. На позднем этапе абашевской культуры крюк стали делать не из проволоки, а из массивного прута со стержневым креплением, размеры его значительно увеличились. Кроме того, появилась новая деталь, неизвестная в катакомбном мире и явившаяся, видимо, нововведением абашевских металлургов — жальце на конце острия. Функция этого изделия изменилась. Такие крючки происходят из Турбино и кладов, то есть они появляются в турбинское время.

Крючки есть в синташтинских памятниках: могильники Синташта (Генинг и др. 1992: рис. 79, 14; 122, 4; 126, 16, 17; 140, 6; 148, 2—3; 153, 19), К. Амбар (Костюков и др. 1995: рис. 21, 8), Солнце II (Епимахов 1996: рис. 12, 12—13), Потаповка (Васильев и др. 1994: рис. 28, 2; 30, 6), Утевка VI (Васильев 1975: рис. 5, 3), гор. Аркаим. Они с петлей для крепления, но с жальцем, большие и маленькие. Крючки с кованой втулкой есть на поселениях Устье и Ивановское, но, в отличие от абашевских, втулка у них закрыта сверху как у копий верхне-кизильского типа.

В синташтинских памятниках впервые появляются крючки нового типа, вероятно, явившиеся изобретением синташтинских мастеров. В основе этих крючков лежат абашевские традиции. Это крючки больших размеров из прямоугольного в сечении прута, согнутого под прямым углом, без жальца, с петлей, загнутой вовнутрь (Генинг и др. 1992: рис. 46, 8), иногда вбок или назад. Аналогичный крюк происходит из могильника Черняки (Стоколос 1972: рис. 6, 9).

СТРЕКАЛА

В Турбинском могильнике стрекала сделаны из подпрямоугольного в сечении стерженька, только один конец которого заострен (рис. 6, 8; 10, 6). Изделие из могилы 90 также сделано из стержня и имеет только один острый конец, но отличается крупными размерами и массивностью, вероятно, оно имело колющие функции (рис. 9, 5). Аналогичное ему происходит из Коршуновского (рис. 26, 6) могила.

Стрекала известны в ряде памятников абашевской культуры — в кладе у Долгой горы (рис. 24, 5), на пос. Тюбяк и I Береговском (Горбунов 1989: рис. 6, 8), в могильниках II Виловатовском, кург. 14, погр. 1, кург. 17, погр. 3 (Большов и др. 1995: рис. 15, 14—15), Абашевском, кург. 5, погр. 4 (Смолин 1928: рис. 24, 4), Сре-тенском, кург. 4, погр. 1 (Халиков 1961: табл. VII, 5), Кухмарском, кург. 6 и 31 (Крайнов 1965: рис. 12, 3; Крайнов и др. 1991: рис. 5, 12).

В абашевских памятниках известны и такие же, но обоюдоострые изделия, традиционно называемые шильями. Они происходят из Верхне-Кизильского могила (рис. 21, 1), пос. Тюбяк, из погребений на дюне Человечья голова (Васильев 1975:

4, 17), из могильников у Никифоровского лесничества, погр. 2, 4, 6 (Васильев и др. 1979: рис. 4, 4—6, 9, 13), Юкалекулевский, кург. 1, погр. 1, Тауш-Касы, кург. 5, погр. 1 (Евтюхова 1939: рис. 9, 16), II Виловатовский, кург. 17, погр. 8 (Большов и др. 1995: рис. 15, 13), Абашевский, кург. 6, погр. 2, кург. 9, погр. 15 (Кривцова-Гракова 1947: рис. 40), Пепкинский, погр. 1 (Халиков и др. 1966: табл. IV, 5). В Верхне-Кизильском и Коршуновском кладах эти изделия имеют крупные размеры.

Вероятно, более ранними являются обоюдоострые изделия, традиционно называемые шильями. В предшествующих культурах, следовавших северо-кавказским традициям в металлообработке, шилья были обоюдоострыми и с утолщением-упором для рукояти. В абашевских памятниках обоюдоострые шилья, но без упора, есть на протяжении всей истории развития культуры, включая ее ранние этапы. Стрекала, стерженьки заостренные только с одной стороны, появляются в классических абашевских памятниках в Среднем Поволжье, но больше известны в поздних абашевских памятниках и распространены были меньше, чем обоюдоострые. В ряде случаев те и другие происходят из одних и тех же памятников. Возможно, что крупные, массивные изделия являются более поздними, судя по нахождению их в поздних памятниках — кладах и Турбинском могильнике.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

В Турбинском могильнике известны кремневые наконечники стрел с треугольным пером линзовидным в сечении, шипами и черешковым треугольным насадом (рис. 10, 7—8). Аналогичные наконечники есть в средневожских абашевских памятниках: Пикшик, кург. 10 (Мерперт 1961: рис. 16, 3), II Виловатое, кург. 10, погр. 1 (Халиков 1961: табл. V, 7), Абашево, кург. V, погр. 3 (Смолин 1928: рис. 24, 8—9), Тауш-Касы, кург. 2, погр. 2 (Ефименко и др. 1961: рис. 8, 4), Пепкино, погр. 1 (Халиков и др. 1966: табл. V) и в южноуральских — Русско-Тангировский мог. (Горбунов 1986: табл. XVI, 7—9, 14), I Береговское поселение (Сальников 1967: рис. 5, 6). Наконечники имеют прекрасно выполненную комедиальную ретушь, а наконечник из II Виловатовского, три наконечника из Русско-Тангировского и один из Пепкинского могильников (Кузьмина 1992: табл. 45, 2, 5, 18, 21, 22) имеют трансмедальную ретушь, которая свидетельствует об очень высокой и особой технике обработки камня (наблюдение А. А. Ластовского). В культурах, предшествующих абашевской или синхронных ей, такая техника обработки кремня не известна. Возможно, именно абашевские мастера были ее создателями.

В синташтинских памятниках часть наконечников относится к типу черешковых, причем некоторые из них имеют трансмедальную ретушь (Генинг и др. 1992: рис. 51, 7; 58, 1—8; 101, 2—3; 185, 6—14; Костюков и др. 1995: рис. 21, 9—10; Васильев и др. 1994: рис. 28, 6—7), что указывает на преемственность традиций от абашевской культуры. Синташтинские черешковые наконечники отличаются от абашевских трапециевидным, черешком, большей толщиной и ребром вдоль стержня пера, поэтому в сечении синташтинские наконечники подромбические.

В абашевских памятниках есть и бронзовые черешковые наконечники стрел. Они происходят из Абашевского могильника, кург. V, погр. 4 (Смолин 1928: рис. 24, 7) и Юкалекулево, кург. 2, погр. 1 (Сальников 1967: рис. 3, 20). Как известно, в синташтинских памятниках также есть бронзовые черешковые наконечники стрел, но в оригинальном исполнении (Генинг и др. 1992: рис. 171, 3; 185, 1—5). Они орнаментированы, а в абашевской культуре орнаментированы только наконечники копий.

БРАСЛЕТЫ

Браслеты являются почти единственным типом абашевских украшений в Турбинском могильнике. Возможно, это объясняется тем, что в турбинском комплексе украшения представлены также только одним типом — нефритовыми кольцами.

Зафиксировано и одинаковое положение браслетов и нефритовых колец в погребениях. Как правило, те и другие лежат стопкой по шесть штук. Браслеты подражают и форме нефритовых колец, так как они круглые, с замкнутыми концами. Нефритовые кольца плоские, в сечении это шестигранник. Абашевские браслеты из Турбинского могильника сделаны: из круглого в сечении серебряного прута (рис. 6, 1—2, 5—7; 10, 10); из бронзового, овального в сечении прута (рис. 7, 10); из округло желобчатой бронзовой пластины (рис. 7, 12) и, возможно, этот браслет имел органическую основу. Есть литые, бронзовые, реберчато-желобчатые браслеты (рис. 7, 11; 10, 15—16), а также серебряные, тонкие, полые внутри (рис. 8, 6—11). Несколько браслетов интересны тем, что сделаны из узкого стержня (рис. 10, 11) или тонкой медной пластинки, обложены серебряной фольгой (рис. 6, 9—14) и согнутой на ребро, что дает изделие с плоскими сторонами как у нефритовых колец. Вероятно, это украшение носилось не как браслет, а как подвеска. Нефритовые кольца, вероятно, подвешивались, а может быть, служили пряжкой.

Ребро на внешней стороне абашевского браслета напоминает ребра жесткости на лезвии ножа и на клине топора и придает упругость изделию. Такие браслеты с реберчатым желобком есть в Верхне-Кизильском кладе (рис. 23, 1—11), на Мало-Кизильском селище (Сальников 1967: рис. 7, 18—19), в могильниках Ст. Ябалыклы, кург. 59, погр. 3 (Горбунов и др. 1991: рис. X, 13), Алгаши, кург. 4, погр. 3 (Ефименко и др. 1961: рис. 17, 8) и II Виловатовском, кург. 17, погр. 1 (Большов и др. 1995: рис. 14, 8).

Браслеты с округлым желобком есть в могильниках Ст. Ябалыклы, кург. 55 (Горбунов и др. 1991: рис. X, 15), Ст. Куручевском, кург. 3, погр. 1 (Горбунов 1986: табл. XV, 16—17), III Красногорском, кург. 5, кург. 9, погр. 3 (Пряхин и др. 1979: рис. 6, 8, 10), Абашевском, кург. 6, погр. 2 (Смолин 1928: рис. 20, 1—2), Алгашинском, кург. 4, погр. 1, 3 (Ефименко и др. 1961: рис. 17, 4, 7), II Виловатовском, кург. 17, погр. 1, кург. 14, погр. 1 (Большов и др. 1995: рис. 14, 4, 9), Кухмарском, кург. 38 (Крайнов и др. 1991: рис. 5, 15), на Мало-Кизильском селище (Сальников 1967: рис. 7, 17).

Браслеты круглые в сечении есть в Катергино, кург. 2, погр. 5, Алгаши, кург. 3, погр. 2, кург. 4, погр. 2 (Ефименко и др. 1961: рис. 16, 4; 17, 1—2, 5—6), Никифоровском, погр. 2 (Васильев и др. 1979: рис. 4, 16—17), Метев-Тамак, погр. 4 (Збруева 1958: рис. 5, 11), Кухмарском, кург. 31 (Крайнов и др. 1991: рис. 5, 14), Ст. Ябалыклы, кург. 56, погр. 2, кург. 55, погр. 2, кург. 59, погр. 4 (Горбунов и др. 1991: рис. X, 4—6, 10, 11, 16), Береговском, кург. 3 (Пряхин и др. 1979: рис. 6, 1), Юкалекулево, кург. 1, погр. 1, на Мало-Кизильском селище (Сальников 1967: рис. 3, 25, 28; 7, 16), Тапшер, кург. 1, погр. 1, Туруново, кург. 2, погр. 2 (Халиков 1961: табл. VII, 14, 12), II Виловатовском, кург. 17, погр. 4, (Большов и др. 1995: рис. 14, 10), Абашево, кург. 5, погр. 2 (Смолин 1928: рис. 20, 3—4), Пикшик, кург. 12, погр. 3 (Мерперт 1961: рис. 16, 1).

Разное сечение браслетов отражает разную технологию их изготовления. Первоначально в абашевской культуре браслеты делались из прута, круглого в сечении, или прута, уплощенного с внутренней стороны, а, следовательно, полукруглого в сечении. Таким образом, браслеты были монолитными, в отличие, например, от катакомбных, наборных из отдельных украшений. Браслеты из прута существуют на протяжении всей абашевской культуры. В поздних абашевских памятниках увеличивается массивность браслетов из прута. Браслеты круглые в сечении известны в покровских памятниках. Здесь они всегда бронзовые и массивные. Таких браслетов нет в классической срубной культуре. Серебро использовалось для изготовления браслетов и подвесок в полтора оборота именно в абашевской культуре. В синташинской и покровской культурах эти украшения сделаны из золота или бронзы.

В классическую абашевскую эпоху появляются браслеты из прута с ребром на внешней стороне, то есть браслеты, треугольные или (реже) ромбические в сече-

нии. Фактически это разновидность браслетов из прутков, возникшая, вероятно, в абашевской культуре в левобережье Среднего Поволжья.

В это же время появляются, но распространяются широко в позднеабашевское время, литые браслеты с ребром на внешней поверхности и желобком на внутренней поверхности. Технология изготовления этого изделия более сложная, чем браслета из прута, которому проковкой придавали треугольное сечение. Более поздние культуры не наследуют технологию изготовления реберчато-желобчатого браслета. Округло-желобчатые браслеты появляются в эпоху расцвета абашевской культуры и наследуются синташтинцами (браслеты с широким желобком) и покровцами (браслеты с узким желобком).

Интересна география распространения браслетов с разным сечением на территории абашевской культуры. В целом, браслеты всех видов есть во всех районах распространения абашевской культуры. Но в Поволжских памятниках преобладают браслеты из прута, причем в правобережье из округлого, а в левобережье из реберчатого. В Южноуральских памятниках большинство браслетов желобчатые, с гладким или реберчатым желобком. Отсюда и наследование синташтинцами желобчатых браслетов от южноуральских абашевцев, а покровцами — прутковых — от абашевцев правобережья Среднего Поволжья.

ШИТЬЕ ИЗ ПРОНИЗЕЙ

В погребении из Турбинского могильника пронизи сделаны из витой проволоки (60 экземпляров) и нашиты в несколько рядов на кожаную основу (рис. 7, 8). Аналогичное шитье характерно для классических абашевских памятников Среднего Поволжья: Алгаши, II Виловатово, Вильялы, Тапшер, Земское, Абашево (сводка дана в работе О. В. Кузьминой 1992: табл. 41). Пронизи в абашевской культуре делались и из раскованной пластины и имели гладкую или рифленую на концах поверхность, отличаясь от витых из проволоки пронизей большими размерами. Спиральные пронизи в абашевской культуре предшествовали пластинчатым, но не выходили из употребления на всем протяжении культуры. В абашевской культуре (в тех же памятниках) пронизи известны и как составная часть подвесных украшений. Через парные подвески пропускаться кожаный шнурок, крепивший очковидную подвеску или бляшку-розетку и такое их употребление первично. Шитье пронизями появилось в абашевской культуре позже. На протяжении всей культуры сохранялось двоякое использование пронизей — для подвесных, более крупных украшений и для шитья мелкими бронзовыми украшениями. В Приуралье такие украшения тоже известны. Это могильники у Никифоровского лесничества, погр. 3 (Васильев и др. 1979: рис. 3, 14—17), Юкалекулевский, кург. 1, погр. 1 (Сальников 1967: рис. 3, 19), Ст. Ябалыклы, кург. 73, кург. 55, погр. 1; кург. 59, п. 2; кург. 56, п. 2; кург. 6, п. 3; кург. 1, п. 2; кург. 4; кург. 80, п. 1; кург. 59, п. 2 (Горбунов и др. 1991: рис. X, 1, 2, 4, 5, 8, 9, 12, 13), Метев-Тамак погр. 3 (Збруева 1958: рис. 5, 7, 10), Верхне-Кизильский клад (рис. 23, 17—19).

В синташтинских памятниках пронизи свертывались из широкой, гладкой или рифленой пластины и нанизывались на шнурок, создавая подвесное украшение — наконечники, нагрудники (Генинг и др. 1992: рис. 99).

В срубной культуре пронизи сделаны так же или имеют биноклевидную форму (Васильев 1977: рис. 18, 2), но они всегда изготовлены из рифленой пластины и входят в состав подвесного, а не нашивного украшения.

ПОДВЕСКИ

Одна подвеска из Турбино имеет форму гребня (рис. 10, 17). Она орнаментирована и имеет отверстие для подвешивания. В абашевских памятниках известны, хотя и широко не распространены, орнаментированные бляшки: могильники Тауш-Касы, кург. 4, погр. 3, Алгаши, кург. 1, погр. 3 (Ефименко и др. 1961: рис. 8, 6;

12, 4, 10), Никифоровское лесничество, погр. 2, 6 (Васильев и др. 1979: рис. 3, 10, 11, 24; 4, 10), Ст. Ябалыклы, к. 59 (Горбунов и др. 1991: рис. XI, 11). Они довольно мелкие, не имеют стандартной формы — прямоугольные, круглые, овальные, с пуансонным орнаментом и дырочками для пришивания. Подвеска из Турбино индивидуальна, как и все украшения этого вида. Известна поделка в виде гребня аналогичной формы, но костяная, из абашевского могильника у д. Земское на Оке (Бадер 1970: рис. 14, 9).

Другая подвеска из Турбино круглая, из прута, один конец которой утолщен, а другой разрушен (рис. 10, 14). Этот тип подвесок известен, хотя и редок, в абашевских памятниках: Юкалекулево, кург. 1, погр. 1 (Сальников 1967: рис. 3, 18), Человечья голова (Васильев 1975: рис. 4, 16).

В абашевском наборе в Турбинском могильнике своеобразны, но представлены те же категории предметов, что и в турбинских погребениях — копье, нож, однолезвийный нож, кремневые наконечники стрел. Кельт заменен плоским топором-теслом, нефритовые кольца — серебряными и бронзовыми браслетами (кольцами). Среди абашевских есть изделия, не имеющие аналогов среди турбинских. Это стрекала, крючки, украшения-подвески, шитье бронзовыми пронизками на кожаных изделиях.

В целом, факт одновременности материалов абашевской и турбинской культур в могильнике свидетельствует об одновременности абашевской культуры на позднем этапе ее развития с турбинской культурой.

Ряд изделий абашевской культуры, найденных в Турбинском могильнике, отсутствует в других погребальных памятниках, например, втульчатые топоры и копья. Весь набор абашевских изделий, найденный в Турбино, полностью повторяется в кладах.

Верхне-Кизильский клад, Агаповский р-н, Челябинская обл. (Bortvin 1928). В нем обнаружены — маленький острорезберный сосудик и изделия из бронзы. Вещи отлиты в форме и затем прокованы.

— Втульчатое копье с закрытой сверху втулкой, орнаментированной точечным орнаментом, с двумя отверстиями у основания (рис. 21, 2).

— Однолезвийные изогнутые серповидные ножи (рис. 22, 1—5). К. В. Сальников считал часть однолезвийных изогнутых изделий скобелями-тупиками для обработки шкур, так как заточена только внутренняя сторона, а оба конца сужены проковкой с внутренней стороны, то есть это было двуручное орудие. Другое изделие соединяло, по его мнению, функции скобеля со стругом. Третьи — были ножами. Все орудия многофункциональны, может быть, они выполняли и роль серпов (Сальников 1967: 57).

— Нож абашевского типа, то есть со слабо выраженным перекрестьем, перехватом, змеевидной головкой, с максимальной шириной в верхней части клинка (рис. 22, 9); нож с широким длинным черешком, покатыми плечиками, прямоугольной пяткой и ребром вдоль листовидного клинка с параллельными лезвиями (рис. 22, 8); нож-бритва, так как конец лезвия сильно закруглен, боковые стороны лезвия параллельны, перехватом выделен черешок треугольной формы, изделие очень тонкое (рис. 22, 7); нож турбинского типа (рис. 22, 6).

— Крупное обоюдоострое шило (рис. 21, 1), втульчатые топоры (не сохранились), крючок массивный, со стержневидным насадом и с бородком (рис. 21, 5), втульчатое долото (21, 4), тесло с параллельными гранями и расширенным лезвием (рис. 21, 3).

— Браслеты реберчато-желобчатые (рис. 23, 1—11), гривны округложелобчатые, литые, обложены серебряной фольгой (рис. 21, 6; 22, 10; 23, 20), бляшки-розетки семилепестковые, в восьмом два отверстия (рис. 23, 14—16), пронизки из пластинки с рифлеными концами, пронизи из гладкой пластинки и пронизи спиральные из проволоки, круглой в сечении (рис. 23, 17—19), спиральные многовитковые перстни с завитком на конце (рис. 23, 13), маленькие очковидные подвески (рис. 23, 12).

Коршуновский клад, Слободской у., Вятской губ. (Спицин 1893: 33—34). Наконечник копья втульчатый, орнаментированный (рис. 26, 3); копьеобразное острие или клевец (рис. 26, 2); крупное стрекало (рис. 26, 6); плоский, с длинными параллельными сторонами топор с отверстием для крепления рукояти (рис. 26, 1); два ножа турбинского типа (рис. 26, 4—5) и втульчатый топор “галичского типа”.

Клад Москательникова, Ильдераково, Бирского у., Уфимской губ. (Ефименко и др. 1961: 80). В него входят такие же изделия, как и в Верхне-Кизильском кладе: втульчатое долото, втульчатое копье верхне-кизильского типа, две ножевидные пластины, три проушных топора, а кроме того, кривой серп с крючком, копье с гранями и черешком.

Клад у Долгой горы, Стерлитамакский р-н Башкирии. (Сальников 1967: 40). Наконечники дротика с кованой втулкой открытой сверху (рис. 24, 2—3), наконечник дротика с пером ромбической формы, одним шипом и острым стержневым насадом, имеющим у основания три желобка для привязывания (рис. 24, 1); тесло с кованой цилиндрической втулкой (рис. 24, 4), крупное стрекало (рис. 24, 5), фрагмент серповидного ножа (рис. 24, 6), обломок плоского массивного стержня с заостренным концом (рис. 24, 7).

Галичский клад, Туровское, Галичский р-н, Костромской обл. (Спицин 1903). Вислообушные топоры абашевского типа, ланцетовидный нож с длинными параллельными лезвиями и четырехгранным стержнем для насада на рукоять, браслеты желобчатые и круглые в сечении с заостренными и заходящими друг за друга концами (последний орнаментирован нарезками, аналогичные браслеты найдены в двух абашевских памятниках — Тауш-Касы и Абашевском, а в Кухмарском могильнике так же орнаментирована спиральная подвеска), бляхи, спиральные пронизки, мелкие бляшки-полугорошины, медные фигурные пластинки, очковидные подвески с широким числом оборотов спирали, литые фигурки людей и животных, кинжал с широким клинком, имеющим длинные параллельные лезвия, и с металлической рукоятью, отлитой в виде змеи с раскрытой пастью, в прорези рукояти припаяна маленькая объемная змейка. Вероятно литье турбинское, но сюжет в данном случае абашевский. Украшения абашевских типов.

Клад Морозовского на р. Пижме, Вологодская губ. (Ефименко и др. 1961: 80). Массивный плоский топор, тонкий клин с заостренными боковыми сторонами, конический наконечник в форме “белемнита” (может быть фрагмент клевца?).

Клады Верхне-Кизильский, Коршуновский, Москательникова, Веселова объединяются в одну группу по наличию устойчивого набора однотипных изделий — это втульчатый топор, копье верхне-кизильского типа, втульчатое долото, тесло и серповидный нож. Клад у Долгой горы представляет тот же набор типов, но некоторые из них в других вариантах — копья с открытой сверху втулкой и копье черешковое (такое же есть и в кладе Москательникова), тесло с кованой втулкой. Два клада — Верхне-Кизильский и Коршуновский содержат изделия, характерные для Турбинского могильника, а именно, ножи турбинского типа и топор-клевец (Коршуновский). Только два, наиболее богатых клада — Верхне-Кизильский и Галичский — содержали украшения, причем одинаковых типов, хотя набор их совпадает не полностью.

Описанные памятники показывают завершение формирования *абашевского культурного комплекса турбинского времени* (рис. 3, 26—33).

Исследование металлических, костяных и каменных изделий из абашевских могильников и кладов показывает, что облик абашевской культуры формировался постепенно. Первоначально складывается средневожский комплекс. В него входят украшения. Это подвески в полтора оборота, очковидные подвески, бляшки-розетки, шитье мелкими пронизками, обоймочками, бляшками, бисером; а также браслеты перстни. Кроме того, в него входят кремневые наконечники стрел, шило, костяные колечки, костяные булавки, втульчатые топоры с каплевидным сечением клина и наконечники копий с кованной, открытой сверху, втулкой. Вырабатывается определенная технология изготовления металлических украшений. Они сделаны из литого прута, ковкой (в том числе из серебряной фольги) и литьем по восковой

модели. Украшения мелкие и их много (как по типам, так и по количеству). В целом комплекс состоит из украшений (они происходят из погребений) и оружия (из случайных находок). Памятники этого периода в Среднем Поволжье: в правобережье это могильники Пикшик, Б. Янгильдино, Васюковский, Тюрлема, Тауш-Касы, Катергино, II Виловатово; в левобережье – могильники Троицкое, Тапшер, Нартассы.

В процессе распространения абашевской культуры в Приуралье абашевский культурный комплекс обогащается. Все прежние культурные элементы сохраняются, что обеспечивает культурную непрерывность и культурное единство. Это произошло вероятно потому, что в новой обстановке культура консервируется. Адаптация к новой культурной среде и особенностям географической обстановки приводит к выработке нового культурного комплекса, который наслаивается на существующий, не отрицая, а обогащая его. В южноуральский комплекс, дополнительно к средневожским типам, входят те же типы изделий, но из другого материала. Это — бронзовый и костяной наконечники стрел. К новым типам украшений относятся: серьга (уменьшенный вариант браслета) и бусы. Костяные, каменные и бронзовые бусы обычны в катакомбных культурах. Впервые в абашевских погребениях появляются каменные пест и ступка (обычны в катакомбных погребениях), костяное колесико, так называемое пряслице. Возможно, это модель сплошного деревянного колеса без спиц. Впервые появляются крючки и ножи. Эти изделия широко известны в катакомбных памятниках. В абашевской культуре они оформились в самостоятельные типы. Нож абашевского типа, безусловно, сформировался под влиянием катакомбных традиций. Упор в виде плечиков заменен перекрестьем, сохранена укрепляющая массивная часть ножа в виде перехвата. Выработаны и новые, абашевские типы ножей. Это изогнутый, однолезвийный нож и нож двулезвийный с длинной металлической рукояткой. В это время оформились втульчатые топоры с линзовидным и ромбовидным сечением клина. Следовательно, южноуральский комплекс формируется в культурной среде с сильными традициями северокавказской металлообработки и дополняется каменным и костяным инвентарем, что обычно для катакомбных культур, но нехарактерно для абашевского средневожского культурного комплекса. К этому времени относятся могильники Абашево и Алгаши в правобережье Среднего Поволжья и Туруново, Вильялы в левобережье Среднего Поволжья, а в Приуралье — могильники Юкалекулево, Ст. Ябалыклы, Н. Чуракаево, Чураклы, Метев-Тамак.

На основе южноуральского абашевского комплекса, с приходом в Приуралье турбинцев, формируется абашевский культурный комплекс турбинского времени. Кроме прежних типов, в него входят — деревообрабатывающие орудия: топор-тесло, долото; усовершенствованный наконечник копья верхне-кизильского типа и массивный крюк с бородкой. Это и новые типы украшений — гривна и многовитковая желобчатая подвеска с петлей. У некоторых абашевских типов стержневое крепление было заменено втульчатым. Так, например, лопаточковидные булавки в погребении Пепкино есть и со стержневидным, и с втульчатым насадом. Втулка использовалась на всех изделиях — на тесле (клад у Долгой горы), на ноже (мог. Никифоровское лесничество, пос. Тюбяк). Втульчатое долото входит в состав кладов, наконечник копья и втульчатый и черешковый есть в кладе у Долгой горы. Деревообрабатывающие орудия входили и в степной (катакомбный) комплекс и в лесной (турбинский). Втульчатое крепление было присуще именно турбинцам. Вероятно, под их влиянием в абашевской культуре началось изготовление втульчатых орудий. Таким образом, формирование позднего комплекса изделий абашевской культуры проходило под сильным влиянием турбинской культуры. К этому времени относятся могильники Пепкино, Миняшкино в правобережье Среднего Поволжья и Сретенка, М. Кугунур, Пеленгер в левобережье Среднего Поволжья. На Южном Урале это могильники Тугаево, Русское Тангирово, Береговский, III Красногорский, II Ахмеровский, Никифоровское лесничество, Набережный. К этому же времени относится Турбинский могильник и клады Верхне-Кизильский, Коршуновский, Долгая гора, Москательникова, Веселова, Морозовского, Галичский.

Средневожский культурный комплекс сохраняется на всей территории обитания и на протяжении всего времени существования абашевской культуры, что обеспечивает сохранение абашевского культурного облика и культурного единства.

Территорию распространения абашевской культуры хорошо иллюстрирует карта местонахождений бляшек-розеток (рис. 25).

№	Местонахождение	Публикация
1.	Земское, могильник.	Алихова 1956.
2.	Подборица-Щербитская, пос.	Цветкова 1961.
3.	II Виловатовский могильник.	Халиков 1961; Кузьмина и др. 1995.
4.	Пепкино.	Халиков и др. 1966.
5.	Алгаши.	Ефименко и др. 1961.
6.	Абашево.	Смолин 1928; Кривцова-Гракова 1947.
7.	Туруново.	Евтюхова 1939.
8.	Вильялы.	Халиков 1961.
9.	II Красносамарский могильник.	Кузьмина 1979.
10.	Никифоровское лесничество.	Пряхин и др. 1979.
11.	Каляпово, Красногвардейский р-н, Оренбургская обл., р. Ток.	Габелко 1979.
12.	Ст. Ябалыклы.	Горбунов и др. 1991.
13.	Чукраклы.	Васюткин и др. 1985.
14.	Урняк.	Сальников 1967.
15.	III Красногорский могильник.	Пряхин и др. 1979.
16.	Мало-Кизильское селище..	Сальников 1967.
17.	Верхне-Кизильский клад.	Сальников 1967.
18.	Могильник Баишево.	Обьденнов и др. 1996.
19.	VI Тавлыкаевский мог., кург. 1, погр. 7.	Васюткин и др. 1985.
20.	Могильник Кусеево.	Сальников 1967: 63.
21.	Юкалекулевский могильник.	Сальников 1967.
22.	Поселение Вис.	Буров 1967.
23.	Ульяново, погребение.	Буров 1965: 91.
24.	Курганы у с. Огубь на р. Протве.	Городцов 1921.
25.	Писанный камень на Вишере.	Сальников 1967: 145.
26.	Могильник Яндашево.	Сальников 1967: 63.
27.	Кухмарский могильник.	Крайнов 1962.

Это типичное абашевское украшение и оно не было распространено за пределами абашевской культуры. Карта распространения бляшек-розеток совпадает с картой распространения топоров абашевского типа (рис. 2).

Таким образом, комплекс изделий абашевской культуры из бронзы, серебра, кости и камня можно представить в виде системы элементов, отражающей традиции и новации в данном культурном явлении (Бочкарев 1990). На основе этой системы строится относительная хронология абашевской культуры.

Типы, *относительные новации*, известные в предшествующее время, но в абашевской культуре существующие с изменениями, внесенными абашевскими мастерами:

— втульчатые топоры (новые признаки: овальное сечение втулки, узкий вислый обух, прямой узкий клин, ребра жесткости на клине);

— кремневые наконечники стрел с черешковым насадом (новые признаки: треугольное перо и опущенные жальца, трансмедиальная ретушь);

— подвески в полтора оборота (новый признак — желобчатые концы; изменения внутри типа: крупные подвески старше мелких, но оформившись существуют параллельно; в ранних погребениях одна подвеска, в более поздних — две и более);

— очковидные подвески (новые признаки: небольшие размеры и небольшое число оборотов спирали);

— бляшки-полугорошины (новый признак — очень маленькие размеры);

— пронизи (не костяные, а из металлической проволочки, спиралевидные или свернутые из раскованной пластины с гладкой или рельефной поверхностью; спиралевидные, вероятно, старше пластинчатых);
— ножи (новые признаки: перекрестье, перехват и пятка в виде змеевидной головки);
— наконечники копий и дротиков, свернутые из кованой пластины (новый признак — короткое перо, наконечник отлит, а стержневидный насад раскован и свернут во втулку; втулка закрыта сверху, сохранен массивный стержень между пером и втулкой);
— ножи со стержневидным насадом и подромбическим клинком (новый признак — широкий насад).

Типы, *перешедшие в абашевскую культуру без изменений* — шилья, втульчатые долота.

Типы изделий, явившиеся нововведением *абашевской культуры* — *абсолютные новации*.

Типы, сформировавшиеся в правобережье Среднего Поволжья: браслеты из круглого прута, браслеты литые, реберчато-желобчатые, бляшки-розетки (классические розетки имеют семь лепестков, а в восьмом, который имеет форму планки, сделаны два отверстия; у поздних розеток увеличивается число лепестков и возможны варианты формы), перстни спиралевидные с очковидными концами, мелкие плоские бляшки с пуансонным орнаментом.

Типы, сформировавшиеся в левобережье Среднего Поволжья: топоры с линзовидным сечением клина, браслеты из прута с ребром на внешней стороне, обоймочки.

Типы, сформировавшиеся в Приуралье: крючок с петлей и без борodka, крючок с жальцем и стержневидным насадом, серповидные ножи, плоские топоры-тесла с параллельными боковыми гранями и равными по ширине лезвием и пяткой, бронзовые наконечники стрел со стержневидным насадом, наконечники копий верхне-кизильского типа, гривны.

Типы, *вышедшие из обращения* с исчезновением абашевской культуры:

— узковислообушные втульчатые топоры;
— короткоперые наконечники копий и дротиков, наконечники верхне-кизильского типа;
— бляшки-розетки;
— браслеты с реберчато-желобчатым сечением;
— сложозавитые желобчатые подвески с обратной петлей.

Типы, *претерпевшие изменения*, и перешедшие в культуры, наследовавшие абашевские традиции:

— серповидные ножи лежат в основе ножей с длинной металлической рукоятью и серпов алакульского типа;
— браслеты из прута и из желобчатой пластины (браслеты из толстого прута и узкие желобчатые браслеты получили распространение в покровской культуре, а широкие желобчатые — в синташтинской);
— плоские топоры-тесла приобрели трапециевидную в плане форму и небольшие размеры в синташтинской культуре;
— втульчатые топоры, сохранив сечение клина — ромбовидное в синташтинской и линзовидное в покровской культурах, увеличили массивность обуха и высоту задней стенки втулки, почти уравнивая ее с высотой передней, отчего у синташтинских топоров втулка в сечении прямоугольная, а у покровских — квадратная;
— ножи с перекрестьем и перехватом. Срубные ножи теряют змеевидную головку, ее заменяет широкий прямоугольный насад, перехват значительно удлиняется. В синташтинскую культуру абашевские ножи переходят почти без изменений, только рельефнее очерчены;
— синташтинские крючки, согнутые из проволоки под прямым углом, без борodka, с петлей, завернутой внутрь продолжают в основном форму абашевских крючков;
— от абашевских пронизей происходят биноклевидные трубчатые пронизи с гофрированной поверхностью в срубной культуре и крупные пронизи с гладкой поверхностью в алакульской культуре;

— подвески в полтора оборота в покровских памятниках увеличиваются в размерах, приобретают овальную в плане форму. В синташтинских памятниках подвески сохраняют маленькие размеры и ребро на ложковидных концах, но меняется материал из которого они изготовлены. Серебро заменяется на золото или бронзу. Появляются подвески, украшенные рельефными шишечками или резным орнаментом. На их основе оформляются грушевидные и восьмерковидные алакульские и срубные подвески;

— очковидные подвески остаются почти без изменений. Они всегда мелкие, наследуются синташтинской и петровской культурами;

— бляшки-полугорошины увеличиваются в размерах, становятся плоскими. Они имеют подпрямоугольную форму с закругленными углами или круглую и всегда орнаментированы. Они есть в алакульской и срубной культурах;

— гривны индивидуальны по оформлению концов, известны в алакульской культуре;

— в основе алакульской крестовидной подвески, литой по восковой модели, лежит сделанная по этой же технологии абашевская бляшка-розетка;

— кремневые черешковые наконечники стрел теряют жальца и увеличивается их массивность, появляется ребро жесткости вдоль пера, поэтому перо в сечении ромбовидное. В синташтинских памятниках только черешковые наконечники имеют трансмедиальную ретушь, которая впервые появляется на абашевских наконечниках.

В данном обзоре затронуты лишь некоторые аспекты абашевской культуры, связанные с решением вопросов ее относительной хронологии. Безусловно, оно должно быть дополнено анализом других сторон материальной культуры. Но в целом, становится все более очевидным место абашевской культуры в системе относительной хронологии культур эпохи бронзы Восточной Европы. В лесных районах Среднего Поволжья абашевская культура сменяет фатьяновскую и ранний ее этап синхронен поздним катакомбным культурам в степи. В период распространения абашевской культуры в Приуралье она синхронна раннему периоду КМК и поздней катакомбной культуре (так называемые “елочки”) Волго-Уралья. Поздний период абашевской культуры отмечен контактами с турбинской культурой. Синташтинская культура на Южном Урале и покровская в Волго-Донье сменяют абашевскую, наследуя ряд ее традиций. Могильники Сейма и Решное демонстрируют контакты уже с покровской культурой. Абашевские материалы в них отсутствуют. Могильник Ростовка фиксирует контакты с синташтинской культурой.

АЛИХОВА А. Е. 1956. Абашевские курганы близ села Земского Рязанской области // КСИИМК. Вып. 64.

АХМЕРОВ Р. Б. 1951. Новые археологические находки в Башкирии // КСИИМК. Вып. 39.

БАДЕР О. Н. 1957. К изучению эпохи бронзы в Прикамье // Ученые записки Молотовского университета. Т. X. Вып. 3. Харьков.

1963. Балановский могильник. М.

1964. Древнейшие металлурги Приуралья. М.

1970. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.

БАДЕР О. Н., ХАЛИКОВ А. Х. 1976. Памятники балановской культуры // САИ. Вып. В1-25. М.

БЕРС А. А. 1930. Прошлое Урала. М.

БОЛЬШОВ С. В., КУЗЬМИНА О. В. 1995. Новые исследования II Виловатовского могильника // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.

БОТАЛОВ С. Г., ГРИГОРЬЕВ С. А., ЗДАНОВИЧ Г. Б. 1996. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.

БОЧКАРЕВ В. С. 1986. К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // ПАП.

1990. Процесс культурогенеза и развитие металлообработки на юге Восточной Европы в эпоху поздней бронзы // Доклад на конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. А. Латынина. Л.

БРАТЧЕНКО С. Н. 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.

БУЛЫЧЕВ Н. И. 1902. Древности из Восточной России. Т. I. М.

- БУРОВ Г. М. 1965. Вычегодский край // Очерки древней истории. М. 1967. Древний Синдор. М.
- ВАСИЛЬЕВ И. Б. 1975. Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- 1975а. Остатки бронзового века в пещере Братьев Гриве // Самарская Лука в древности. Куйбышев.
1977. Лузановский курганный могильник // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев.
- ВАСИЛЬЕВ И. Б., КУЗНЕЦОВ П. Ф., СЕМЕНОВА А. П. 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.
- ВАСИЛЬЕВ И. Б., ПРЯХИН А. Д. 1979. Бескурганный абашевский могильник у Никифоровского лесничества в Оренбуржье // СА. № 2.
- ВАСЮТКИН С. М., ГОРБУНОВ В. С., ПШЕНИЧНЮК А. Х. 1985. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа.
- ГЕНИНГ В. Ф., ЗДАНОВИЧ Г. Б., ГЕНИНГ В. В. 1992. Синташта. Челябинск.
- ГОРБУНОВ В. С. 1986. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа.
1989. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев.
1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа.
- ГОРБУНОВ В. С., МОРОЗОВ Ю. А. 1991. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа.
- ГОРБУНОВ В. С., ПШЕНИЧНЮК А. Х., АКБУЛАТОВ И. М. 1989. Новые материалы из погребальных памятников эпохи бронзы Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа.
- ГОРОДЦОВ В. А. 1915. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОРМ за 1914 г. М.
- ЕВТЮХОВА О. Н. 1959. Абашевские курганы у селений Туруново и Троицкое в Марийской АССР // Труды МарИЯЛИ. Вып. XIV. Йошкар-Ола.
- ЕПИМАХОВ А. В. 1996. Курганный могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- ЕФИМЕНКО П. П., ТРЕТЬЯКОВ П. Н. 1961. Абашевская культура в Поволжье // МИА. № 97.
- ЗБРУЕВА А. В. 1952 История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30.
1958. Могильник Метев-Тамак // КСИА. Вып. 72.
- ЗБРУЕВА А. В., ТИХОНОВ Б. Г. 1970. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. М.
- КАЛИНИН Н. Ф. 1952. Экспедиция по западным районам Татарской АССР // КСИИМК. Вып. XLIV.
- КАЧАЛОВА Н. К., МАЛОВ Н. М. и другие. 1993. Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Вып. В1-10.
- КОРЕНЕВСКИЙ С. Н. 1973. Металлические втульчатые топоры Уральской горнометаллургической области // СА. №1: 46—47.
- КОРЕНЕВСКИЙ С. Н. 1975. Металлические орудия труда и оружие эпохи бронзы Восточной Европы (втульчатые топоры) // Автореф. дисс. с канд. ист. наук. М.
1983. Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горнометаллургической области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.
- КОСАРЕВ М. Ф. 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.
- КОСТЮКОВ В. П., ЕПИМАХОВ А. В., НЕЛИН Д. В. 1995. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.
- КРАЙНОВ Д. А. 1962. Кухмарский курганный могильник // КСИА. Вып. 88.
1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.
- КРАЙНОВ Д. А., УТКИН А. В. 1991. Курганный могильник у ручья Кухмарь на Плещеевом озере // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола.
- КРИВЦОВА-ГРАКОВА О. А. 1947. Абашевский могильник // КСИА. Вып. XVII.
- КУЗЬМИНА О. В. 1979. Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Заволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев.
1990. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье, Самара.
- КУЗЬМИНА О. В., ЛАСТОВСКИЙ А. А. 1995. Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.

- ЛИХАЧЕВ А. Ф. 1891. Следы бронзового века в Казанской губ. // Труды VII Археологического съезда. Т. II. М.
- ЛЯХОВ С. В. 1996. Уникальное погребение эпохи средней бронзы из кургана у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов.
- МЕРПЕРТ Н. Я. 1961. Абашевские курганы северной Чувашии // МИА. № 97.
- ОТРОЩЕНКО В. В. 1996. О происхождении и распространении склепов колесничих // ДДР. Вып. 2. Воронеж.
- ПРЯХИН А. Д. 1976. Поселения абашевской общности. Воронеж.
- ПРЯХИН А. Д., ГОРБУНОВ В. С. 1979. Могильники уральской абашевской культуры у с. Береговки на территории Башкирской АССР // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж.
- САЛЬНИКОВ К. В. 1950. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска // КСИА. Вып. XXXV.
1954. Абашевская культура на Южном Урале // СА. Вып. XXI.
1962. К истории древней металлургии на Южном Урале // АЭБ. Т. I.
1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
1967а. Новые материалы по истории племен эпохи бронзы Башкирии // УЗПермГУ. № 148.
- СМОЛИН В. Ф. 1926. Случайная находка бронзовых предметов в Казанском крае // Вестник научного общества татароведения. № 4. Казань.
1928. Абашевский могильник в Чувашской республике // Труды общества изучения Чувашского края. Чебоксары.
- СОЛОВЬЕВ Б. С. 1984. Раскопки Мало-Кугунурской курганной группы // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола.
- СПИЦИН А. А. 1893. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. 1. М.
1903. Галичский клад // ЗРАО. Т. V. Вып. 1.
1928. Археологические заметки // ТСАРАНИОН. IV.
- СТОКОЛОС В. С. 1972. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.
- СУНГАТОВ Ф. А., САФИН Ф. Ф. 1995. Исследования курганных могильников в Зауралье в 1991 году // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа.
- ТИХОНОВ Б. Г. 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа / МИА. № 90.
- ТРИФОНОВ В. А. 1996. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья // Между Азией и Европой. СПб.
- ХАЛИКОВ А. Х. 1961. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. № 97.
- ХАЛИКОВ А. Х., ЛЕБЕДИНСКАЯ Г. В., ГЕРАСИМОВА М. М. 1966. Пепкинский курган // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. III. Йошкар-Ола.
- ХАЛИКОВ А. Х., ХАЛИКОВА Е. А. 1963. Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. № 110.
- ЦВЕТКОВА И. К. 1961. Стоянка Подборица-Щербинская // СА. № 2.
- ЧЕРНЫХ Е. Н. 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
- ЧЕРНЫХ Е. Н., КУЗЬМИНЫХ С. В. 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.
- ШТУКЕНБЕРГ А. А. 1901. Материалы для изучения медного (бронзового) века. Казань.
- ЭДИНГ Д. Н. 1940. Новые находки на Горбуновском торфянике // МИА. № 1.
- ЮДИН А. И. 1992. Срубные кенотафы у с. Кочетного // Древности Волго-Донских степей. Волгоград.
- ASPELIN J. R. 1877. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. I.
- BORTVIN N. N. 1928. The Verkhny-Kizil Find. ESA. III. Helsinki.
- TALLGREN A. M. 1916. Collection Zaoussailov. Helsinki.
1926. La Ponti de Prescythique Apres L'Introdaction des Metaux // ESA. Helsinki.

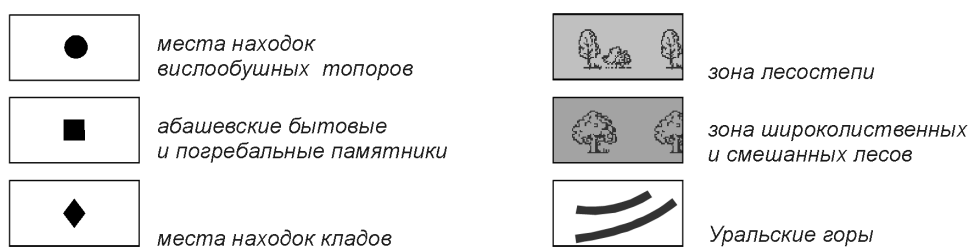
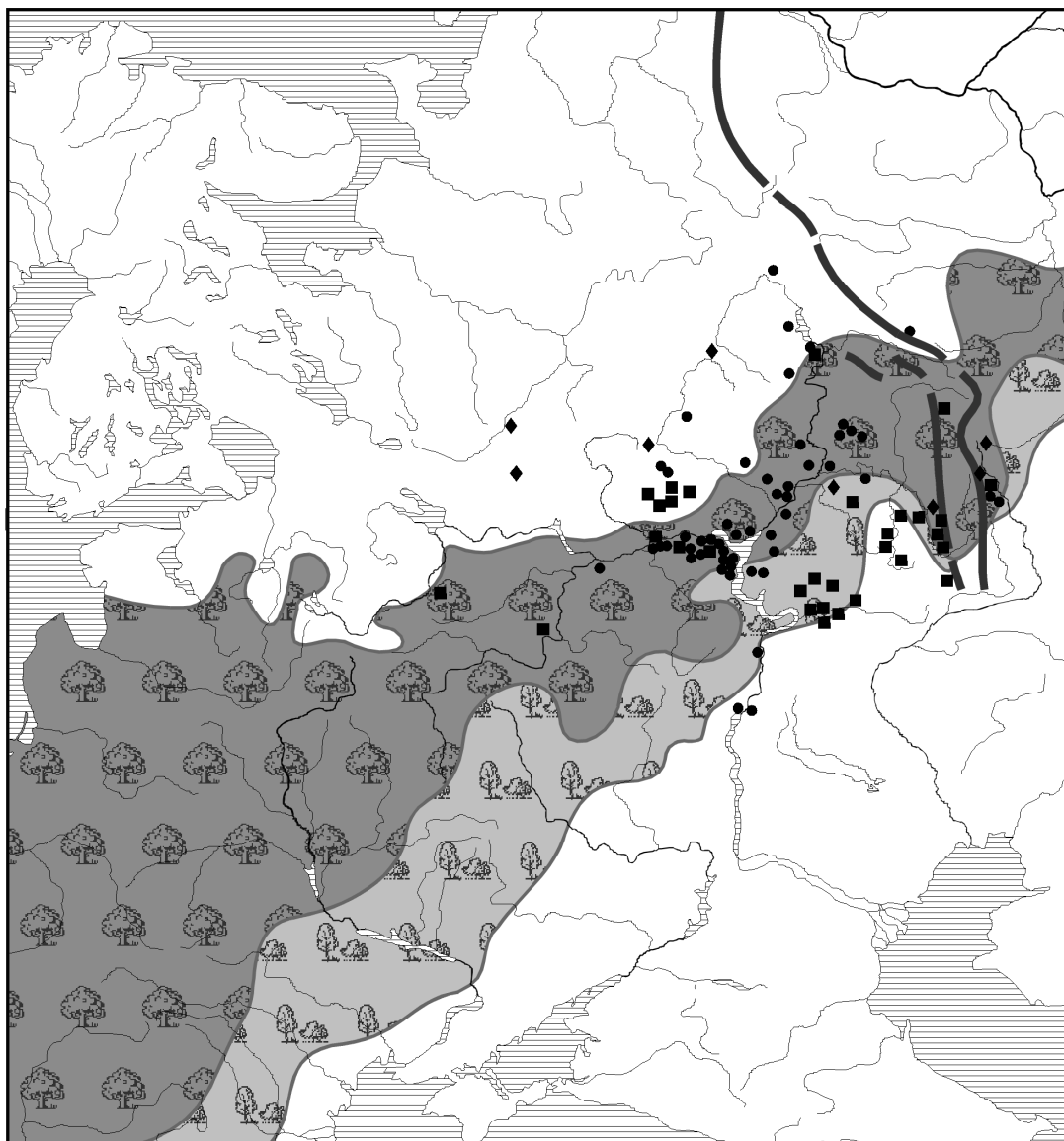

Рис. 1. Памятники абашевской культуры в системе географических зон.

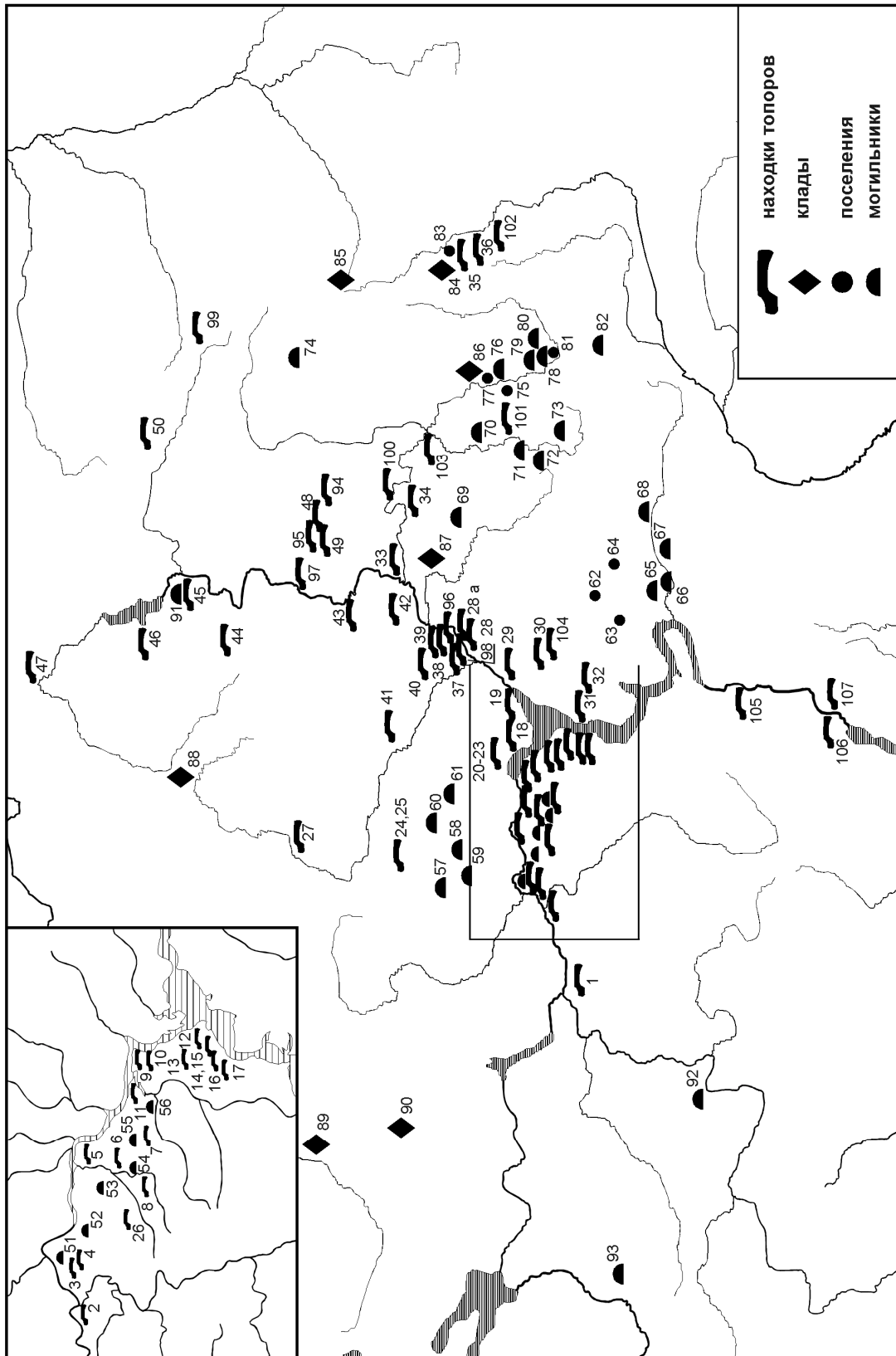

Рис. 2. Расположение основных абашевских памятников (1—50 — местонахождения топоров абашевского типа): 1 — Нижегородская губ.; 2 — Васильсурское гор., Воротынский р-н, Горьковской обл.; 3 — с. Таныш-Касы, Козьмодемьянский у., Казанской губ.; 4 — д. Пепкино, Горно-Марийский р-н, Мар. АССР; 5 — с. Богородское, Чебоксарский у. (Козловский р-н) Казанской губ.; 6 — Карамышево, Козловский р-н, Чувашия; 7 — д. Ст. Шагали, Урмарский р-н, Чувашия; 8 — Можары, Цивильский у. (Янтиковский р-н), Чувашия; 9 — Кулгант, Свияжский у. (Кайбицкий р-н), Татария; 10 — Кайбицы, Кайбицкий р-н, Татария; 11 — Свияжский у., Казанская губ.; 12 — Юмралы, Тетюшский у., Казанской губ.; 13 — Шемякино, Тетюшский у., Казанской губ.; 14, 15 — Тетюшский у., Казанской губ.; 16 — Кулгант, Тетюшский у., Казанской губ.; 17 — Бакрчи, Тетюшский у., Казанской губ.; 18 — с. Девлезери, Рыбно-Слободской р-н, Татария; 19 — Лаишевский у., Казанской губ.; 20 — музей Татарии; 21 — Казанская губ.; 22 — Казань; 23 — Казанская губ.; 24, 26 — Яранский у., Вятской губ.; 25 — Березенки, Яранский у., Вятской губ.; 27 — музей г. Кировска; 28 — д. Ананьино, Елабужский р-н, Вятской губ.; 28а — Ананьинский мог.; 29 — Чистопольский у., Казанской губ.; 30 — пригород Билярска, Билярский р-н., Татария; 31 — Болгары, Куйбышевский р-н., Татария; 32 — д. Карташиха, Куйбышевский р-н, Татария; 33 — с. Кутеромово, Калтасинский р-н, Башкирия; 34 — Бирский у., Уфимская губ.; 35 — Мало-Кизильское селище, Агаповский р-н, Челябинская обл.; 36 — гора Таган-Таш, Баймакский р-н, Башкирия; 37 — с. Рождественское, Елабужский р-н, Татария; 38 — г. Елабуга, Елабужский у., Татария; 39, 40 — Вятская губ.; 41 — Пермская обл.; 42 — Гремячий ключ, Удмуртия; 43 — Сарапульский музей, Удмуртия; 44 — с. Сивинское, Сивинский р-н, Пермской обл.; 45 — Турбинский могильник, г. Пермь; 46 — Баглино, Юсьвинский р-н, Коми-Пермяцкий округ; 47 — г. Чердынь, Пермская обл.; 48 — д. Китрюм, Усинский р-н, Пермской обл.; 49 — д. Коровино, Усинский р-н, Пермской обл.; 50 — Горбуновский торфяник, Свердловская обл.; 51 — Миняшкино, II Виловатово, Пепкино; 52 — Алгаши; 53 — Тохмея, Абашево, Б. Янгильдино, Пикшик; 54 — Тауш-Касы; 55 — Катергино, Тюрлема; 56 — Васюковский; 57 — Мари-Кугунур, Пеленгер; 58 — Троицкое, Тапшер, Сретенка; 59 — Туруново; 60 — Вильялы; 61 — Нартассы; 62 — Суруш; 63 — Красный Городок; 64 — Точка, Красные Пески, Глубокое Озеро; 65 — II Красносамарский; 66 — дюна «Человечья Голова»; 67 — Съезжее; 68 — Никифоровское лесничество; 69 — Метев-Тамак; 70 — Чукраклы; 71 — Ст. Ябалыклы; 72 — Н. Чуракаево; 73 — Набережный; 74—Юкалекулево; 75 — Баланбаш; 76 — Тугаево; 77 — Урняк; 78 — II Ахмерово; 79 — Береговский; 80 — III Красногорский; 81 — Тюбьяк, I—II Береговка; 82 — Рус. Тангирово; 83 — Мало-Кизильское; 84 — Верхне-Кизильский; 85 — Веселова; 86 — Долгая гора; 87 — Москательникова; 88 — Коршуновский; 89 — Морозовский; 90 — Галичский; 91 — Турбино; 92 — Земское; 93 — Кухмарский; 94 — д. Куеда; 95 — Б. Ошья; 96 — Елабуга; 97 — Прикамье; 98 — Елабужский у.; 99 — Свердловск; 100 — Бирский у.; 101 — Стерлибашевский р-н, Башкирия; 102 — Урал; 103 — Миловка; 104 — Ерыклы; 105 — Вязовый Дол; 106 — Саратовский университет; 107 — Подстепская.

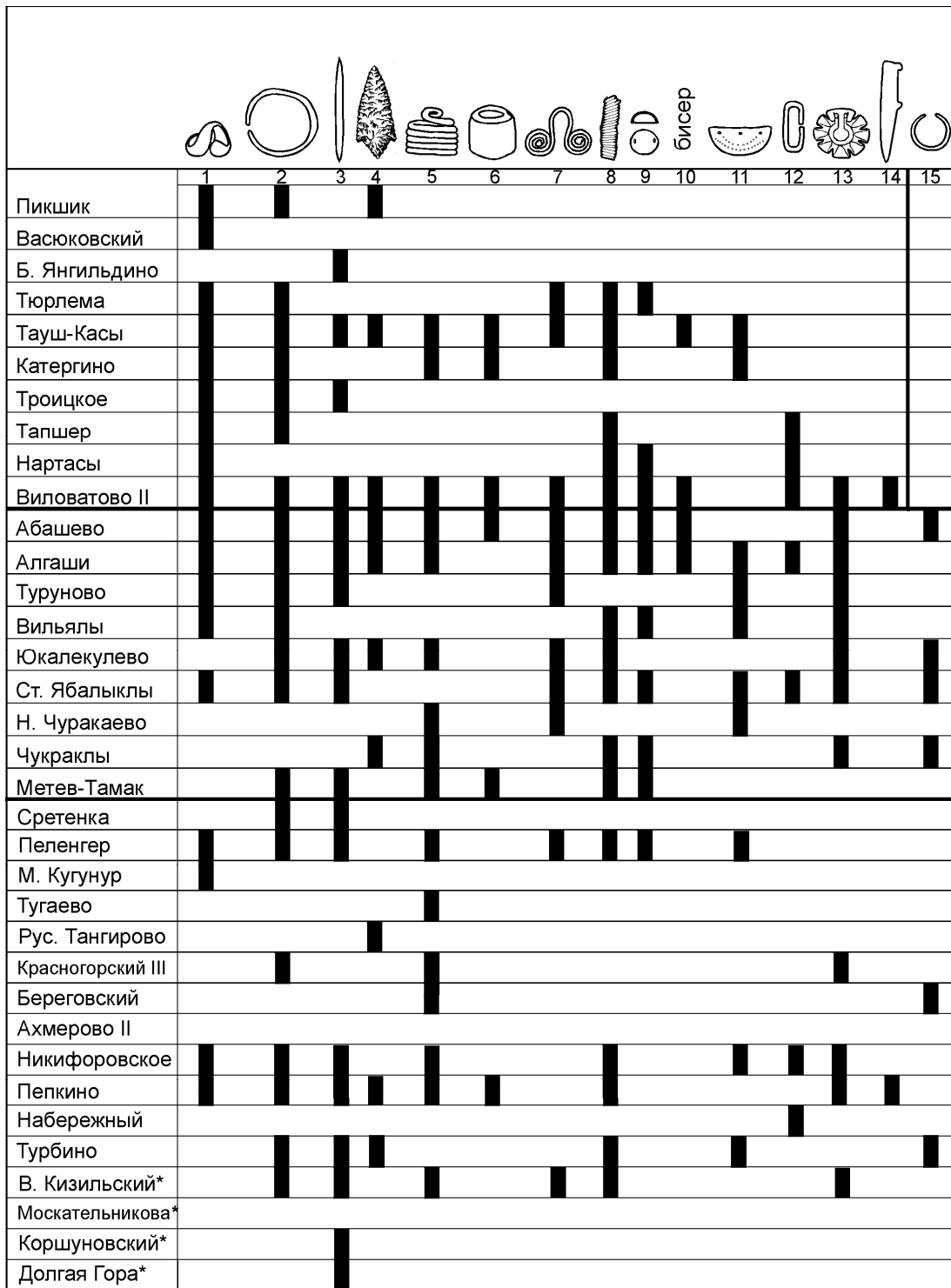

Рис. 3. Основные культуuroобразующие элементы и распределение их по абашевским памятникам (1 — серебро, 2, 3, 5, 7—13, 15—22, 26—32 — бронза, 6, 14, 23, 24, 33 — кость, 4 — кремень, 25 — камень, * — клады).

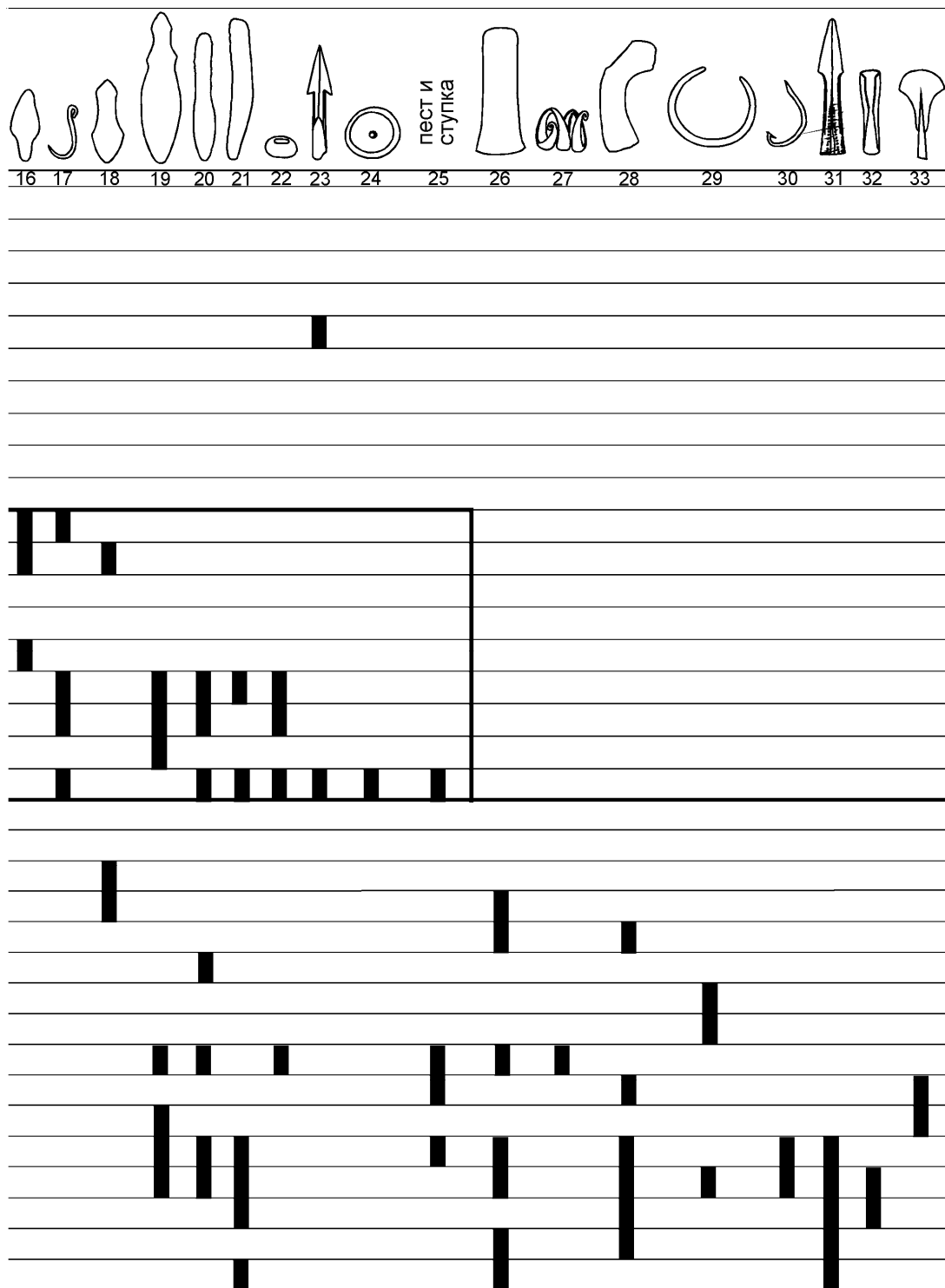

Рис. 3. Продолжение.

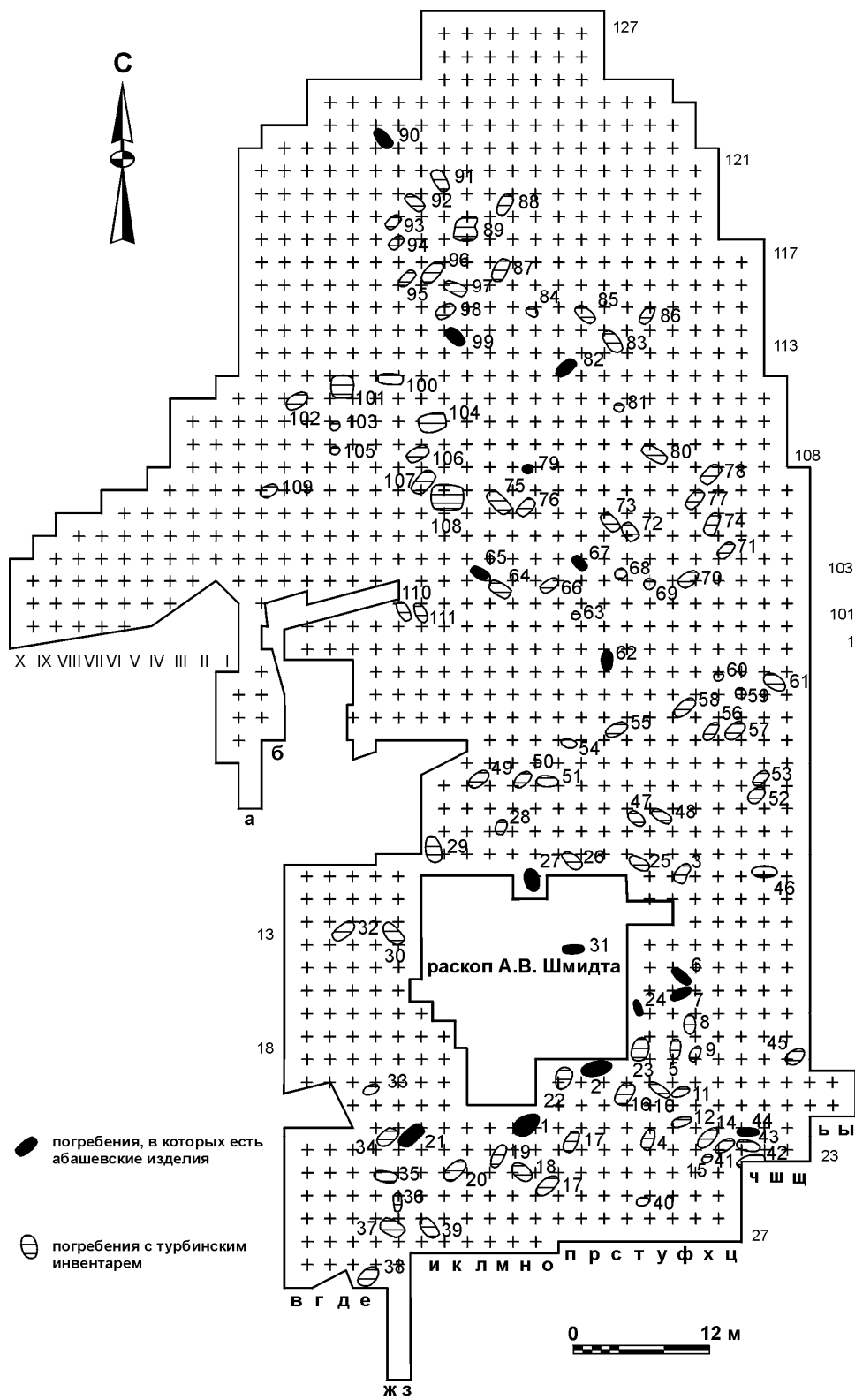

Рис. 4. Планиграфия погребений Турбинского могильника (по О. Н. Бадеру).

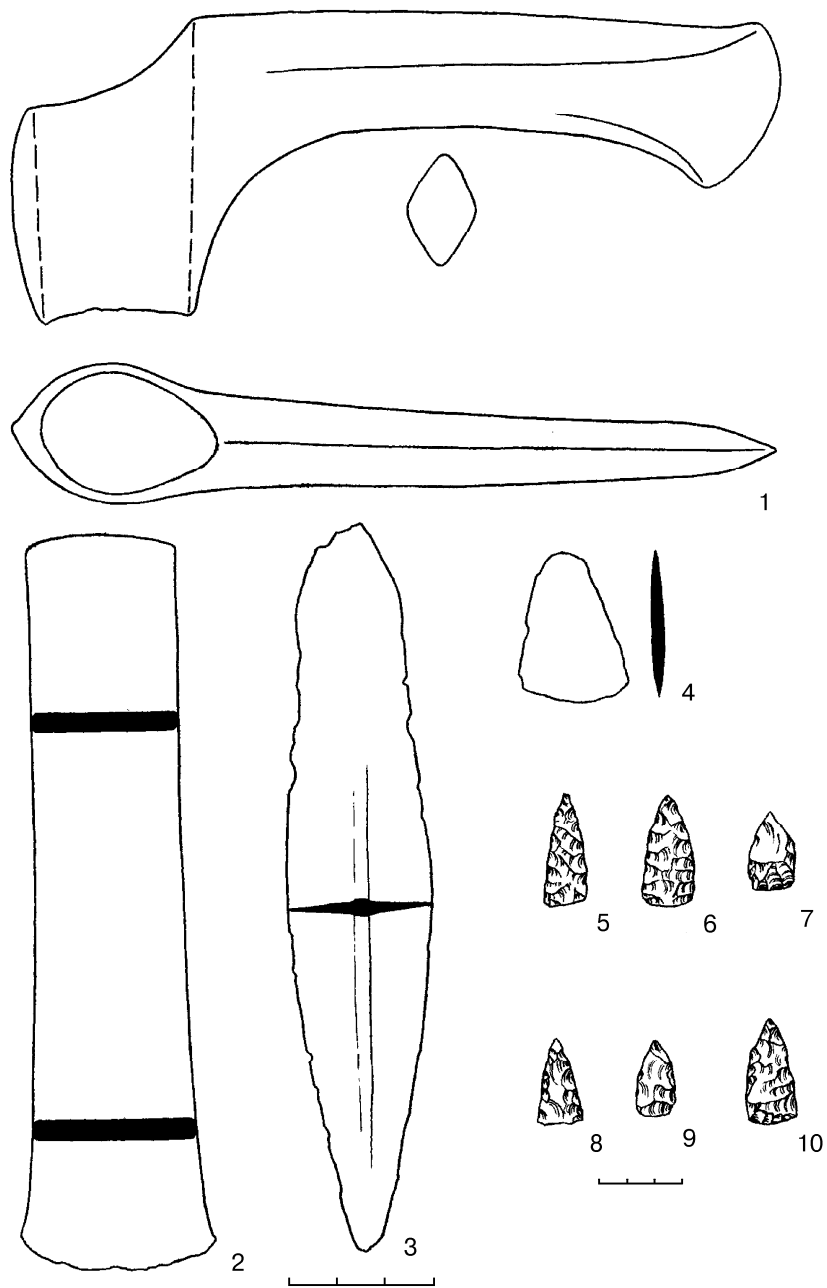

Рис. 5. Турбинский могильник, могила 1 (1—4 — бронза, 5—10 — кремнь).

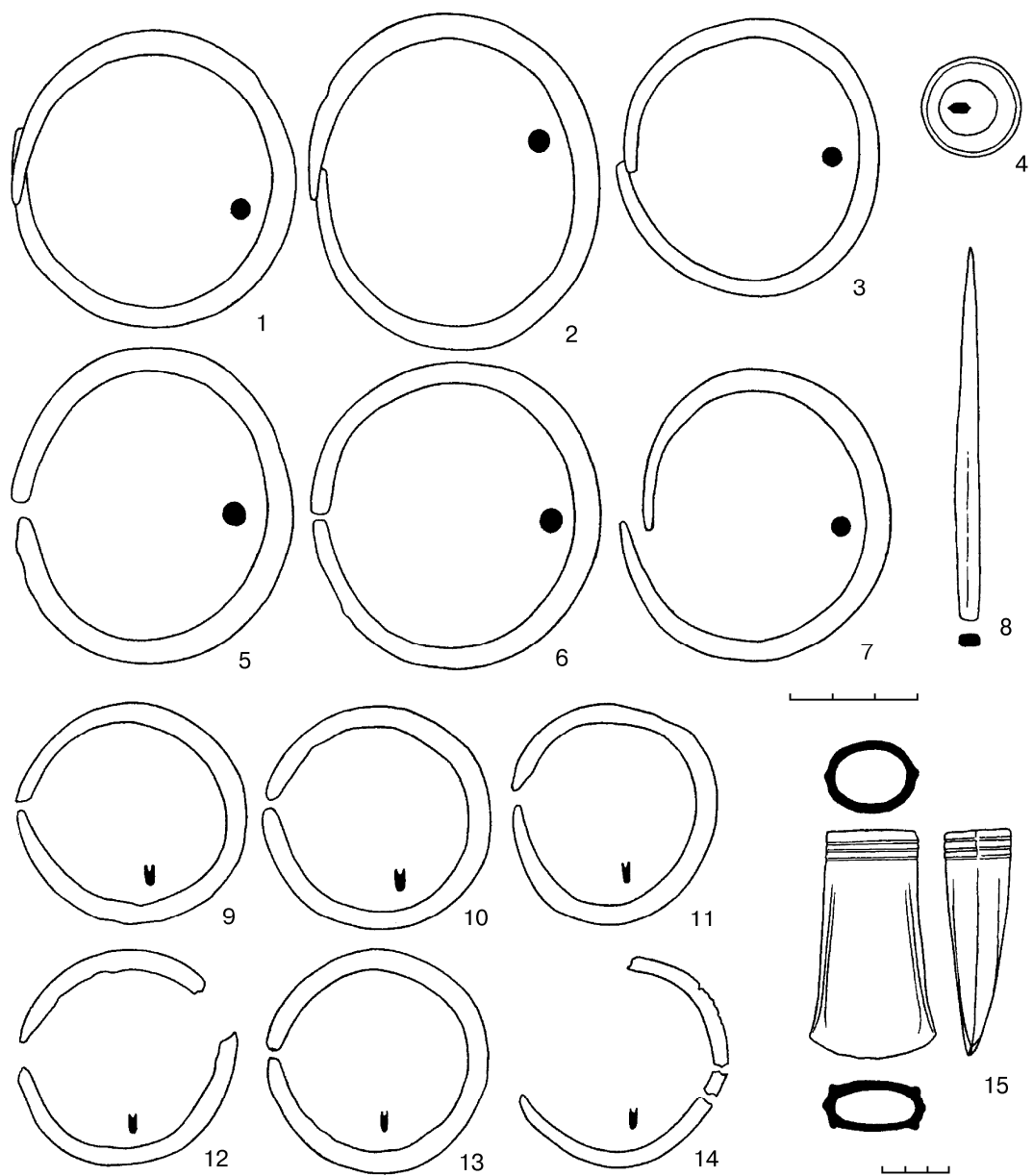

Рис. 6. Турбинский могильник: 1—8 — могила 2; 9—15 — могила 99
(1—3, 5—7, 9—14 — серебро; 4 — нефрит; 8, 15 — бронза).

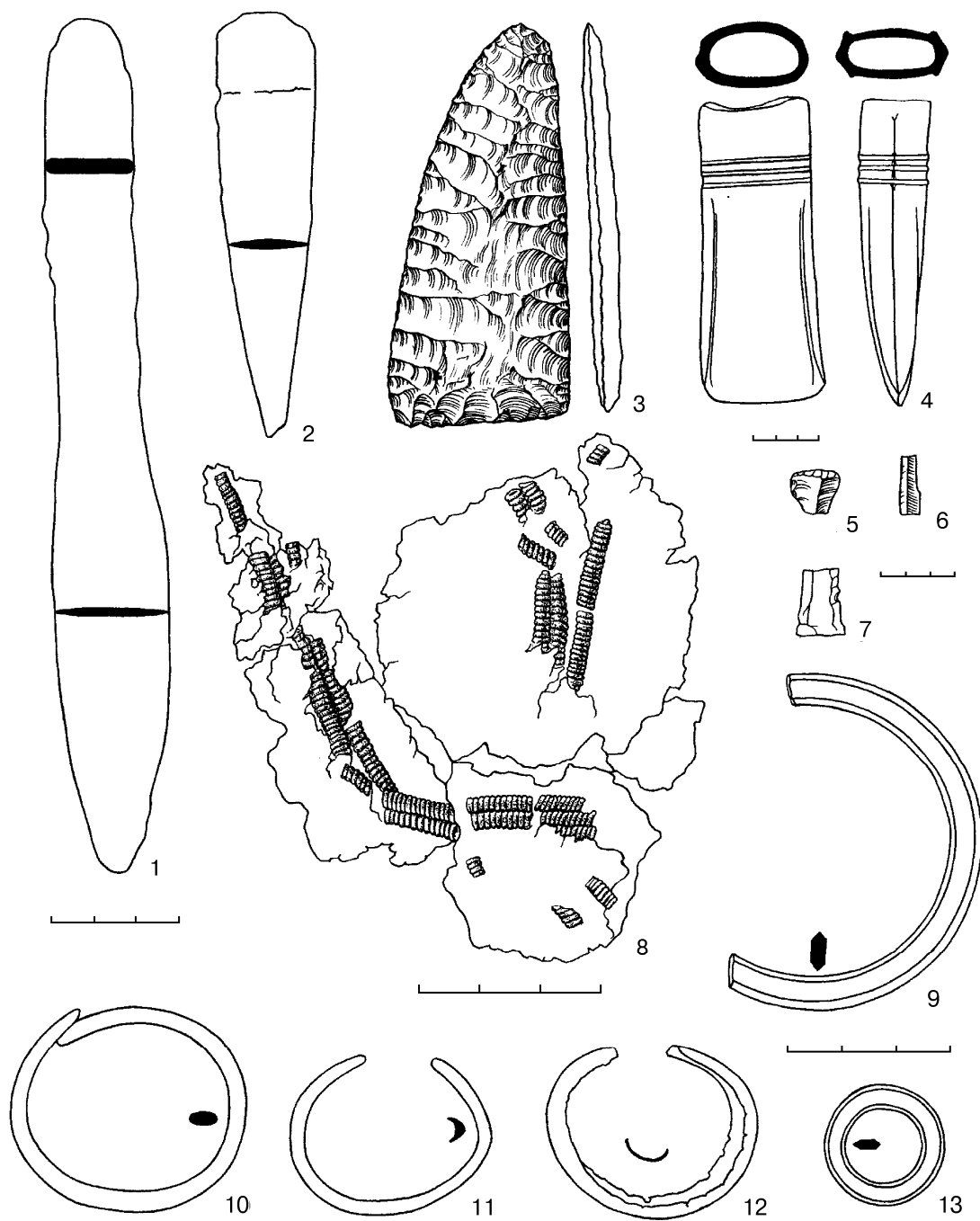

Рис. 7. Турбинский могильник: 1—6 — могила 62; 10 — могила 6;
 11 — могила 7; 12—13 — могила 24 (1, 2, 4, 10—12 — бронза;
 3, 5—7 — кремь; 8 — бронза и кожа; 9, 13 — нефрит).

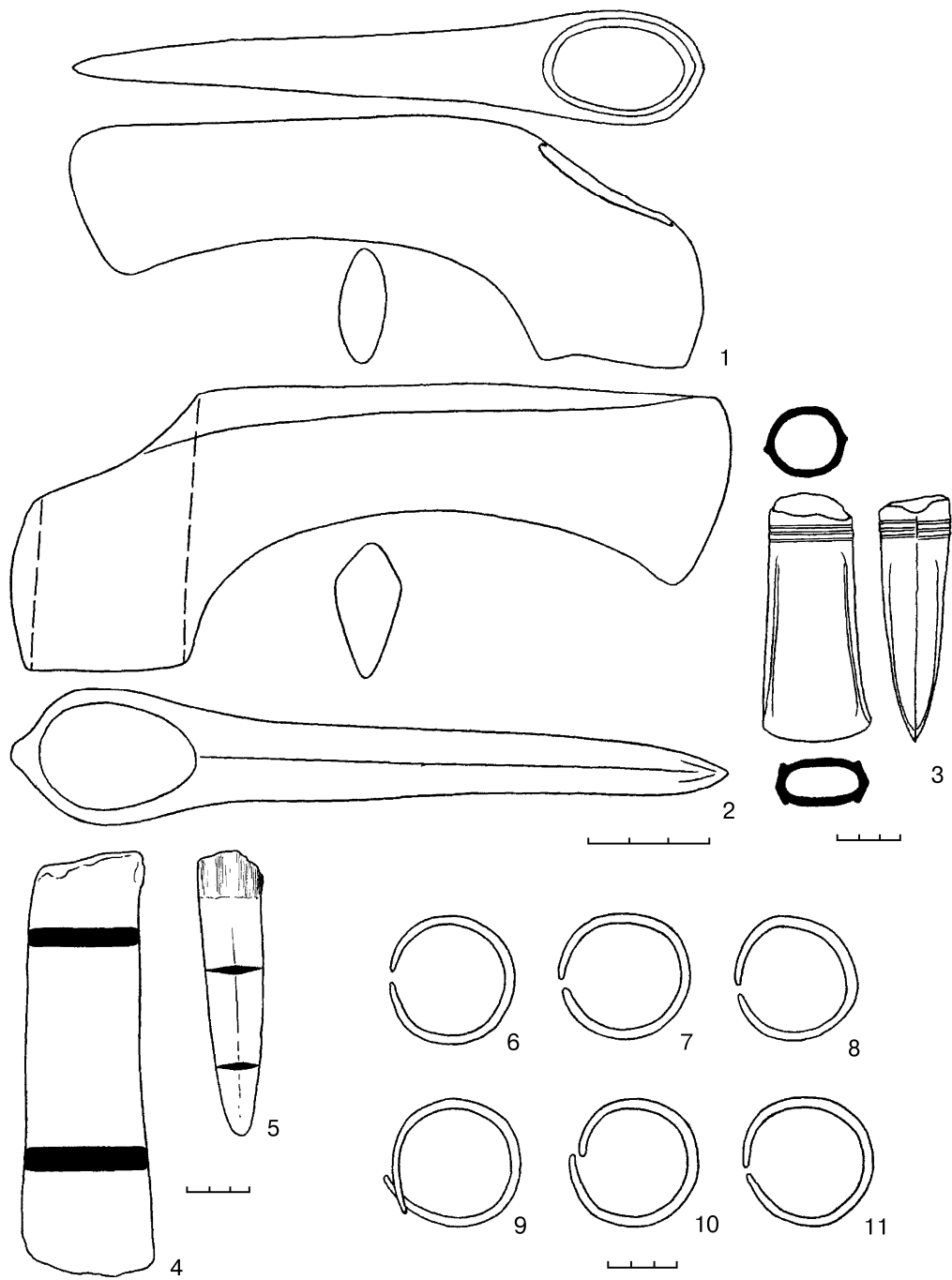

Рис. 8. Турбинский могильник: 1 — куплен ок. 1889 г.; 2—3 — могила 67; 4—11 — могила 79 (1—5 — бронза; 6—11 — серебро).

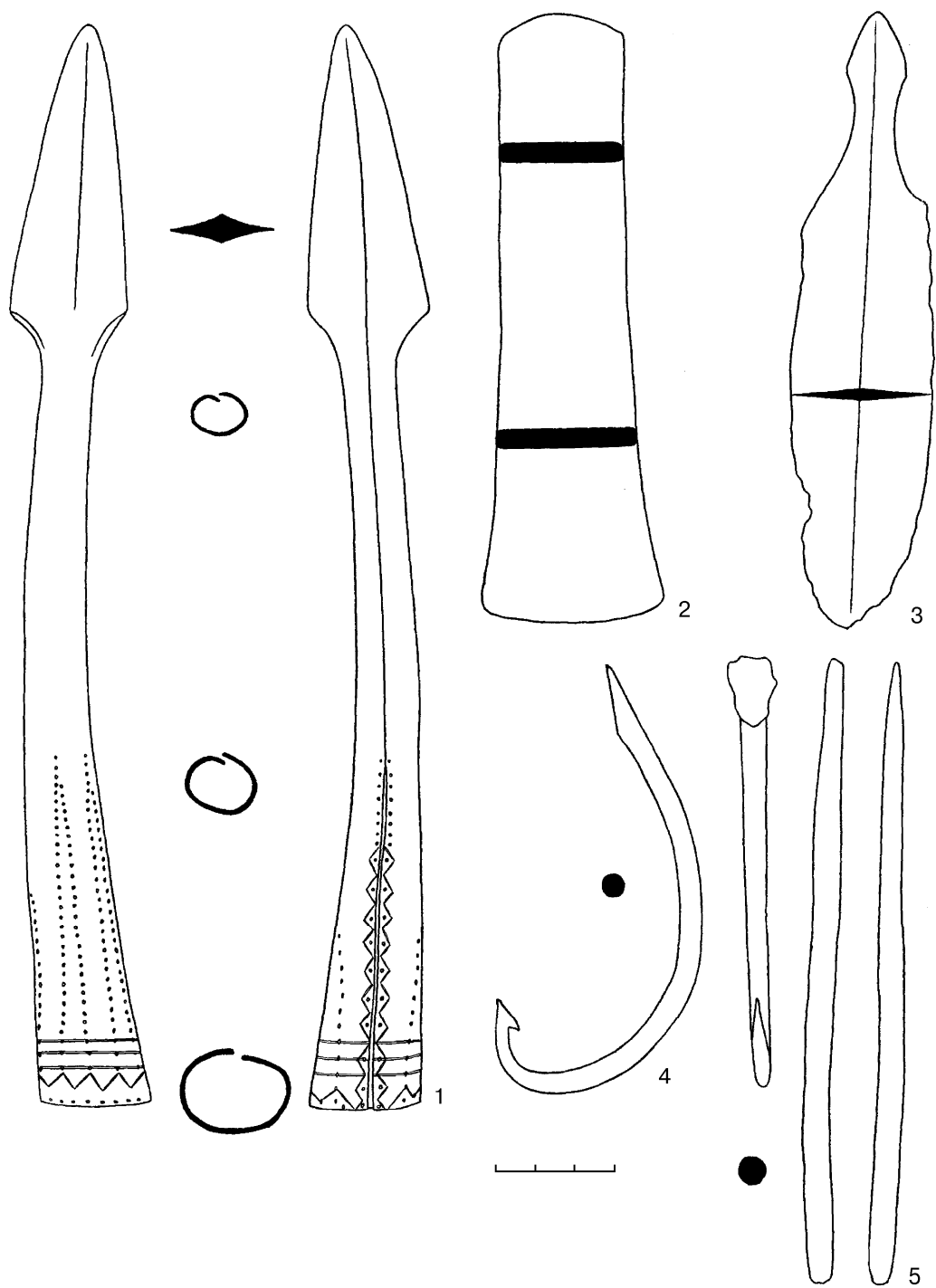

Рис. 9. Турбинский могильник: 1 — могила 82; 2 — могила 65;
 3 — могила 27; 4 — могила 21; 5 — могила 90 (1—5 — бронза).

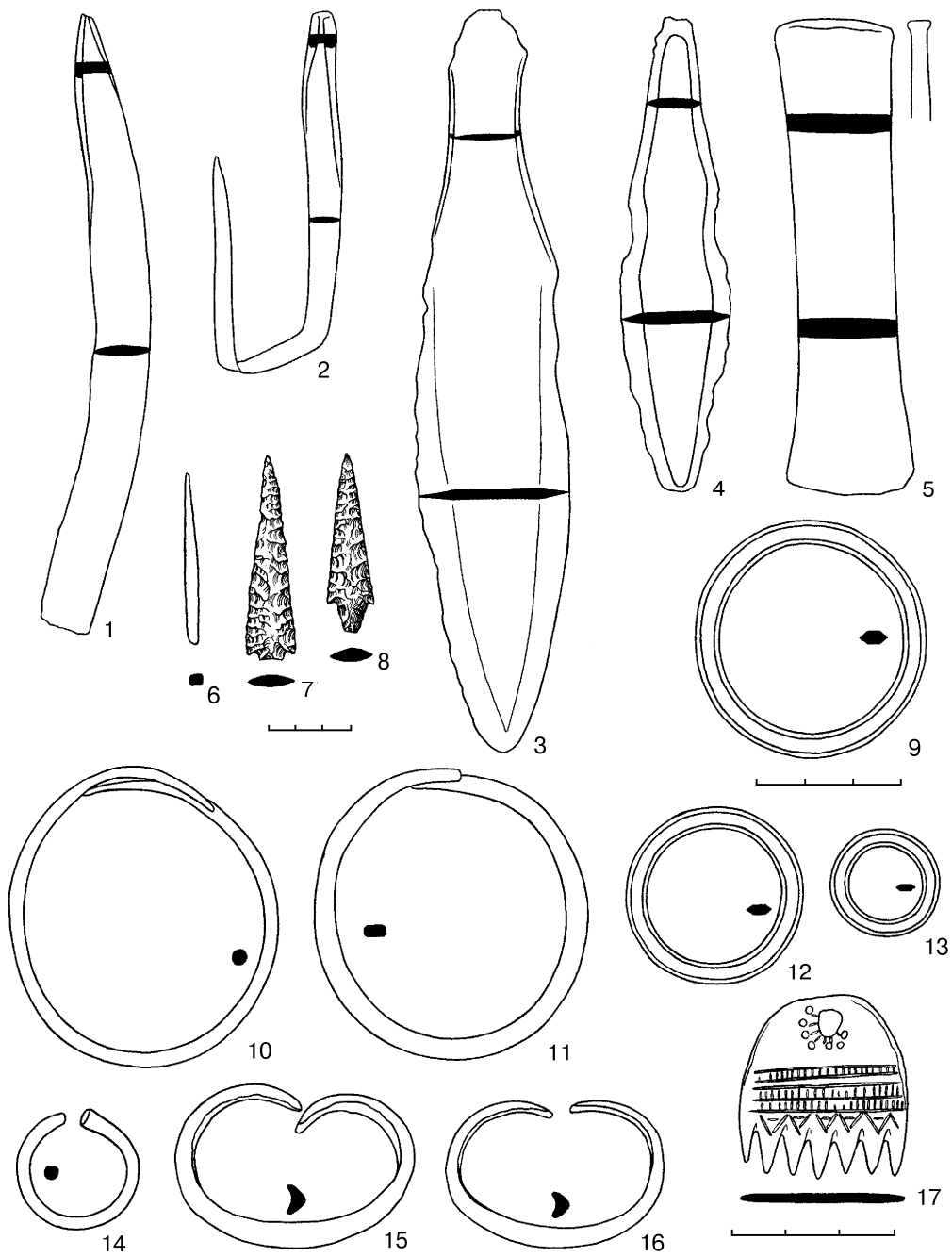

Рис. 10. Турбинский могильник: 1 — кв. IV-105; 2 — раскоп 1960 г.; 3, 6 — раскоп 1959; 4 — кв. М-116; 5 — кв. Р-117; 7, 8 — местонахождение неизвестно; 9—13 — могила 44; 14 — раскоп 1934 г.; 15—16 — раскоп 1926 г.; 17 — раскоп 1935 г. (1—6, 11, 14—17 — бронза; 7—8 — кремь; 9, 12, 13 — нефрит; 10 — серебро).

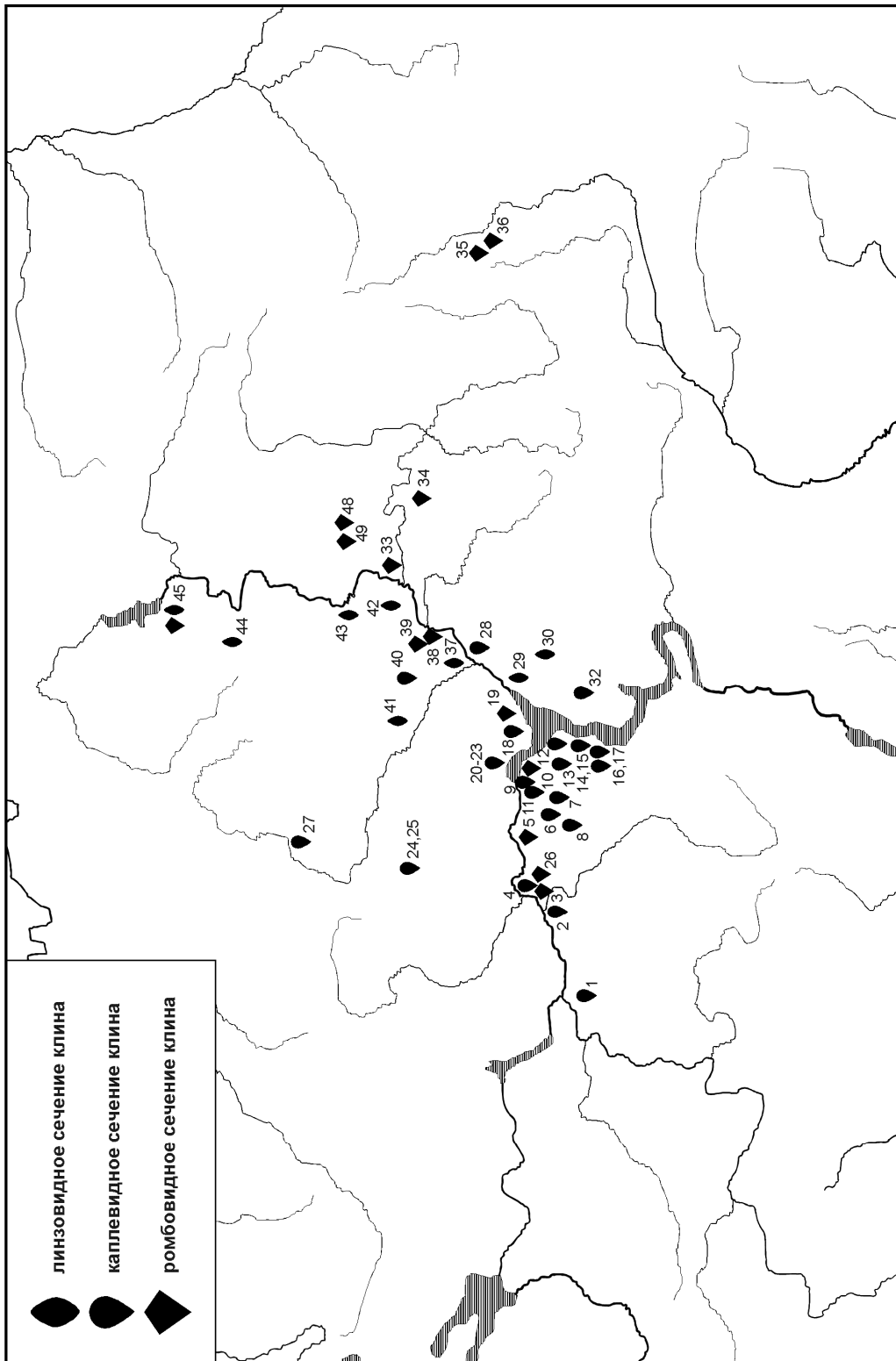

Рис. 11. Карта распространения топоров абашевского типа с каплевидным, линзовидным и ромбовидным сечением клина.

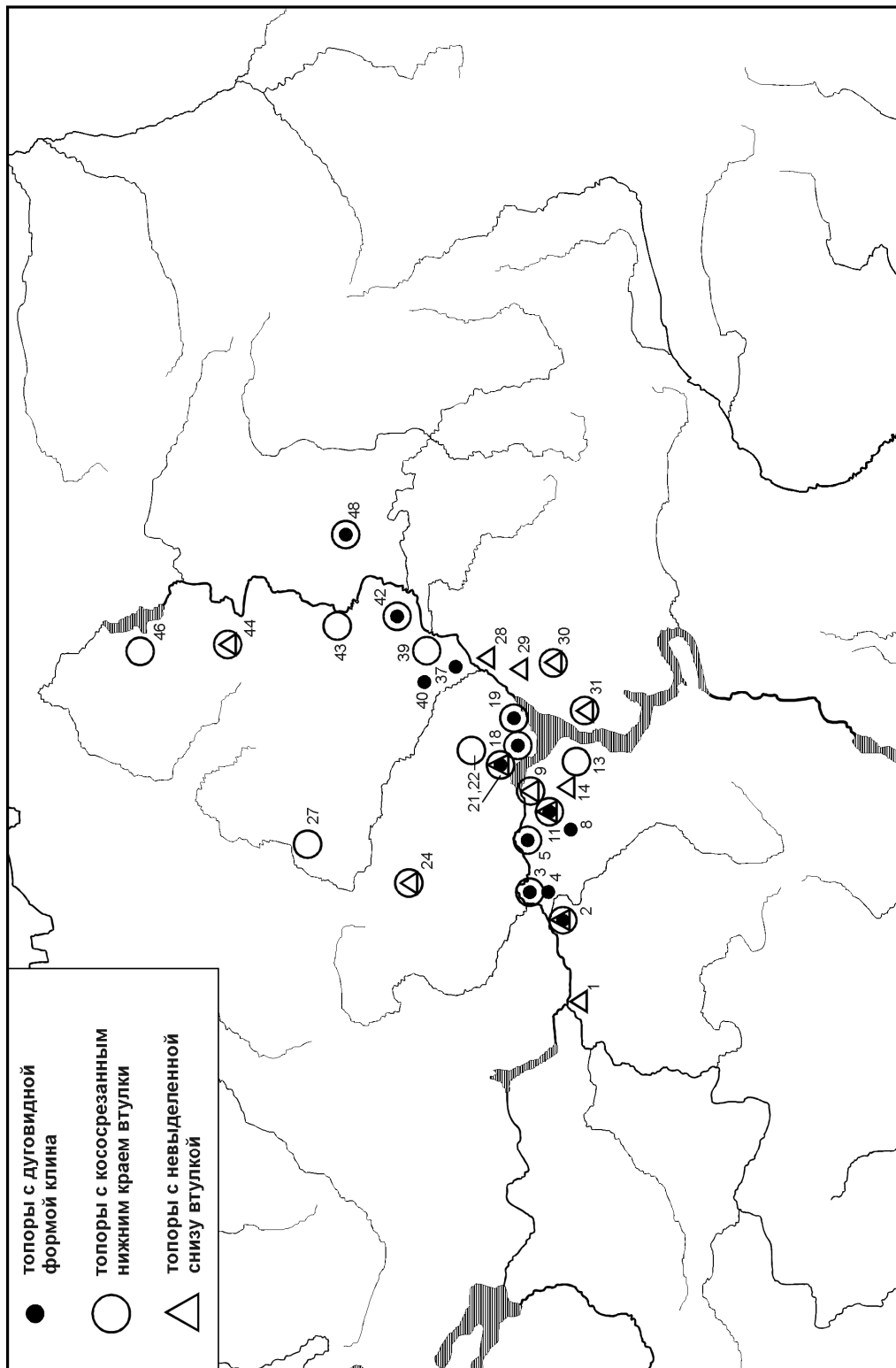

Рис. 12. Карта распространения топоров абашевского типа с дуговидным клином, топоров с кососрезанным нижним краем втулки и топоров с невыделенной снизу втулкой.

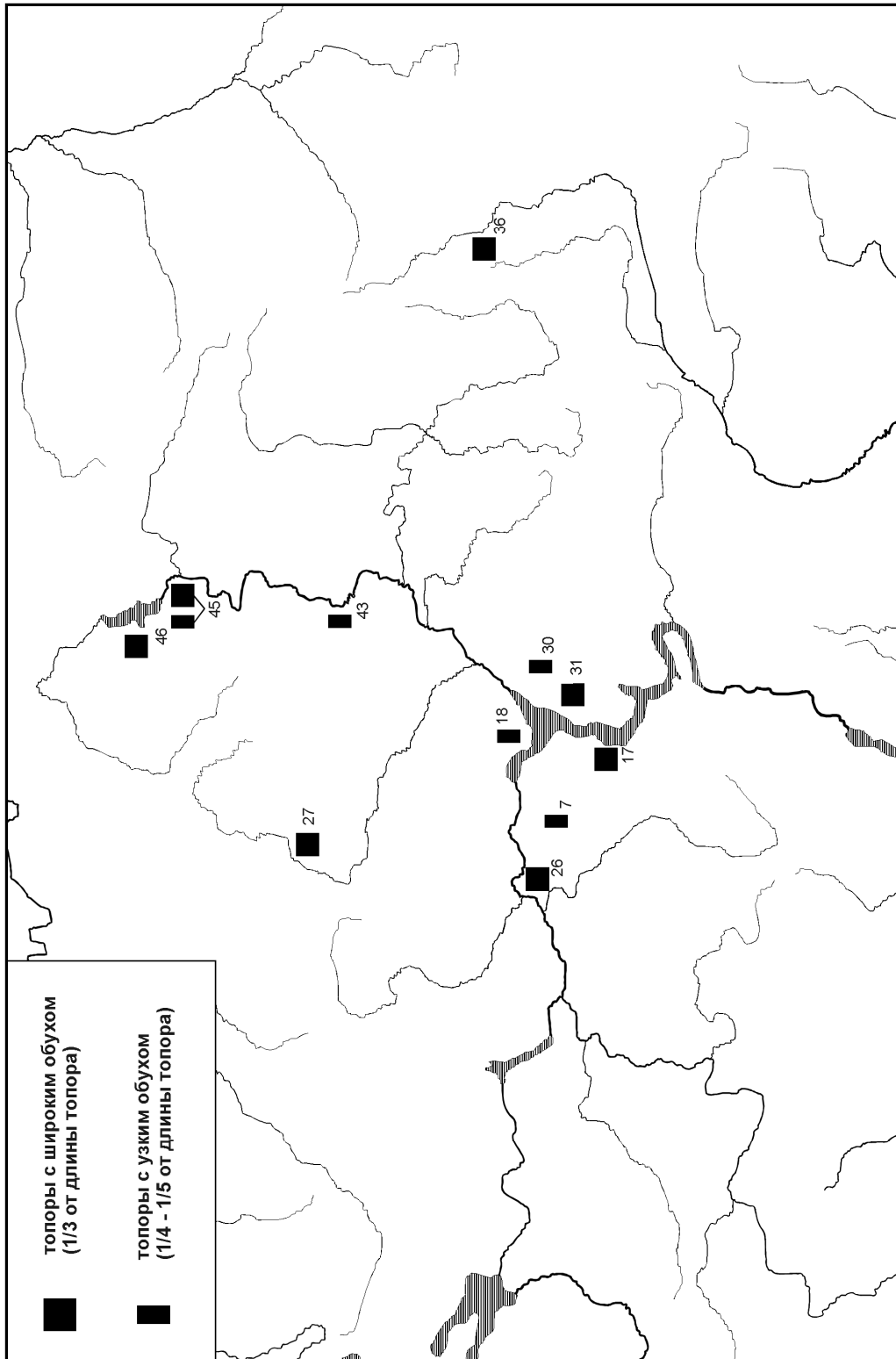

Рис. 13. Карта распространения топоров абашевского типа с широким обухом и топоров с узким обухом.

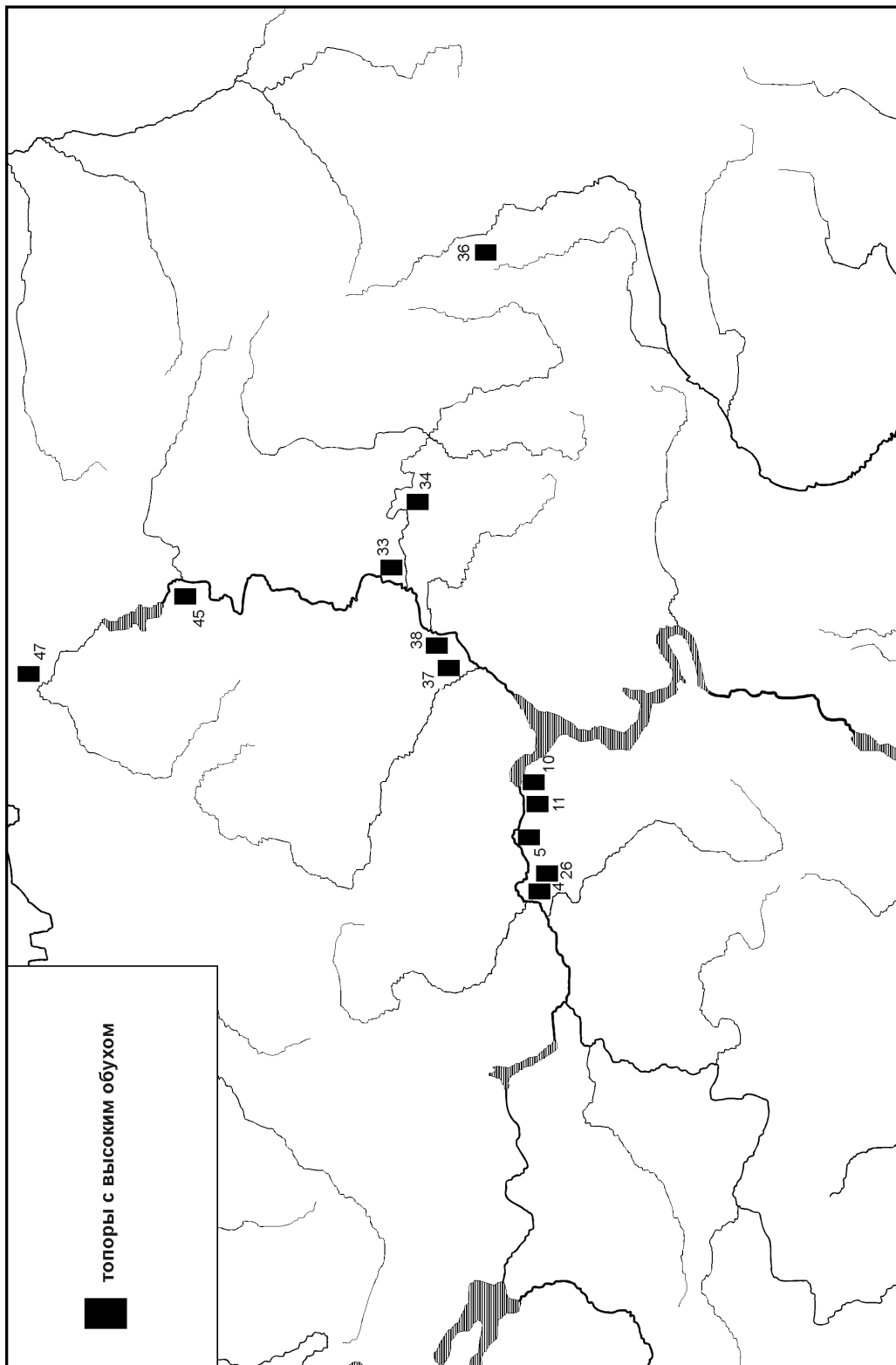

Рис. 14. Карта распространения топоров абашевского типа с высоким обухом.

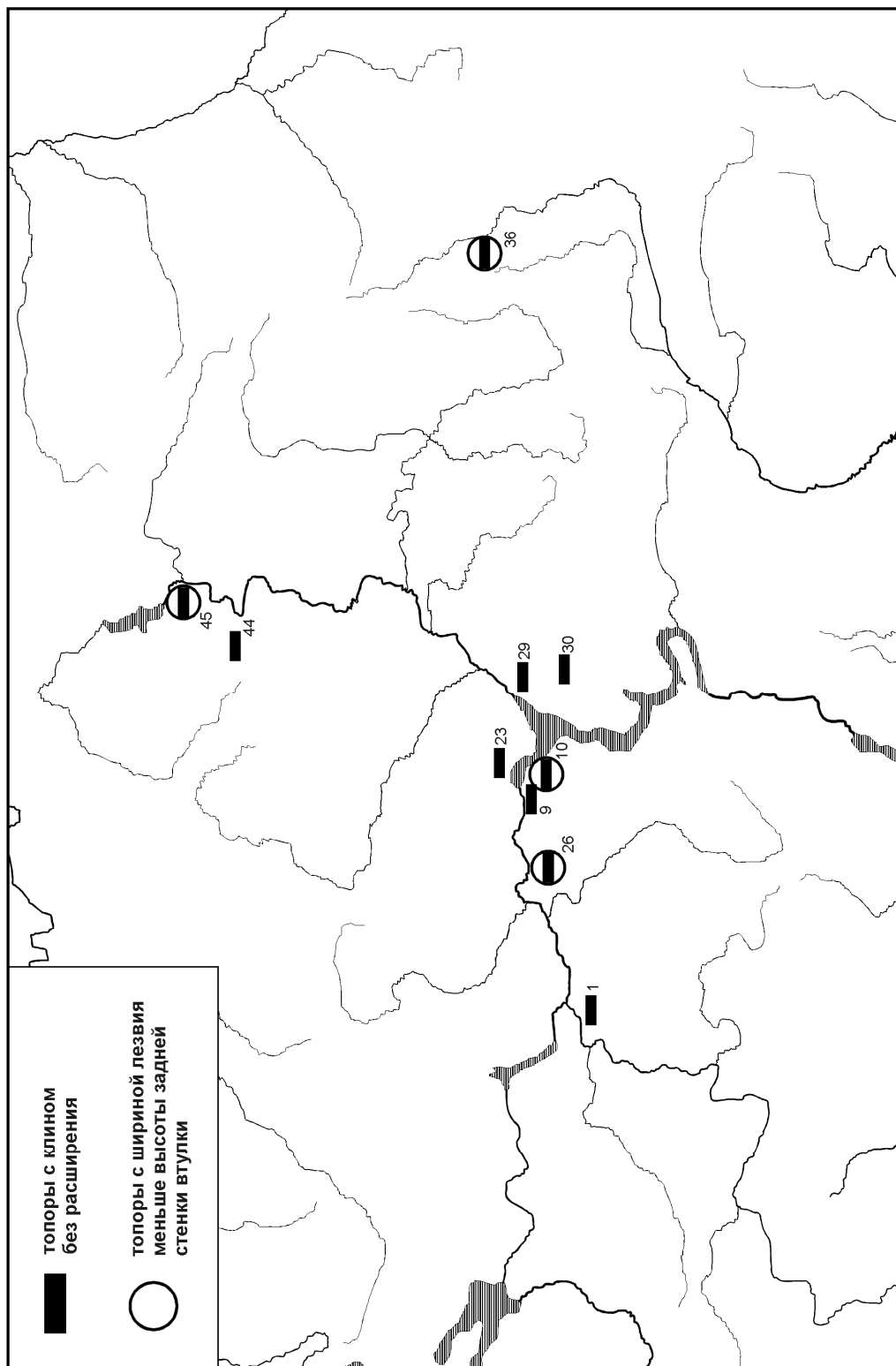

Рис. 15. Карта распространения топоров абашевского типа с клином без расширения к лезвию и топоров с шириной лезвия меньше высоты задней стенки втулки.

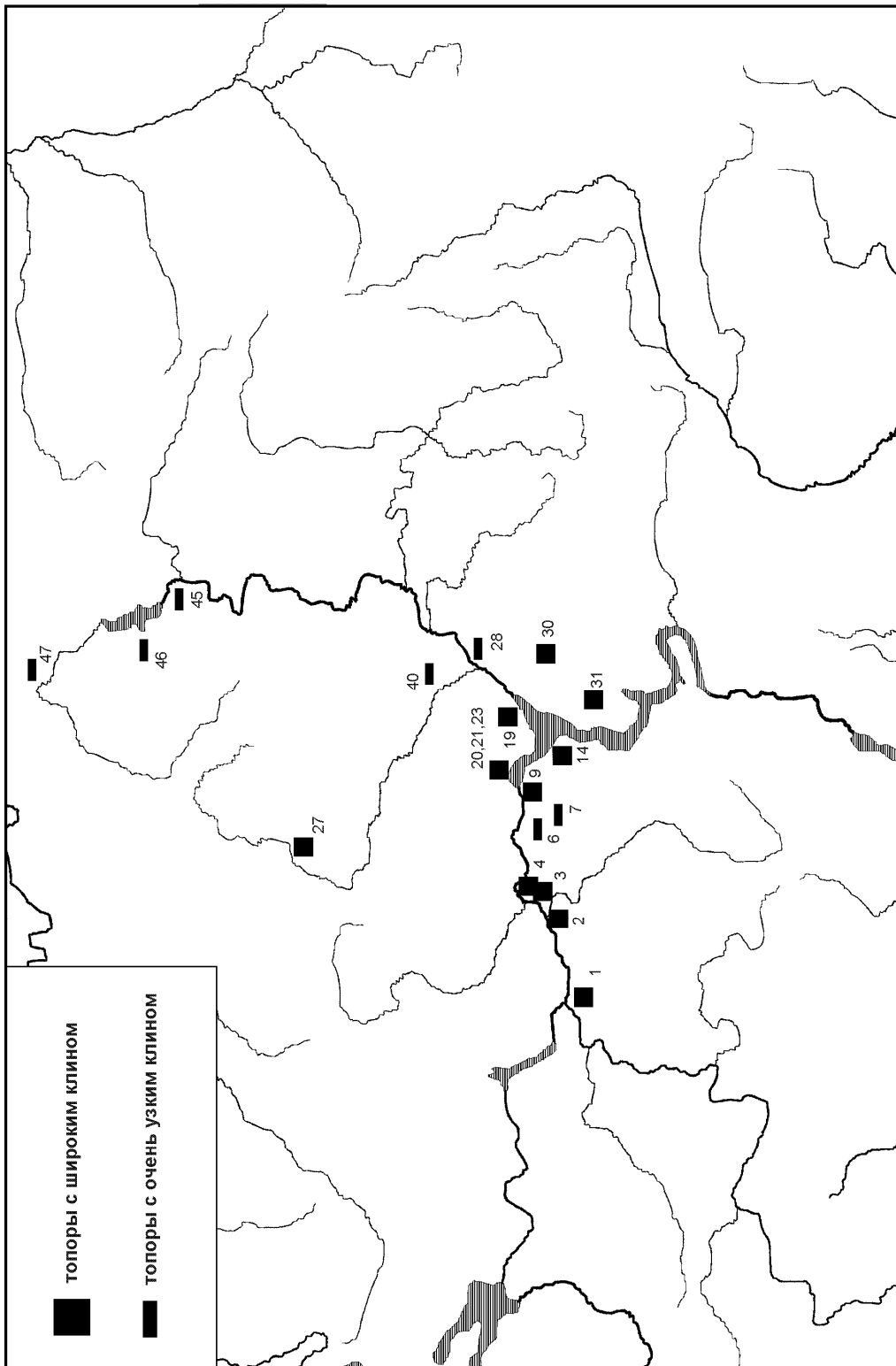

Рис. 16. Карта распространения топоров абашевского типа с широким клином и топоров с очень узким клином.

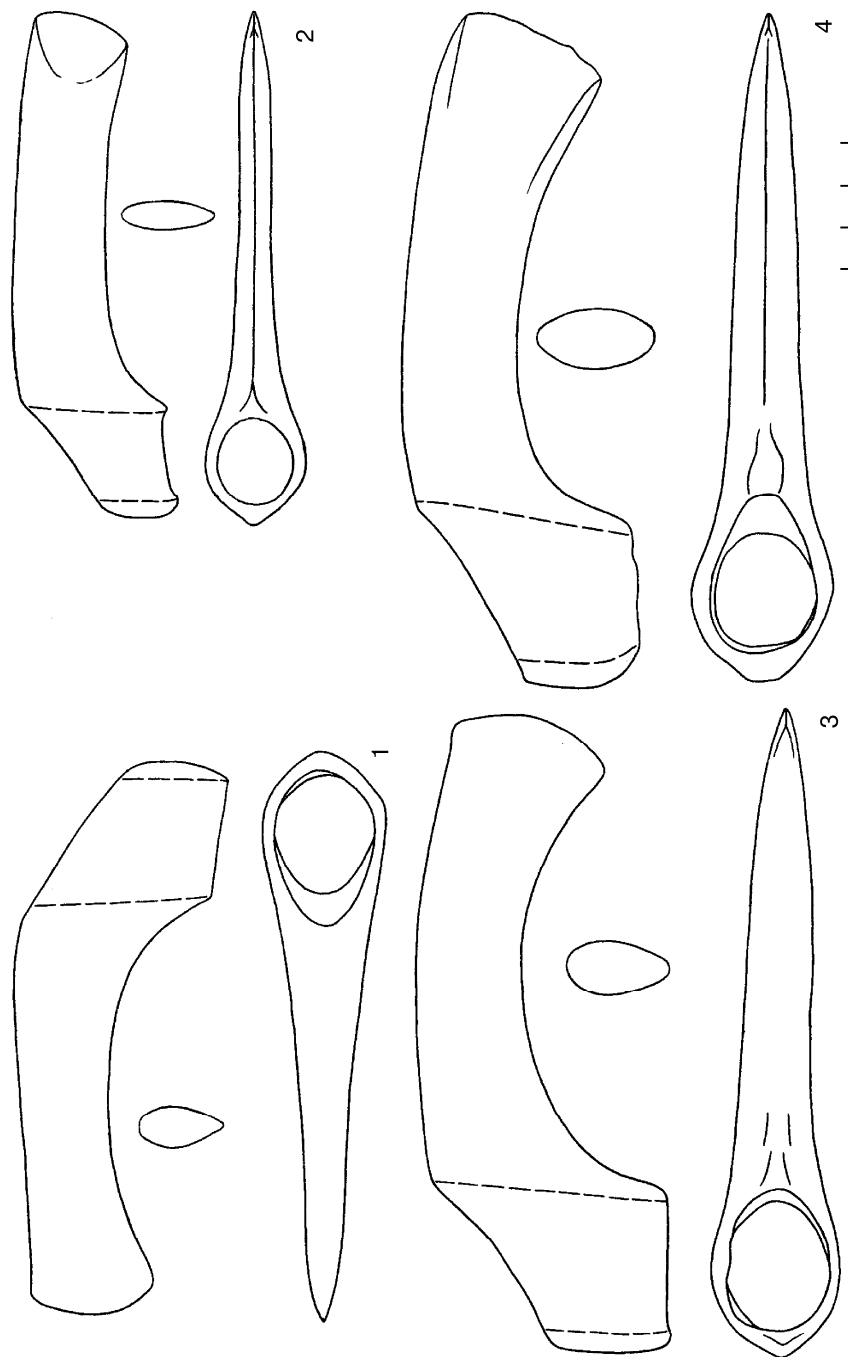

Рис. 17. Топоры абашевского типа: 1 — Яранский у., Вятской губ., 2 — Билярск, 3 — Вятская губ., 4 — п. Рождественский, Елабужский у., Вятской губ.

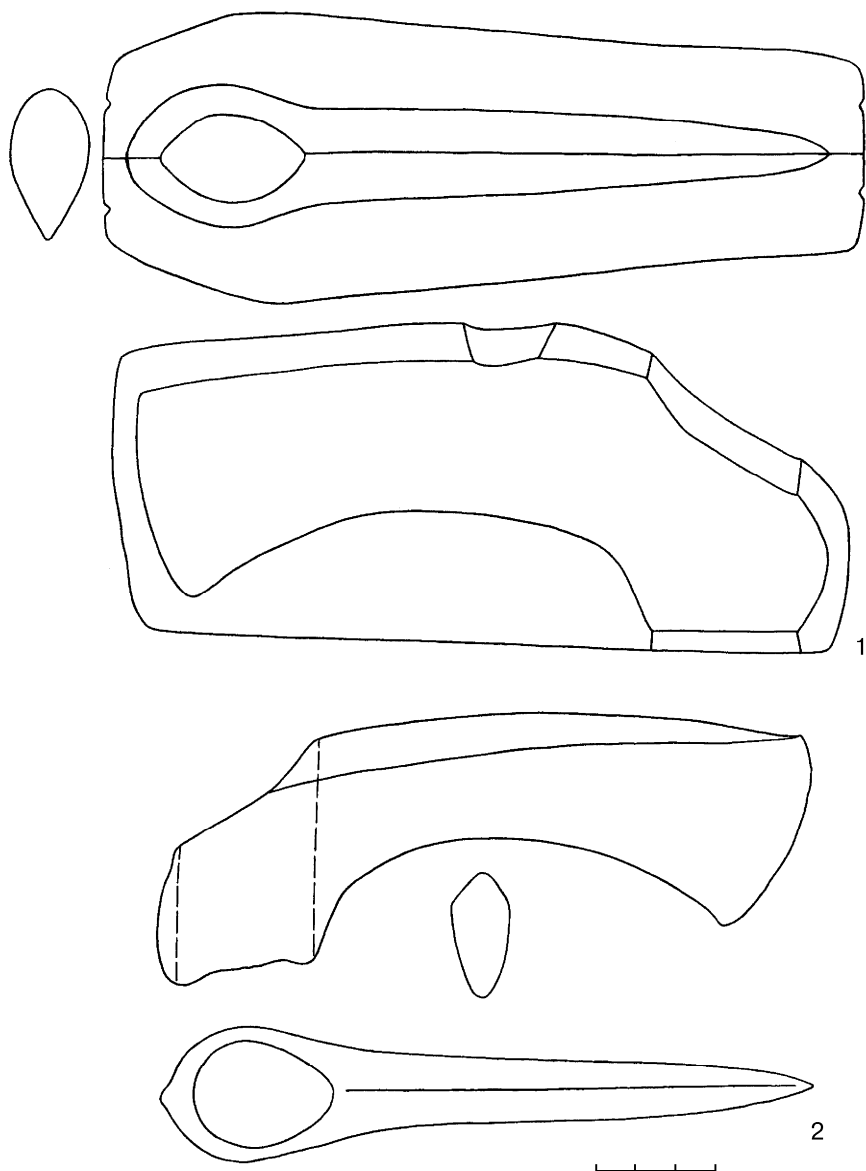
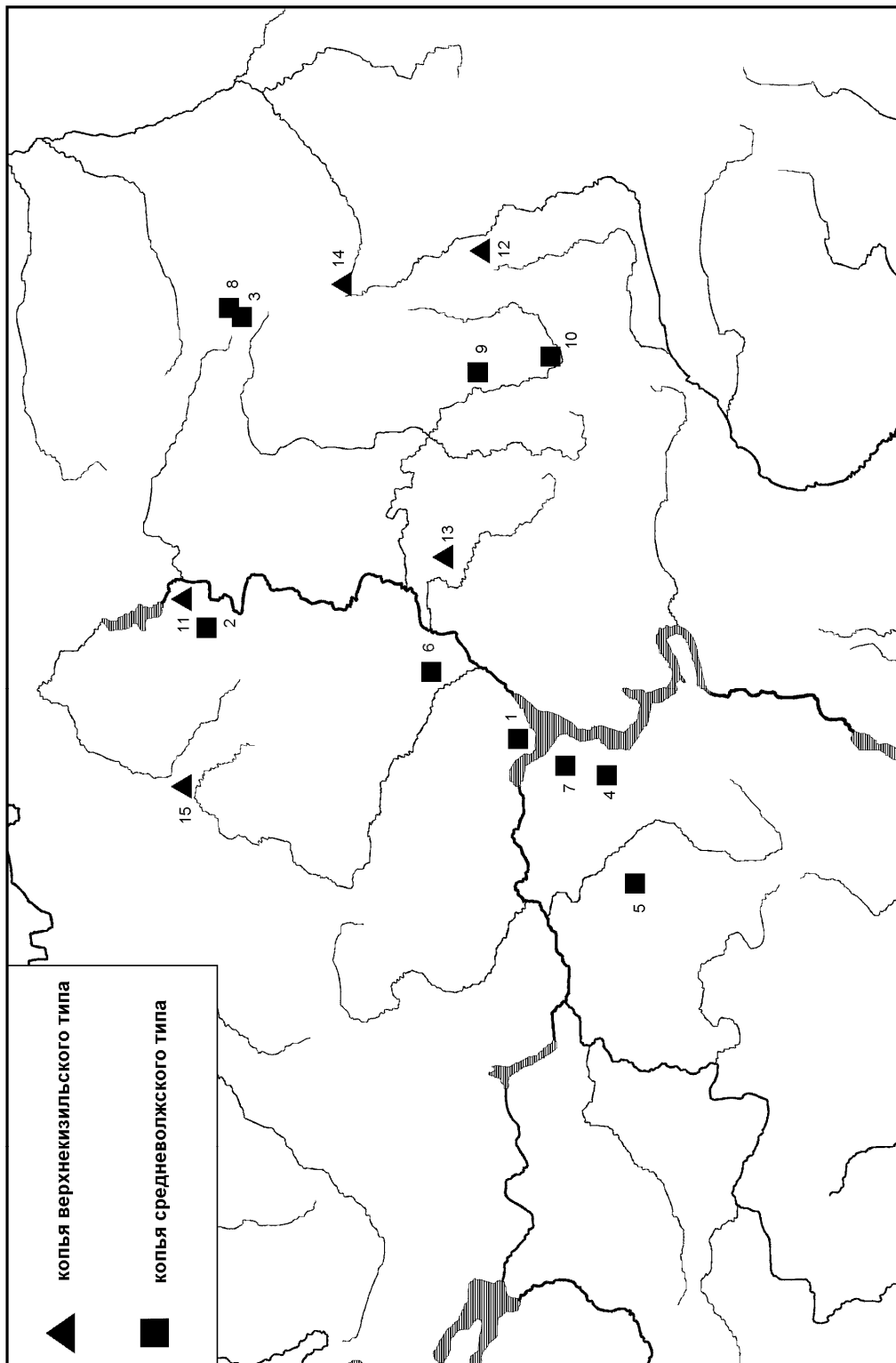

Рис. 18. Топоры абашевского типа: 1 — литейная форма для топора абашевского типа из Пепкино; 2 — топор из Космодемьянского у., Казанской губ.

Рис. 19. Карта распространения абашевских наконечников копий и дротиков:

- 1 — д. Ташкермень, Лаишевский р-н, Татария; 2 — пос. Загорчим, Прикамье, 3 — Областной краеведческий музей г. Екатеринбурга, 4 — Монастырское, Тетюшский р-н;
- 5 — Ош-Пандо, Дубинский р-н, Мордовия; 6 — гор. Грохань, Мамадышский район, Татария, 7 — с. Мими, Апастовский р-н, Татария, 8 — оз. Шарташ, 9 — клад Долгая гора, 10 — Тюбяк, 11 — Турбино, 12 — Верхне-Кизильский клад, 13 — клад Москательникова, 14 — клад Веселова, 15 — Коршуновский клад, 16 — II Береговское пос.

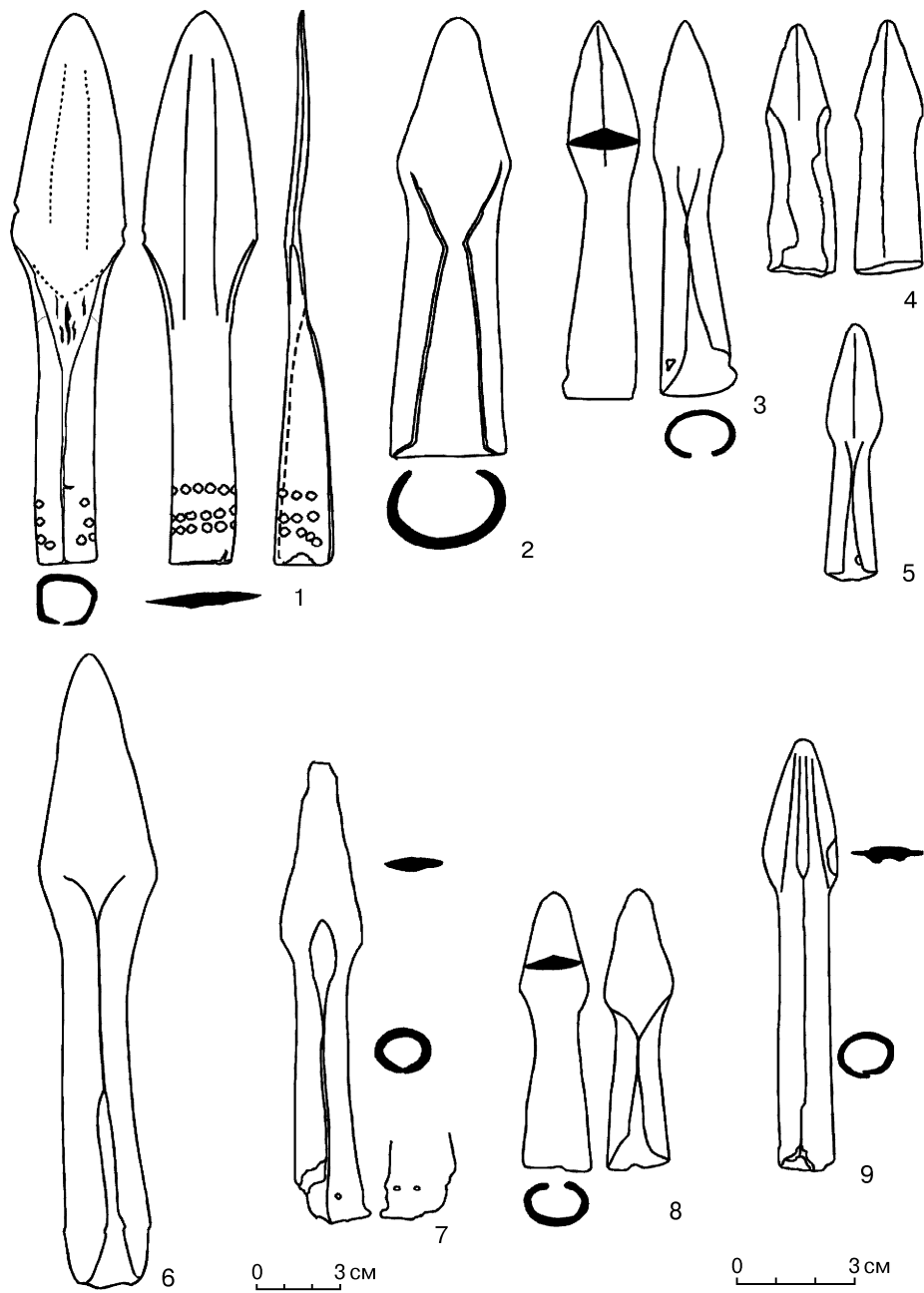

Рис. 20. Копья с открытой сверху кованой втулкой:
 1 — Ош-Пандо, Дубинский р-н, Мордовия; 2 — гор. Грохань Мамадышский р-н, Татария;
 3 — д. Ташкермень, Лаишевский р-н, Татария; 4 — Монастырское, Тетюшский р-н;
 5 — с. Мими, Апастовский р-н, Татария; 6 — пос. Заюрчим, Прикамье, 7 — областной краеведческий музей г. Екатеринбурга, 8 — пос. Тюбяк, 9 — оз. Шарташ.

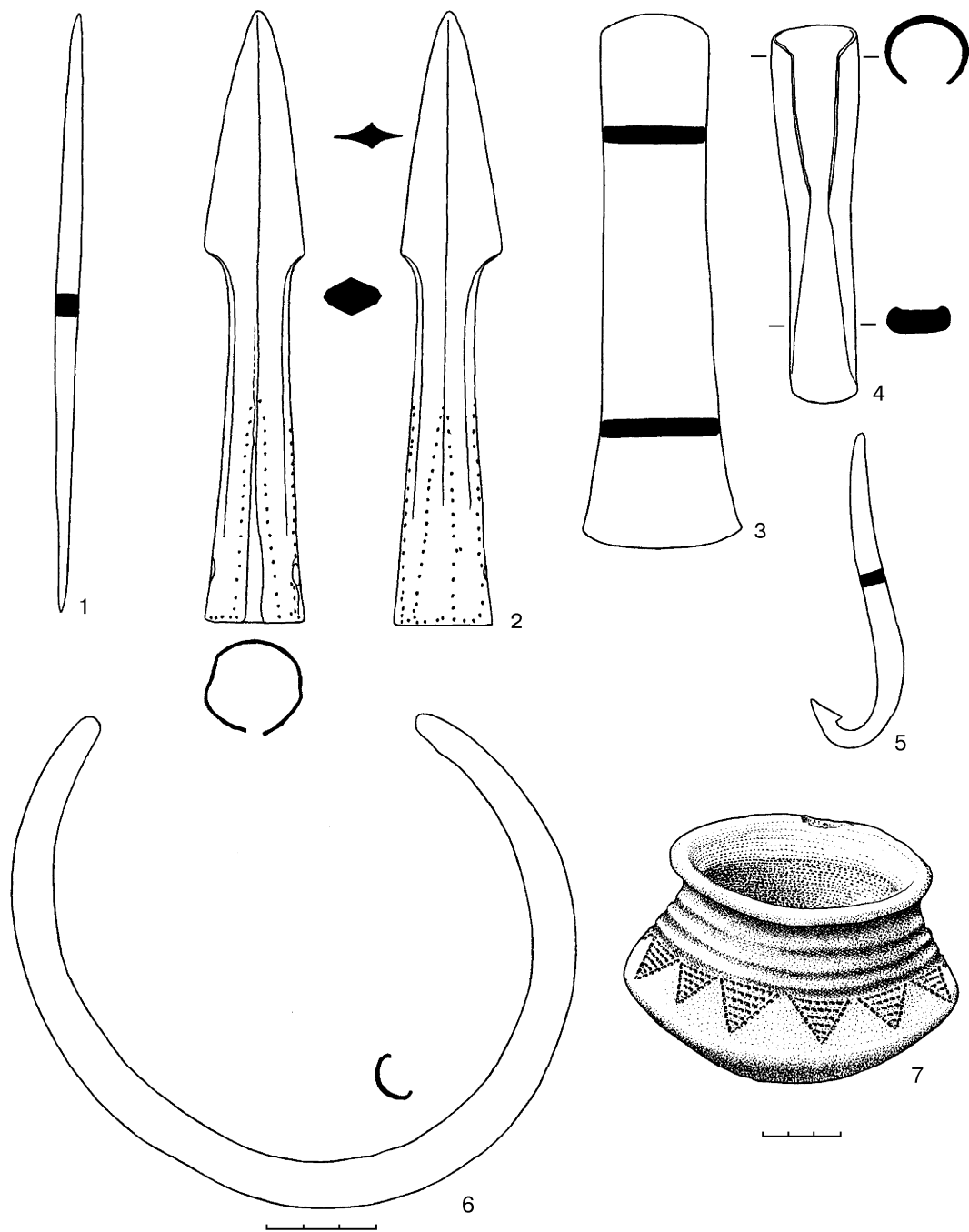

Рис. 21. Верхне-Кизильский клад.

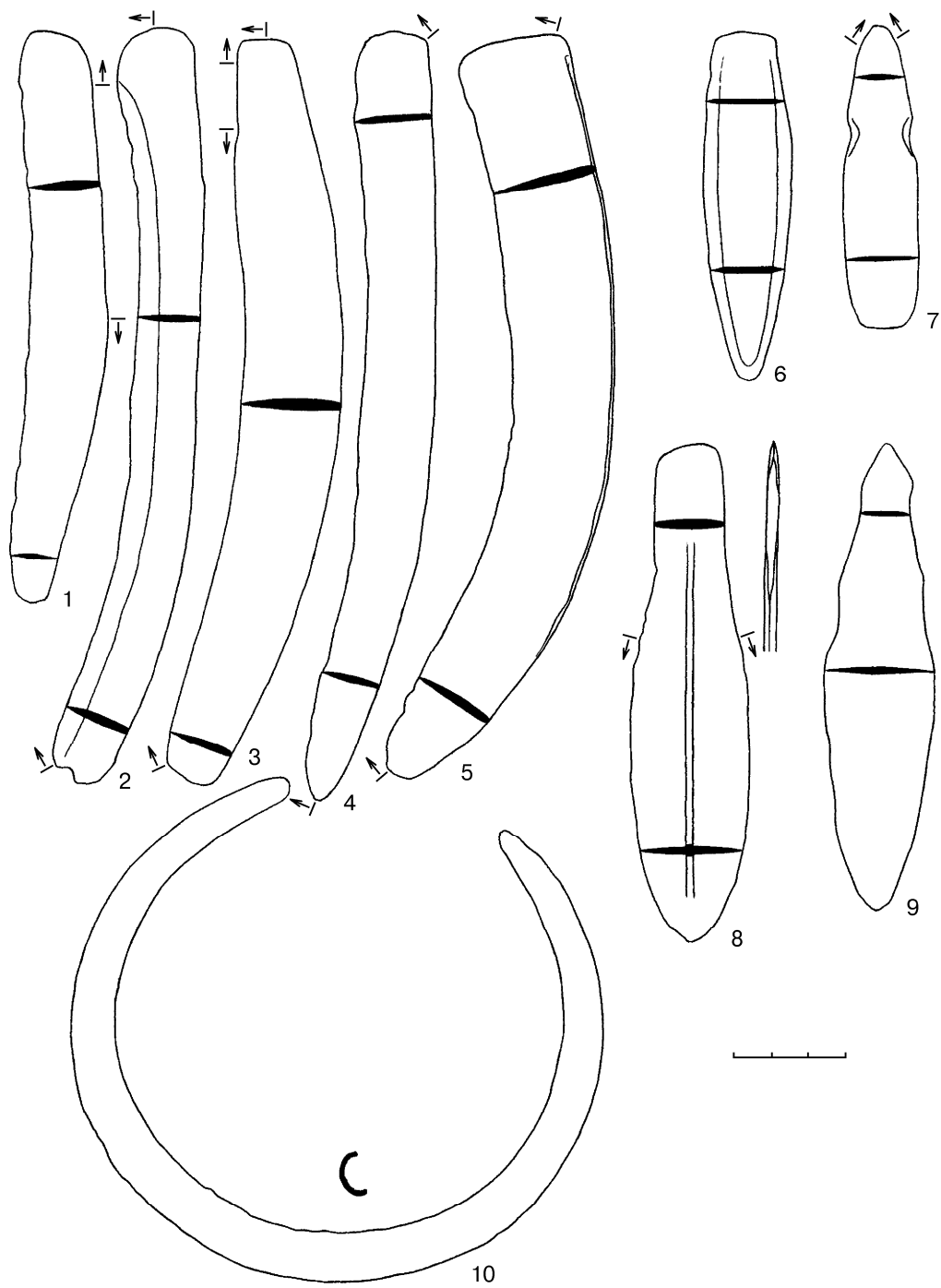

Рис. 22. Верхне-Кизильский клад. Гривна из бронзы, обложенной серебряной фольгой.

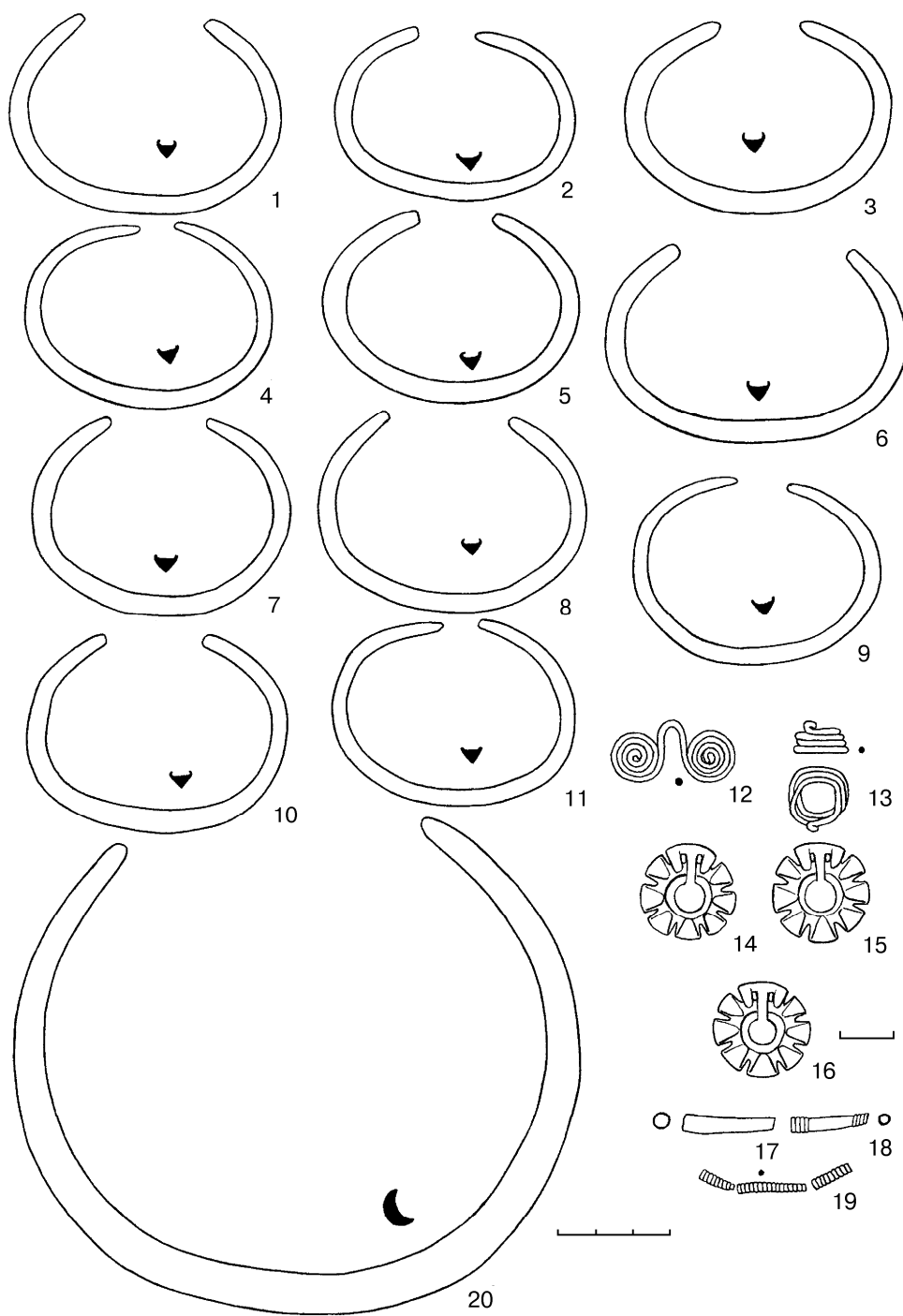

Рис. 23. Верхне-Кизильский клад.

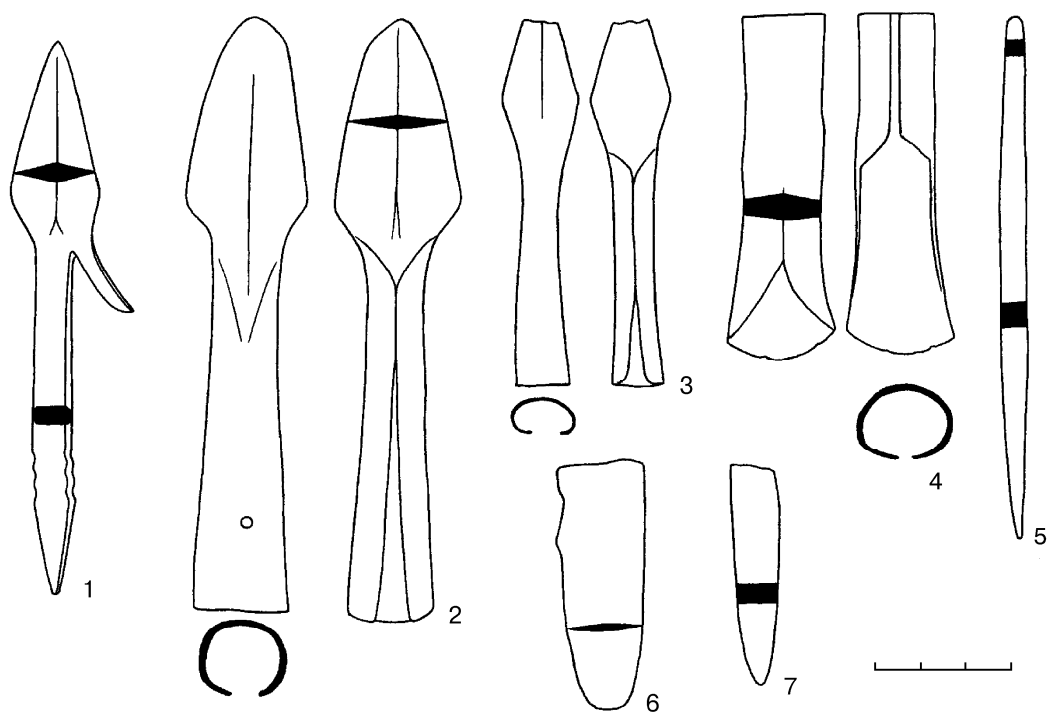
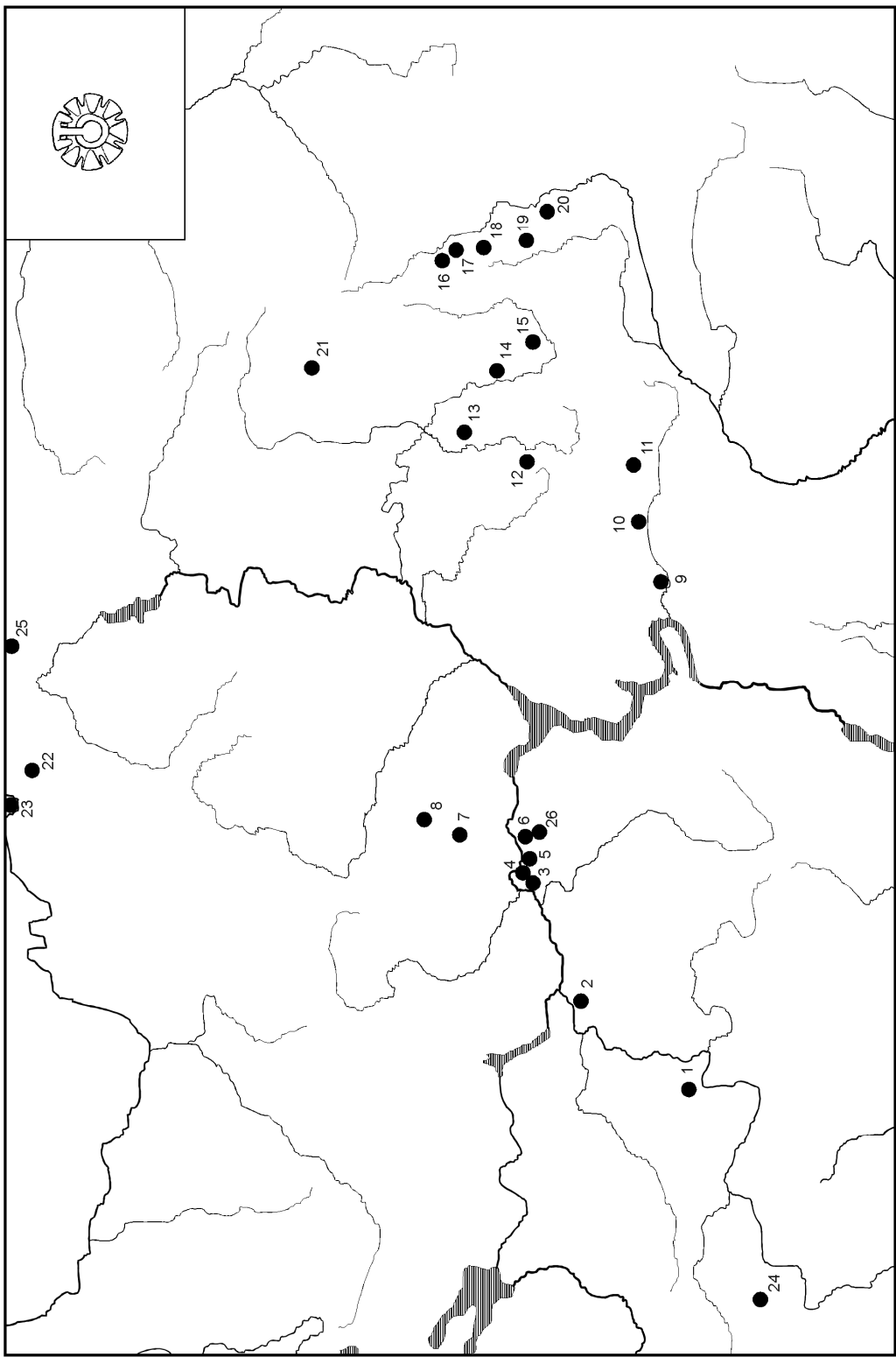

Рис. 24. Клад у Долгой горы.

Рис. 25. Карта распространения бляшек-розеток.

1 – Земские курганы, 2 – пос. Подборица-Щербитская, 3 – II Виловатовский мог., 4 – Пепкино, 5 – Алгаши, 6 – Абашево, 7 – Туруново, 8 – Вильялы, 9 – II Красносамарский мог., 10 – Никифоровское лесничество, 11 – пос. Каляпово, 12 – Ст. Ябалыкы, 13 – Чукраклы, 14 – Урняк, 15 – III Красногорский мог., 16 – Мало-Кизильское сел., 17 – Верхне-Кизильский клад, 18 – мог. Баишево, 19 – VI Тавлыкаевский мог., 20 – мог. Кусеево, 21 – Юкалекулево, 22 – пос. Вис, 23 – Ульяновское погребение, 24 – Огубь, 25 – Писанный камень на Вишере, 26 – Яндашево, 27 – Кухмарский мог.

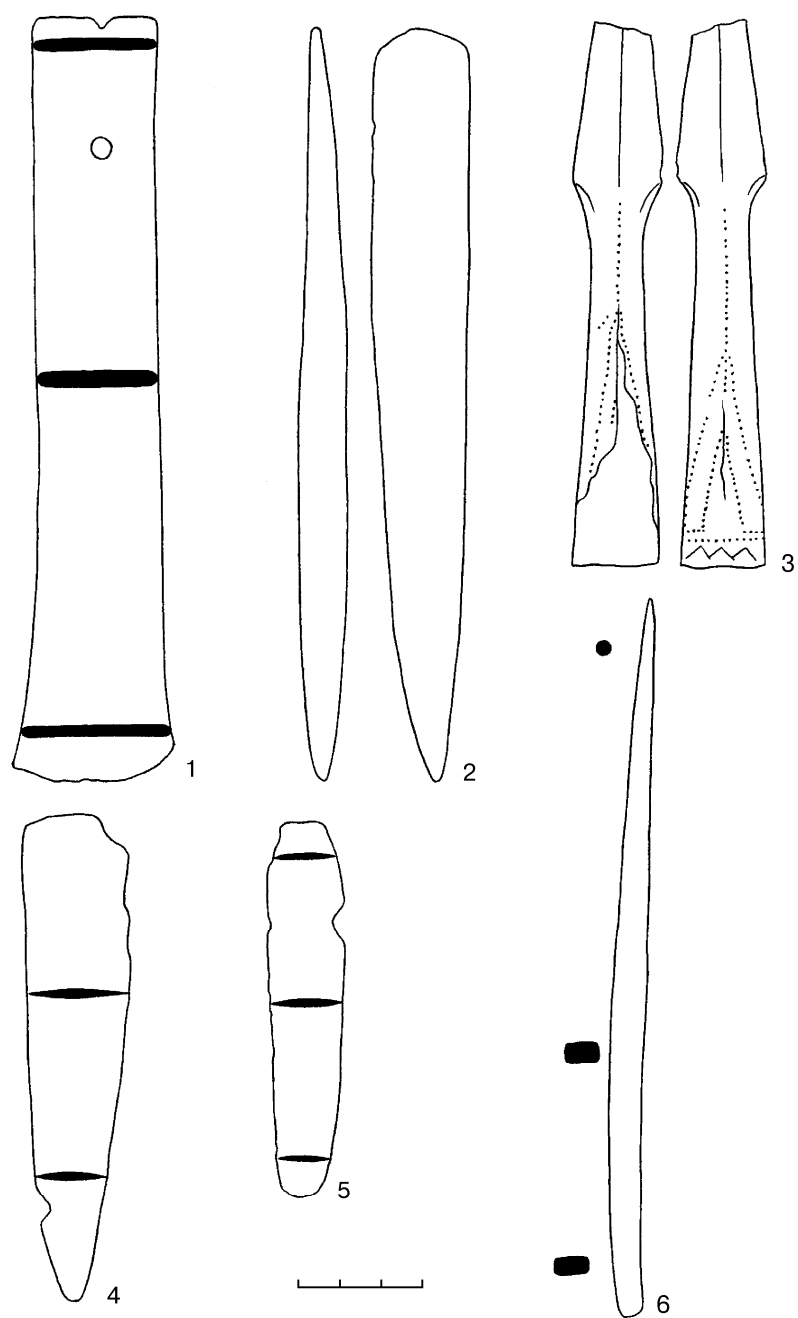

Рис. 26. Коршуновский клад.

РАННИЕ КОМПЛЕКСНЫЕ ОБЩЕСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Одним из важных достижений ранней советской археологии было с энтузиазмом воспринятое стремление социологической интерпретации археологических материалов с целью реконструкции социально-экономических и, уже, социальных отношений древних обществ. Вместе с тем, в условиях той догматической формы исторического материализма, которая официально утверждалась с 30-х годов, это вполне прогрессивное направление было чревато и внутренними конфликтами. Стремление к построению прямолинейных цепочек исторического развития, названное нами формационным эволюционизмом (Массон 1996: 9, сл.), и директивно закреплённая убогость понятийной сетки неизбежно вели к прямолинейным построениям и заключениям, лежащим в рамках ортодоксального подхода.

Это в полной мере сказалось и на интерпретации археологических материалов Восточной Европы эпохи палеометалла, прежде всего двух таких выдающихся феноменов доскифской эпохи, как трипольская культура и великие степные общества. Трипольское общество реконструировалось как классический пример общества мотыжных земледельцев с матриархальными отношениями. В известной книге А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого “Родовое общество степей Восточной Европы” (1935) переход от памятников ямного типа к более поздним рассматривался как результат смены матриархальных отношений патриархальными. Постепенно чрезмерная архаизация достаточно развитых памятников стала вызывать сомнения, но по-прежнему вся интерпретация велась в прокрустовом ложе официальной понятийной сетки. Н. Биби́ков с энтузиазмом стал писать о патриархальных отношениях в трипольской среде, связывая это в частности с распространением пашенного земледелия (Биби́ков 1953; 1965). Заметно была повышена рамка социологического уровня и для степных обществ. В вышедшем в 1956 г. подновленном издании “Очерков истории СССР”, макет которых увидел свет еще в довоенные годы, писалось о степных обществах, что там происходит окончательное становление патриархальных отношений. “Формируются большие патриархальные семьи. Отдельные племенные объединения создают союзы племен” (Очерки 1956). Близкую характеристику давали и исследователи замечательного Михайловского поселения ямной эпохи: “Это общество было способно к сооружению мощных оборонительных сооружений, что могло быть достигнуто лишь при условии концентрации усилий большого родового или племенного коллектива под властью мощной патриархальной племенной верхушки” (Лагодовская, Шапошникова, Макарова 1962: 101). С такой характеристикой солидаризировался в своем обобщающем труде и Н. Я. Мерперт, особо подчеркивая роль власти племенных вождей (1978: 129—134). Тем временем археологические исследования доставляли все новые свидетельства высокого уровня развития обществ доскифской эпохи. Были открыты поселения-гиганты трипольской культуры на Украине и в Молдавии. В Уральском регионе раскопан могильник Синташта с ярко выраженными гробницами знатных колесничих, а затем был открыт Аркаим — круглопланное поселение с двойным обводом оборонительных стен, которое при продолжении исследований оказалось отнюдь не одиноким. Были сделаны попытки объяснения этих феноменов в рамках бытующей понятийной сетки. Раскопки в Южном Туркменистане, в первую очередь на поселении Алтын-депе, позволили охарактеризовать местное общество бронзового века как протогородскую цивилизацию (Массон 1967). Это понятие было использовано и для характеристики

Триполья (Шмаглий 1980; см. также статью Н. М. Шмаглия и М. Ю. Видейко в настоящем сборнике). Хотя на сей счет высказывались и определенные сомнения с тем, чтобы предупредить поспешную модернизацию с “выравниванием” уровня развития местного общества на месопотамские рубежи (Массон 1975; Збенович 1980), привлекательность такого подхода находила на Украине широкое признание. Была сделана попытка использовать ту же понятийную сетку и для Приуралья. Г. Б. Зданович стал говорить о феномене протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей (1989). Позднее в работах челябинских исследователей широко используется термин “протогородская цивилизация” в связи со стремлением определить группу овальных укрепленных поселков как “страну городов” (Зданович Г., Зданович Д. 1995).

Однако прямое перенесение терминологии, выработанной для высокоразвитых регионов ближневосточной зоны, не позволяло достаточно полно охарактеризовать конкретную специфику и внутреннее развитие, движущие силы обществ, оставивших эти выдающиеся памятники культуры. Поэтому было предложено использование концепции ранних комплексных обществ, в общем плане охарактеризованной в тезисах методологического семинара Института истории материальной культуры (Массон 1991). В тезисной форме рассматривался вопрос о конкретной характеристике под этим углом зрения трипольских памятников (Массон 1990), степных культур (Массон 1995) и майкопского общества на Северном Кавказе (Массон 1991а). Последнее в развернутом виде представлено во втором сборнике данной серии (Массон 1997).

Остановимся на некоторых общих положениях. В книге, опубликованной в 1962 г., Е. Сервис предложил четырехступенчатое деление социо-политических организмов в их развитии: группа, племя, чифдом (вождество), государство (Servis 1962). При этом для организма, названного “чифдом”, подчеркивалось наличие центральной фигуры или вождя, который координирует социальную активность и обладает определенными привилегиями. В схеме М. Фрида, более ориентированной на политические структуры, была использована уже иная терминология, в том числе “стратифицированное общество” (Fried 1967). По этой схеме общество проходит три этапа развития — эгалитарное общество, общество ранжированное и общее стратифицированное (Fried 1967). Постепенно в научной практике все более получало права гражданства для древней истории такое понятие как “раннее комплексное общество”. Широко использовал такой подход К. Ренфрю в своей книге “Накануне цивилизации. Радиоуглеродная революция и доисторическая Европа” (Renfrew 1973). Приняв более древние, калиброванные датировки европейских культур, К. Ренфрю, наперекор популярным взглядам “свет с востока”, постарался объяснить феномены древнеевропейской истории на основе внутреннего развития. На основании этого подхода он трактовал общества, оставившие такие памятники как Лос Миллиаре и Стоунхэндж, именно как комплексные общества. Эти взгляды он развивал и в последующих работах (Renfrew, 1984). Эта тематика весьма популярна в западной литературе, ей посвящались и особые коллоквиумы, и специальные сборники. Имеются и удачные попытки привязки общесоциологических заключений к реальным археологическим материалам конкретных регионов, как это, например, сделал для бронзового века Дании К. Кристиансен (Kristiansen 1991).

По традиционной понятийной сетке формационного эволюционизма весьма показательна дилемма: первобытный строй — классовое общество, когда заключительные этапы первого характеризовались как “разложение” с психологическим приматом негативной характеристики. Вместе с тем целый ряд ранних культур Евразии V—II тыс. до н. э. характеризуется высоким уровнем культурного и интеллектуального прогресса, который не мог быть достигнут без развития соответствующего уровня общественных структур. В этом отношении концепция ранних комплексных обществ является весьма перспективной.

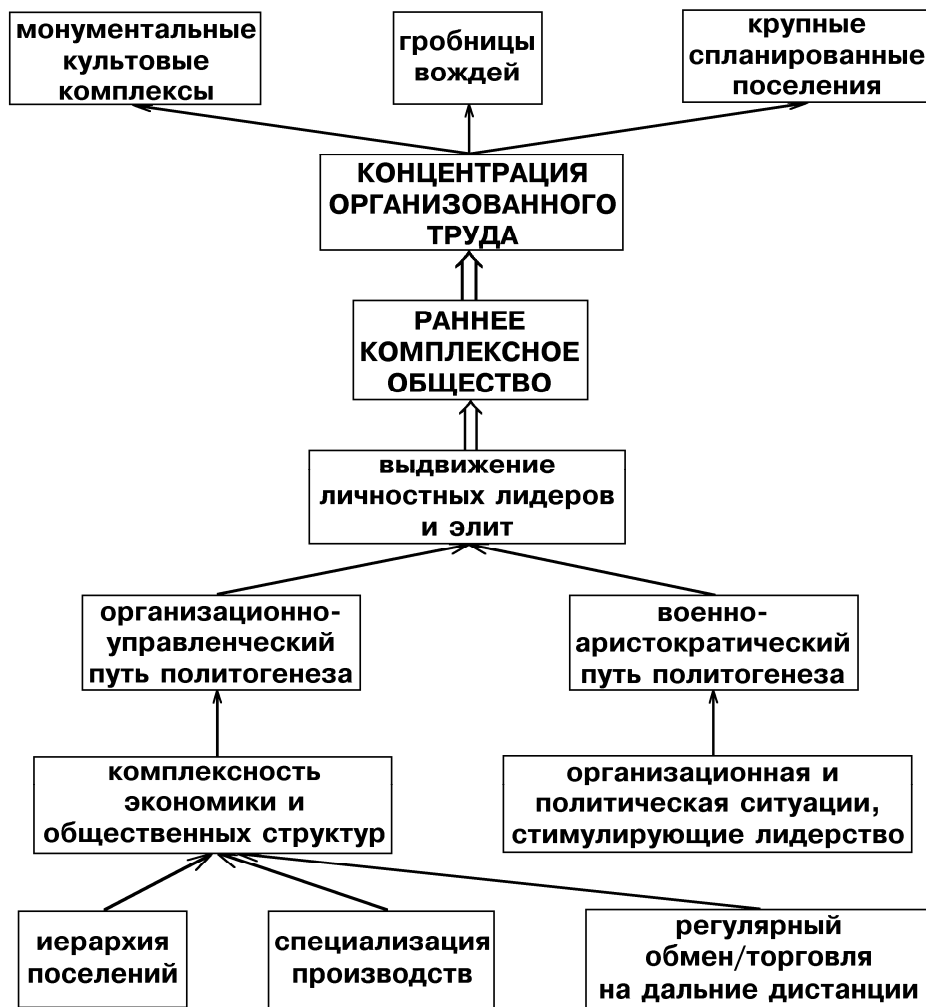

Рис. 1. Ранние комплексные общества. Факторы формирования.

Существуют достаточно пространственные характеристики признаков комплексных обществ. В одной из своих публикаций К. Ренфрю приводит список из 20 показателей, характеризующих, по его мнению, комплексные общества (Renfrew 1974: 73). Не все они равнозначны, и далеко не все могут быть выявлены на археологических материалах, которые характеризуют именно ранний этап развития и функционирования этих структур. В сокращенном варианте можно говорить о том, что ранние комплексные общества характеризуются набором показателей, отраженным в организационной структуре, развитии экономической и социальной сфер (рис. 1). Весьма важно именно усложнение структур, что и позволяет использовать для характеристики этих образований именно понятие “комплексное общество”. Так, обычно налицо иерархия поселений, что безусловно восходит к многоуровневой организации общества, оставившего эти поселки. Дифференциация строений по величине и благоустройству может свидетельствовать и о происходящем отходе от монотонной эгалитарности. Еще более контрастно это явление выступает на примере гробниц и погребений. Вторым важнейшим обстоятельством является возвышение вождя-лидера, либо целой элитарной страты, которая организует коопера-

рованный труд членов общества. Впечатляющие результаты такой организации в виде памятников материальной культуры могут явиться одним из маркирующих признаков ранних комплексных обществ на материалах археологии. Это могут быть и монументальные культовые строения наподобие Стоунхэнджа или храмов Мальты, и престижные гробницы самих лидеров, и крупные поселения, сама четкая планировка, а порой и масштабы которых отражают наличие именно спланированного, концентрированного труда. В экономике наряду с общим ростом производства весьма важно развитие специализированных производств ремесленного облика и устойчивый обмен или торговля на дальние дистанции, в сферу которой наряду с сырьем вовлекаются престижные объекты и материалы, идущие на их производство, такие, как, скажем, янтарь или бирюза. Вместе с тем налицо и явные показатели внутренней слабости ранних комплексных обществ. Так, здесь социальная дифференциация всего общества (а не только элитных групп) еще не закреплена жестко имущественным положением, восходящим к правам собственности или владения, что характерно уже для классовых структур. Кроме того, в отличие от государственных образований, здесь еще не выкристаллизовался процесс, который К. Кристиансен удачно назвал институализацией бюрократии (Kristiansen 1991: 19). Между тем именно централизованная, устойчиво действующая бюрократическая машина государственных образований являлась фактором, способствующим культурной, социально-политической и, в известной мере, социально-экономической стабильности.

Этот внутренне противоречивый характер ранних комплексных обществ обусловил сам процесс их функционирования как ритмичное развитие, отражающее этапы подъема, стабилизации, упадка и дезинтеграции. Когда в силу ряда обстоятельств складывались условия для формирования и успешного функционирования ранних комплексных обществ, налицо их расцвет, оставляющий, как правило, впечатляющие материальные результаты своей деятельности. Наоборот, когда эти факторы исчезают, а сама структура, не переходящая на следующий этап развития в виде государственных образований, исчерпывает свой потенциал, налицо распад, дезинтеграция и определенный отход почти во всех проявлениях культурной и интеллектуальной жизни.

Достаточно разнообразны пути развития ранних комплексных обществ (рис. 2). Многообразие путей развития и формопроявления наблюдаются уже в разной направленности на результаты кооперированного труда от культовых центров до монументальных гробниц. Раннеземледельческая эпоха на Ближнем Востоке дает классический путь развития ранних комплексных обществ по урбанистическому пути к первым государствам и цивилизациям. Неурбанистический путь развития представлен целым рядом вариантов, отражающим конкретные и сложные пути исторического процесса. В наиболее генерализованном виде можно говорить о балканском и степном пути развития. Особую специфику нацеленности общественного труда на возвышение лидера со своего рода монументальной пропагандой его статуса в виде величественных гробниц дает Кавказ, что было освещено во втором выпуске настоящей серии (Древние общества Кавказа ... 1997).

При учете подобного разнообразия значительную роль играют различия доминантных форм политогенеза. Они представлены двумя основными вариантами — организационно-управленческим и военно-аристократическим. Разумеется, функция организационно-хозяйственного и военного лидерства порой персонифицировались в одном лице или одном общественном органе. Но преобладание той или иной функции накладывало зримый отпечаток на все развитие ранних комплексных обществ.

Исключительную значимость организационно-управленческая функция приобретает в раннеземледельческих обществах. Такие общества, идущие по этому пу-

ти политогенеза, впечатляюще представлены на Балканах и на ранних этапах эволюции Месопотамии. Здесь соответствующие структуры обеспечивали устойчивую стабильность и высокий уровень жизни с четко выраженной тенденцией к эгалитарности, что ярко представлено на Балканах и, возможно, стало одним из источников слабости местных обществ. Необходимость обеспечения ширококомасштабных, единовременных хозяйственных мероприятий в Месопотамии обуславливалась созданием и поддержанием крупных ирригационных систем. В Мезоамерике — проведением в сжатые, четко обусловленные сроки циклов, связанных с подсечно-огневым земледелием. При месопотамском пути развития эта функция на первых порах выполнялась руководящим персоналом храмовых организаций.

Многие западные исследователи широко пользуются термином “чифдом”, что получило некоторое распространение и в отечественной литературе, иногда с заменой на русское словообразование, звучащее как “вождество”. Автор не является сторонником использования такого термина для обозначения целого пласта исторического развития. В нем звучит оттенок определенной системы политической организации с наличием вождя племени или лидера союза племен, что, видимо, не всегда имело место. Понятие “раннее комплексное общество” носит, с нашей точки зрения, более адекватный характер, отражая наличие сложных структур и в экономике, и в типах расселения, и в той же социальной сфере с выделением страты лидеров, которые могли возглавлять те или иные объединения или оставаться в тени, за авторитетом целой социальной прослойки или страты.

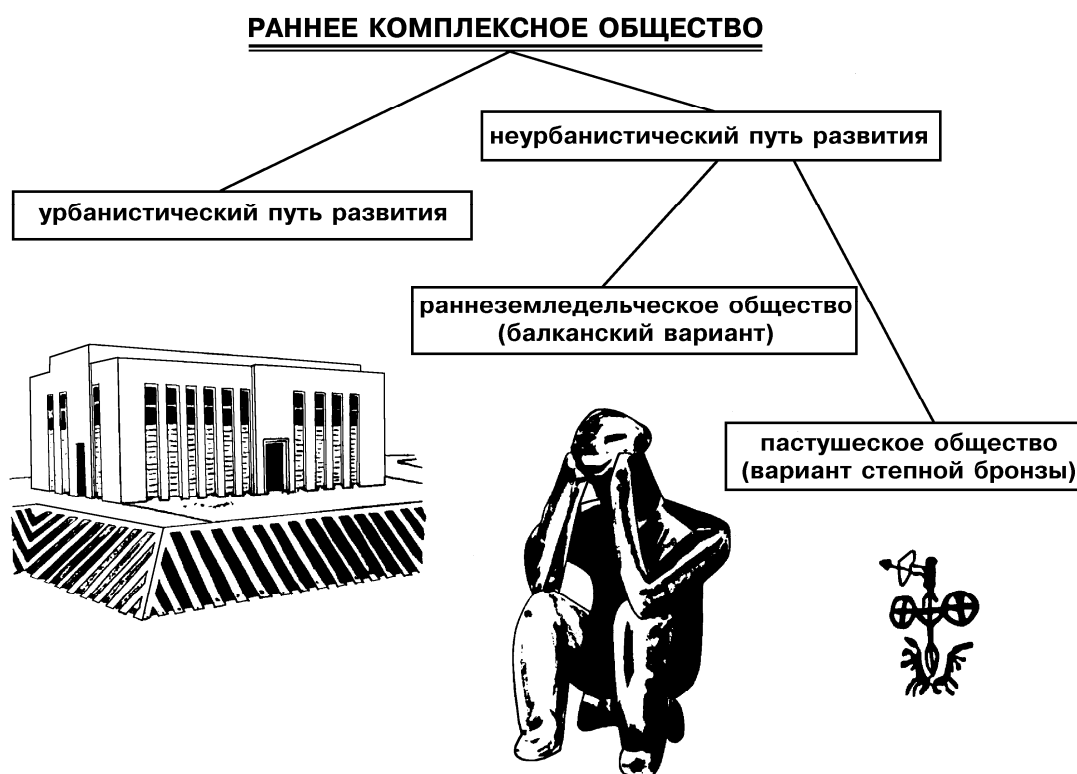

Рис. 2. Ранние комплексные общества. Пути развития.

Совершенно ясно, что ранние комплексные общества, как общественные системы, проходят определенный путь развития, хотя в различных регионах и в конкретной ситуации эти особенности внутренней эволюции могли быть различными (рис. 2). Автором по материалам европейской археологии был поставлен в общей форме вопрос о наличии двух периодов такой эволюции (Массон 1991). В первом периоде, приходящемся в Европе на V — начало III тыс. до н. э., происходит трансформация эгалитарности и экономической автаркии. Правда, следует иметь в виду, что исключительно высокий уровень благосостояния, достигнутый в образе жизни, практикуемом балканскими обществами, как бы затушевывал другие, слабо выраженные проявления внутренней сложности и “комплексности”. Но можно говорить, например, о иерархии поселений с выделением на некоторых из них центральной постройки, резиденции лидера, осуществлявшего, судя по всему, организационно-управленческие функции в первую очередь. Начало накопления ценностей демонстрирует некрополь Варны, оставленный обществом, состоятельность которого, видимо, во многом была обусловлена прибрежной торговлей. Могилы персон, которых можно рассматривать как лидеров, мало выделяются из общей массы, особенно в установлениях самого погребального обряда. Здесь нет ни особого устройства могильных ям, ни неординарных надмогильных сооружений. Правда, налицо престижные объекты в погребальном инвентаре в виде символов власти, каковыми, видимо, являются медное копье с золотыми обоямами и жезл-топорик. Это были начальные этапы трансформации эгалитарности в обществе, высокий уровень благосостояния которого породил своего рода “золотое безумство” (роспись золотом на глиняных сосудах). Вместе с тем, слабое развитие военной функции, ограниченное, собственно говоря, функцией убежища, лишало политогенез важнейшего рычага институализации власти.

Со второй половины III тыс. до н. э. начинается второй этап развития европейских ранних комплексных обществ, интенсификация которого приходится на II тыс. до н. э. На грани периодов лежит почти полная культурная трансформация, связанная, по крайней мере частично, с крушением ранних комплексных обществ первого периода, развивающихся по балканскому пути. Затусшеванность урбанистических начал затрудняла переход на следующий этап общественного развития, в то время как традиционные общественные формы, судя по всему, исчерпали свои потенциальные возможности. Такая социально-политическая ситуация стимулировала и культурную дезинтеграцию.

Второй период европейских ранних комплексных обществ можно охарактеризовать, как время их расцвета с формированием соответствующих политических структур, которые часто обозначают понятием “чифдом” или “вождество”. В области экономики это время активной специализации производств и обменно-торговых связей. Оба эти явления прямым образом связаны с прогрессом и развитием металлургии, характерными для эпохи бронзы.

В этот период социальные перемены ведут к возрастанию престижной ценности вещей. Наблюдается престижный обмен, концентрация соответствующих объектов либо в виде заупокойных даров, либо вкладах, которые по разработкам археологов Дании могут быть альтернативой богатству заупокойных даров, помещавшихся в могилы. Многие клады того времени, во всяком случае в Северной Европе, можно рассматривать как результат престижных социальных актов. В этом отношении особенно показательна установленная датскими археологами временная взаимозаменяемость обрядов богатых могил и престижных кладов, отражающая, пусть и в разных формопроявлениях, сам процесс сосредоточения ценностей в определенных стратах.

Огромную роль во втором периоде начинает играть военный фактор. Завершение освоения территории в руках определенных экономических систем положило начало устремлениям к насильственному перераспределению материальных благ, включая сами контролируемые территории. Развивается и дифференцируется оружейное ремесло, новый виток делает фортификация. Она уже не является упрощенным сочетанием палисада и рва, а представляет собой цельную военно-архитектурную систему. В связи с этой ролью войны, как постоянного промысла, устанавливается статус воинов, которые выделяются в особую страту. Особенно существенно то, что военная функция явилась фактором, стимулирующим процесс политогенеза, институализации власти. Военно-аристократическая форма институализации власти рельефно выявляла структуры социальной дифференциации, связанной с получением и редистрибуцией материальных благ. Военная функция лидера резко повышала его авторитет, открывала новые пути для проникновения в этот ранг других членов общества. Сакрализация военного дела способствовала превращению позиции военного лидера в постоянную должность. Эти процессы характеризовались в свое время многими авторами, в том числе, Ф. Энгельсом, именовавшим соответствующий период временем “военной демократии” (1961: 164, сл.).

Археологические материалы Центральной Европы ярчайшим образом иллюстрируют эти явления. Шлемы, щиты, дифференцированные виды метательного оружия, укрепления и крепости характеризуют своего рода процесс милитаризации общества. Военная функция лидеров блестяще представлена в погребениях вождей конца II — начала I тыс. до н. э., и стандарты Гальштата как бы подводили итоговую черту этим процессам. Военно-аристократический путь политогенеза этих центрально-европейских ранних комплексных обществ конструктивно сочетался в данном случае с развитием отдельных населенных пунктов по урбанистическому пути. В результате складывается кельтская цивилизация, усвоившая на основе процессов культурной интеграции ряд стандартов греко-римского Средиземноморья.

Разумеется, охарактеризованные пути развития не являются некоей ортодоксальной монополией. Могут быть отмечены и другие срезы в развитии ранних комплексных обществ. Заслуживает несомненного внимания предложение К. Кристиансена о различении обществ с централизованной и децентрализованной структурами. Вторые, по его разработкам, связаны с экономикой “престижных объектов” и с индивидуализированными, сегментированными “пастушескими обществами”. Здесь нет городов, и вместо торговых общин и портов над обменом устанавливается контроль центра. Ремесленные центры могут сосуществовать с поселениями, но сами мастера привязаны к элитарным патронам (Kristiansen 1991: 19—20). Изложенные в общем плане предлагаемые разработки, как будет показано в дальнейшем, по крайней мере частично могут быть приложенными к характеристике Триполья и великих степных обществ, особенно периода их апогея.

Меридионально проходящее русло Днепра в течение долгого времени служило в Восточной Европе в пору палеометалла своего рода границей двух зон. К западу от Днепра процветала трипольская культурная общность, а к востоку пестрой чередой проходила смена культур и мощных культурных образований степного круга. В значительной мере эти особенности культурогенеза повторял и социогенез, что и не удивительно, поскольку это были по существу разные стороны одного и того же феномена, который именуется обществом. По этим двум крупным историко-культурным регионам мы и рассмотрим вопросы социогенеза.

Для трипольской общности с открытием крупнейших суперцентров стало ясно, что перед нами четкие свидетельства крупномасштабного организованного труда. Более основательные исследования этих памятников лишь подтвердили такое заключение. Помимо огромных размеров в 250—400 гектар, эти суперцентры отли-

чала достаточно продуманная, повторяющаяся планировка в виде концентрических овалов, по которым располагались домостроения. Выяснилось, что эти овалы рассекались радиально идущими улицами, длина которых, например, на городище Тальянки достигала 100—200 метров (Круц 1990). Улицы прослежены и на поселении Веселый Кут, более раннем по времени по сравнению с Тальянки, что свидетельствует об устойчивости этой планировочной традиции (Цвек 1995). Совершенно ясно, что возведение этих огромных поселенческих массивов производилось с предварительной архитектурной разметкой на местности, а сами масштабы поселков требовали массового и достаточно четко организованного труда. Поэтому было высказано предположение, что мы имеем дело с одним из проявлений такого социоорганизма, как раннее комплексное общество (Массон 1990).

Рассмотрим эту проблему несколько более обстоятельно, чем краткие тезисные формулировки. Трипольская археология является преимущественно археологией поселений, и лишь для позднего Триполья известны погребения и могильники. Погребальные обряды раннего Триполья, не считая захоронений младенцев в жилищах, что характеризует определенный круг культовых представлений, широко распространенных в раннеземледельческих обществах, остается археологической загадкой. Вместе с тем, уже и сами поселения, благодаря их огромному числу (а только на Украине их известно более тысячи), доставляют вполне определенную информацию о структуре оставившего их общества.

Определенные демографические и типологические оценки в этом плане были предложены на основе археологической карты, составленной исследователями Молдавии (Массон, Маркевич 1975; Массон 1980).

Уже для раннего Триполья характерно наличие иерархической системы поселений, восходящей, судя по всему, к иерархическим началам в структуре самого общества. Выделяются три группы поселков: мелкие, площадью от 0,3 до 4 га, средние — от 4 до 10 га и крупные — свыше 10 га (рис. 3). Наличие в одном районе всех трех групп памятников лишний раз свидетельствует об иерархии самих общественных структур. Трипольцы сосредотачиваются в зоне лесостепи Северной Молдавии в то время, как центральный массив лесных почв, видимо, менее благоприятный для земледелия, освоен в гораздо меньшей степени. Наиболее заселенным районом Северной Молдавии является область по Реуту, еще ранее освоенная земледельцами культуры линейно-ленточной керамики. Именно здесь складывается крупное раннетрипольское поселение третьей группы по предлагаемой классификации — Гура-Каменка IX, бывшее, скорее всего, региональным, возможно, племенным центром.

Весьма показательна для судеб трипольской культуры и динамика поселений последующих периодов. Все показатели говорят о стремительном прогрессе, имевшем место в пору среднего Триполья. Если ранее безусловно господствующим типом памятников были мелкие поселки, то теперь лидирующее положение занимают средние и крупные центры, составляющие более половины от общего числа учтенных памятников. Формируются новые районы кустового расселения с собственными центрами — крупными поселками третьей категории. Появляются поселения в естественно укрепленных местах — на мысах и останцах, дополнительно имеющие валы или рвы. Все данные свидетельствуют о том, что после периода экстенсивного освоения новых территорий, приходившегося на пору раннего Триполья, наступает резкий подъем и взлет, связанные, без сомнения, с результативной деятельностью в основных производствах того времени — земледелии и скотоводстве. Судя по всему, был достигнут своего рода демографический оптимум, то есть, параметры населения были наилучшими для функционирования данной хозяйственной системы. Предполагалось, что этот оптимум мог быть и превзойден

(Массон 1980: 210), что нашло подтверждение в продолжающейся миграции населения из этих областей в Днестровско-Днепровское междуречье, как это достаточно четко установлено исследованиями украинских археологов за последнее десятилетие.

Видимо, не случайно с этого времени отмечается и формирование гигантских суперцентров в Днестровско-Днепровском междуречье, наиболее ранний из которых — Веселый Кут — относится к поздним фазам среднего Триполья (Цвек 1995: 41). Образование таких центров знаменовало качественный скачок в иерархии поселений. Теперь верхнюю планку здесь занимают суперцентры наподобие Веселого Кута, чья площадь определяется в 150 га, и чуть более позднего, возможно, его социологического преемника, поселения Мирное, чья площадь составляет уже около 200 га.

Анализ судеб поселенческих структур в пору позднего Триполья в принципе подтверждают наблюдения, сделанные при рассмотрении процессов культурной трансформации в вводной статье настоящего издания. В Молдавии сокращается общее число поселений. Основными по количеству опять становятся мелкие памятники (53 %). Постепенная культурная дезинтеграция сопровождается и демографическим упадком.

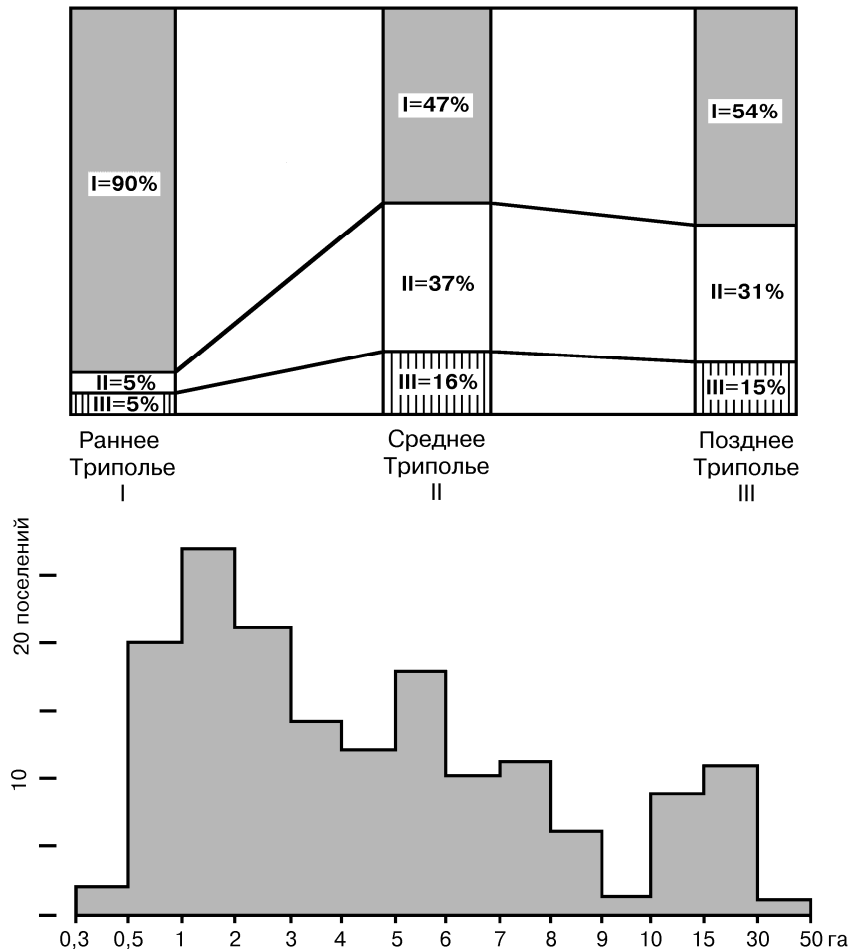

Рис. 3. Гистограмма распределения трипольских поселений Северной Молдавии по площади: I — поселения площадью от 0,3 до 4 га, II — поселения площадью от 4 до 10 га, III — поселения площадью свыше 10 га.

Как можно видеть, основным источником для суждений об отнесении трипольской общности к числу высокоразвитых структур являются именно крупные поселения, своего рода суперцентры. Раскопки украинских археологов, прежде всего на Майданецком и в Тальянках, позволяют достаточно конкретно охарактеризовать эти образования. При первоначальном измерении их площади при естественном энтузиазме было объявлено, что они превосходят по размерам месопотамские города. Однако следует иметь в виду разницу в планировочных структурах. Если на Ближнем Востоке мы имеем предельно скученную застройку, то в трипольских поселениях эта застройка рассредоточенная, с большой незастроенной площадью в центре. При учете коэффициента соотношения суммарной площади жилых строений и общей площади поселения эта кажущаяся разница Триполья и Шумера сокращается до вполне сопоставимых пределов (Массон 1975). Далее вставал вопрос об одновременности застройки и функционирования всех этих колец жилых комплексов, составляющих внутреннюю структуру суперцентров. Детальные исследования рисуют картину их постепенного формирования. Так, в Тальянках первоначально были сооружены жилища в центре и внутреннем круге. На втором этапе начал застраиваться внешний круг, и продолжалось строительство в центре (Рыжков 1990). На Майданецком исследователи выделяют три этапа строительства. Первоначально, видимо, имела место свободная застройка, затем были организованы второй и третий обводы, и, наконец, на третьем этапе появляются третий и четвертый обводы (Шмаглий, Видейко 1990). Вместе с тем, по заключению исследователей Тальянок, на заключительном этапе все постройки, возводившиеся в разные периоды, функционировали одновременно, и таким образом это был весьма значительный населенный центр.

Произошло уточнение и количественных параметров этого бесспорно большого числа обитателей. В Тальянках количество площадок, представляющих собой остатки жилых домов, на исследованной части поселения площадью в 232 га оставило 1400. Это позволило интерполировать данные на всю площадь центра в 400 га, где могло разместиться около 2700 домов. В Майданецком на определенном этапе исследований число домов определялось для площади 300 гектар как 1575 жилищ, что дало основание оценивать число обитателей в 10 тысяч человек (Шмаглий 1990; см. также статью Шмаглия и Видейко в настоящем сборнике).

Ключевым вопросом для оценки специфики трипольского общества остаются именно подобные суперцентры. Если говорить о системе расселения с соединением в одном кусте трех иерархически сопоставляемых типов поселков, то такая система расселения, именуемая в восточной археологии оазисной, сложилась в среде раннеземледельческих обществ (см., например, Массон 1964: 144; 1976: 142, сл.) и не является особенно специфичной.

У исследователей, в том числе и у украинских археологов, естественно придающих большое значение изучаемым ими памятникам, не вызывает особых сомнений определение городских центров как структур, выполнявших ряд специфических функций — центра сельскохозяйственной округи или регулятивную, ремесленную, торговую, функцию военно-административную, идеологического лидерства. Из всех этих особенностей для трипольских суперцентров можно с уверенностью говорить лишь о том, что они были естественными центрами сельскохозяйственной округи. Хотя имеются бесспорные свидетельства развитой ремесленной деятельности, особенно гончарства (рис. 4), особых ремесленных кварталов на трипольских суперцентрах не обнаружено. Профессиональная деятельность мастеров пространственно была рассредоточена и отражала уровень общинного ремесла достаточно совершенного, но социологически предшествующего такой форме, как отделение ремесла от земледелия. Ничтожно малы следы торговой деятельности,

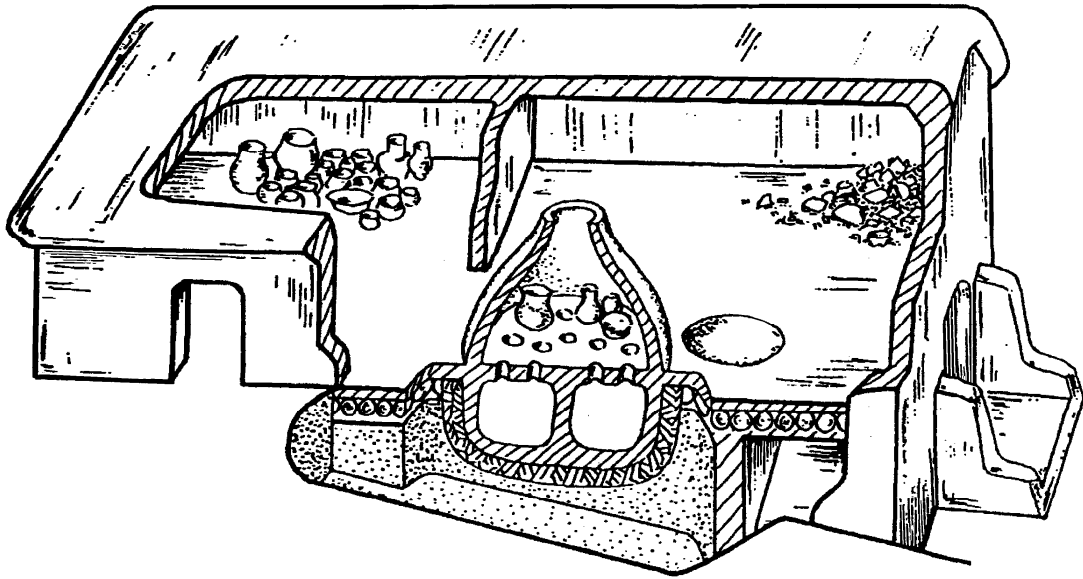

Рис. 4. Веселый Кут. Реконструкция гончарной мастерской. По Е. В. Цвек.

которая вообще не была характерна для трипольского общества, в отличие от территориально его сменивших обществ поры позднего бронзового века. Отдельные импорты и подражания им, как, например, медная очковидная подвеска льендельского типа в Веселом Куте (Цвек 1995: 40), немногочисленны и эпизодичны. Автаркия доминировала в этом обществе. Отсутствуют и особые сложные фортификационные сооружения. Внешний обвод суперцентров, видимо, образовывали наружные стены окраинных жилых домов, которые могли соединять глинобитные перегородки.

Простые рвы и палисады имелись и ранее на менее значительных трипольских памятниках. Функция убежища, на которую указывала уже сама кольцевая планировка, налицо, но нет свидетельств развития даже первобытной фортификации, столь характерной для обществ, у которых военная функция играла заметную роль. Это полностью соответствует бедному набору предметов вооружения, где представлены в основном весьма немногочисленные кремневые наконечники стрел. Эти особенности полностью соответствуют показателям, характерным для раннеземледельческих обществ балканского типа, где военная функция, не говоря уже об элементах военно-аристократического политогенеза, представлена крайне слабо, что могло быть одним из источников их конечной слабости. Нет особых свидетельств о роли суперцентров как идеологических лидеров с огромными святилищами и храмами. Культурно-религиозная практика трипольцев, судя по всему, была в первую очередь рассредоточена по семейным общинам, где почти в каждом доме имелись алтари и культовые объекты. Небольшие святилища в центре поселков также не свидетельствуют о масштабном развитии функции идеологического лидерства (Мовша 1971; Шамаглий, Видейко 1987; Цвек 1993).

Все это, скорее всего, позволяет характеризовать трипольские огромные поселения как разросшиеся села, своего рода земледельческие суперцентры. Они могли играть и роль политических центров трипольских племен или племенных объединений. Возможно, суперцентры Днестровско-Днепровского междуречья бы-

ли чем-то вроде столиц для восточно-трипольского ареала, особенно если удастся выстроить цепочку их хронологической преемственности, когда один центр по времени наследует другому. Эти центры, скорее всего, были местом сосредоточения той власти, которая организовывала столь масштабный труд и обеспечивала четкую планировку и застройку поселенческих гигантов. Не исключено, что эта власть носила коллективный характер, сосредоточившись в руках элитной группы, а сам лидер, если он и существовал, отнюдь не стремился утвердить свою исключительность особым материальным благополучием в виде огромного дома или иным образом. Вместе с тем, не приходится отрицать, что налицо явная концентрация населения и что это открывало возможности для дальнейшего развития урбанизационных процессов. Однако неразвитость, как и во всем балканском типе развития, специфических урбанистических функций не способствовало реализации этих предпосылок. Это, наряду со слабой развитостью военно-аристократического пути политогенеза, было одним из факторов внутренней слабости трипольского общества. Как это и характерно для ранних комплексных обществ Триполье на определенном этапе развития исчерпало свой политический и социальный потенциал, и наступила естественная фаза дезинтеграции. Такой постепенный упадок находит свое отражение в поселенческих структурах, как это показывают материалы Северной Молдавии. На первое место в иерархической системе опять выходят мелкие поселки. Весьма показательны для характеристики динамики общих процессов сопоставление количественных параметров по коэффициентам числа поселений на 1000 км² (табл. 1).

Таблица 1.

**Коэффициент числа поселений на 1000 км²
для Северной Молдавии, материковой Греции и Крита эпохи неолита и бронзы**

Территория	Неолит	Ранняя бронза, раннее Триполье	Средняя бронза, среднее Триполье	Поздняя бронза, позднее Триполье
Северная Молдавия	3,8	4,9	16,7	12,1
Центральная Македония	2,8	3,7	2,3	4,8
Лакония	2,8	11,1	7,1	15,9
Эвбея	4,5	15,2	9,5	13,8
Крит	5,1	13,6	23,2	34,7

Здесь хорошо видно, как резко вырывается вперед Крит, где демографический подъем служил важным фактором формирования местной цивилизации с властной государственной системой. Общества балканского круга, не выходящие за рамки социально-политической системы ранних комплексных обществ, после первоначального подъема начинают свой путь стагнации и определенной дезинтеграции.

Естественным образом возникает вопрос об общих причинах подобной внутренней слабости обществ балканского типа, достигших на определенном этапе развития столь впечатляющих культурных и интеллектуальных достижений. В качестве возможных факторов, повлиявших на такие темпы исторического развития, можно указать несколько обстоятельств (Массон 1991). Первое — это технологический архаизм производственного комплекса, когда в целом ряде культур, как, например, в Болгарии и Триполье-Кукутени, несмотря на знакомство с металлом, огромную роль сохраняли кремневые, костяные и роговые орудия. Их производительность, судя по всему, вполне обеспечивала функционирование сложившейся аграрной системы. Однако производительность труда при изготовлении самих этих орудий

была явно более низкой по сравнению с массовым тиражированием при литье из металла. Кроме того, технология такого сложного производства как металлургия требовала особых знаний и стимулировало профессиональную специализацию, когда на первом этапе происходило формирование общинного ремесла, а затем и мастерских, порой концентрирующихся в целые кварталы на городских центрах. Во-вторых, важна проблема эффективности и производительности системы производства продуктов питания. Здесь имелись обширные угодья, которые, в отличие от ирригационного земледелия, могли быть сравнительно легко освоенными и сменяемыми, что не стимулировало ни прогресса агротехнических знаний, ни масштабности трудоемких ирригационных работ. И, наконец, третье. Консервирующую роль на пути прогресса играло отсутствие центров с четко выраженными урбанистическими чертами. Все это наглядно проявилось и в трипольском обществе.

Иными путями шел процесс социогенеза во второй историко-культурной зоне юга Восточной Европы, раскинувшейся в степях и лесостепях на заднепровских просторах. Столь же различны, как мы видели, были и пути культурогенеза. Триполье было сложившейся культурной системой, типичной для раннеземледельческих обществ с высокими бытовыми показателями, в том числе и материальными, прямым образом отражающими и воплощающими соответствующий образ жизни. Все это коренным образом отличало расселяющиеся трипольские общины от архаизма аборигенного населения, теснящегося не в благоустроенных домах, а в землянках и едва начинающего первые шаги на пути к земледелию и скотоводству, как основным формам получения продуктов питания. Судя по всему, расселяющееся общество уже обладало довольно сложной социальной структурой. Во всяком случае уже в пору раннего Триполья налицо иерархия поселений как отражение сложно градуированной структуры общества и как один из показателей развития предпосылок к сложению раннего комплексного общества. По мере освоения новых территорий, требующего четкой организованности, фактор социальной власти (social power) все более набирает силу. Функция организованного лидерства, наличествовавшая в раннеземледельческих обществах уже в силу самой хозяйственной системы, получала дополнительные стимулы. Увеличивающиеся демографические параметры, связанные с уровнем благосостояния в условиях практиковавшегося образа жизни, создавали предпосылки для концентрации населения. Правящая элита реализовывала эти предпосылки в создании организованных и четко спланированных суперцентров.

Совершенно иную картину культурогенеза и социогенеза мы наблюдаем на востоке, на заднепровских просторах. Здесь автохтонное развитие, имея в виду не отдельные области и районы, а зону в целом, характеризовалось преимущественно спонтанной трансформацией и синтезом, самостоятельно проходило пути усложнения социальной структуры и институализации власти. Истоки этих перемен восходят к эпохе, традиционно именуемой отечественными исследователями энеолитической. Именно для этого периода в последние десятилетия были получены наиболее значимые материалы. Так, нижний горизонт Михайловки перестал быть изолированным феноменом, выявился целый пласт памятников нижнемихайловского типа, как его осторожно именовала О. Г. Шапошникова, или нижнемихайловской культуры, как пишут многие авторы. В степях Поднепровья была выделена посттрипольская культура, в Поволжье — хвалынская. Наконец, на дальней окраине степного пояса, в Северо-Казахстанских степях, был открыт Ботай, замечательный памятник, рисующий жизненную активность древних племен, продвигающихся по пути прогресса методом проб и ошибок. Таким образом, в степной зоне выделяется целая большая эпоха, ранее неизвестная, подоснова развитых степных культур бронзового века.

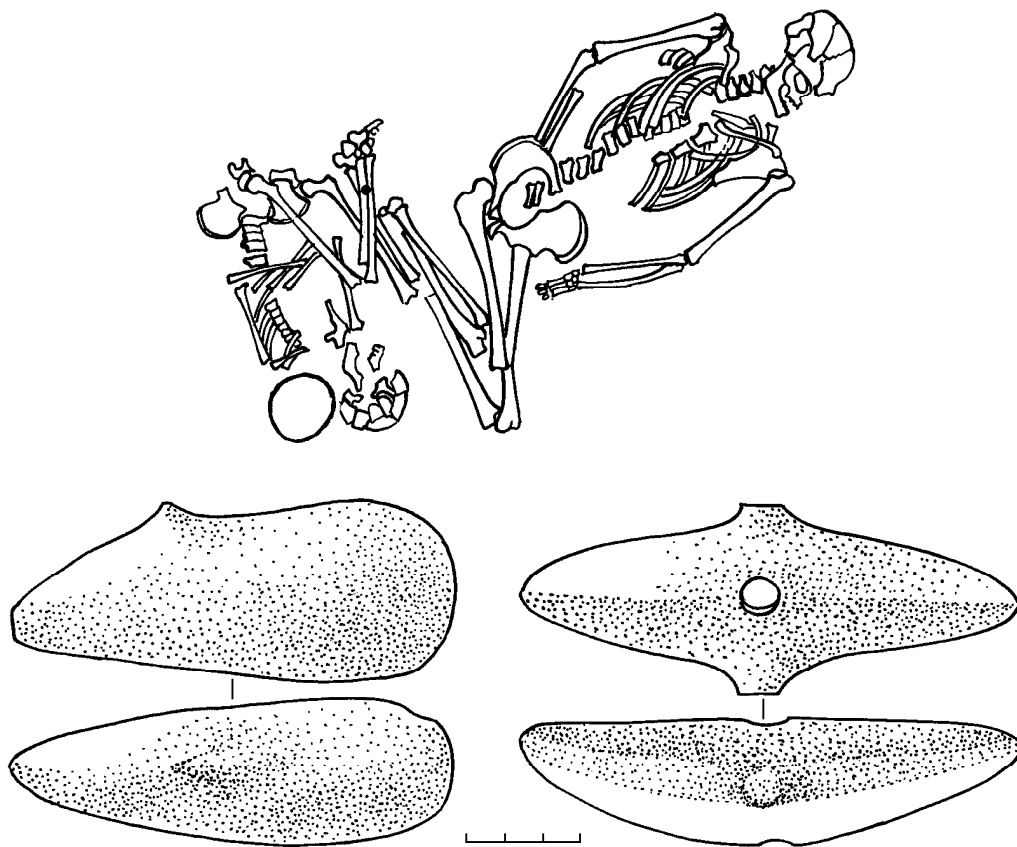

Рис. 5. Хвалынский могильник. Погребение лидера.

Три явления этого периода весьма существенны для последующего развития. Первое — это утверждение экономики производства пищи, успешно идущей на смену охоте и рыболовству, хотя и не отрицающей полностью эти традиционные отрасли, особенно использование аквафауны. При этом в производящей экономике отчетливо вырисовывается тенденция к скотоводческой доминанте. Второе — это использование металлических изделий и начало местной металлургии. И, наконец, третье — весьма важное явление в сфере культурогенеза — начало формирования специфических черт степного образа жизни.

Рассмотрим это на примере некоторых конкретных групп памятников. Все они наследуют от каменного века такой важный феномен как стабильность, связанную с рыболовством. Поселки и стойбища теснятся вдоль водоемов, редко выходят в открытую степь. К глине, шедшей на изготовление сосудов, примешивается толченая раковина. Это — использование традиционного объекта быта приречных племен, некоторые из стойбищ которых даже сохранили в современной топонимике этот признак, как, например, Ракушечный Яр на Дону.

Одна из наиболее известных культур этого круга — Средний Стог, представленная почти сотней различных памятников, которые обычно располагаются на низкой надпойменной террасе. Наиболее известна Дериевка, где среди костных остатков животных почти половину составляют кости лошади. Примечательны также и культовые захоронения черепов коней на территории поселка (Телегин 1973).

Традиционно считается, что перед нами древнейшая домашняя лошадь Европы (Vököny 1978). Анализ, проведенный Маршой Левин, в принципе не поколебал вывода о начальной стадии доместикации, хотя и было высказано сомнение о использовании конины как мясной пищи (Levin 1990). Примитивные роговые псалии свидетельствуют о зарождении механической системы управления конем. На знакомства с изделиями из металла указывают находки медных пронизок и бус.

Великолепную картину культурной эволюции стабильного поселения, расположенного в традиционной зоне активного рыболовства, рисует поселение Михайловка (Лагодовская, Шапошникова, Макарова 1962). Среди костных остатков около 95 % составляют домашние животные, причем преобладает мелкий рогатый скот. Глиняная посуда сохраняет традиционные приемы — примесь мелких раковин и песка. Появляются сосуды специфической формы — на трех или четырех ножках. Это бесспорный прообраз так называемых курительниц, ставших одной из характерных черт керамических наборов памятников степной бронзы от катакомбного круга до Афанасьево. Памятники нижнемихайловского типа широко распространены в Нижнем Поднепровье, степном Приазовье (Шапошникова 1975). В связи с выходом в степь формируется и такая принципиально новая форма погребального обряда как курган. Из меди изготавливались шилья и медные скобки для скрепления деревянных сосудов.

Одну из первых степных культур характеризуют памятники, объединенные И. Ф. Ковалевой в постмариупольскую культуру (Ковалева 1984; 1992; Ковалева, Потехина 1991). Она известна по погребальным памятникам, но сам их характер весьма примечателен. Вытянутое положение костяка полностью повторяет неолитические традиции, столь ярко представленные в Мариупольском могильнике. Вместе с тем, утвердившийся курганный обряд прочно заложил основу развития этого вида степных могильников. Иногда на подкурганной площадке захоранивали кости быков, в том числе головы. Памятники еще теснятся к поймам рек и редко расположены на надпойменных террасах. Как справедливо отмечает И. Ф. Ковалева, видимо, глубинные районы степи еще лежали вне сферы активной деятельности общества (1984: 12). Сами курганные насыпи имеют диаметр от 8 до 20 метров и нередко окружены кольцевым рвом. Стремление заключить членов общества в замкнутый круг, повторенное много позднее в овальных укрепленных поселках, здесь уже налицо. Остродонная и круглодонная керамика имеет традиционный отошитель — раковины. Уникальными являются два погребения мастеров-литейщиков с формами для отливки втульчатых топоров. Это весьма совершенный тип при некоторой примитивности конкретных форм изделий скорее всего навеян импортными образцами. Находки рудодробилок указывают на разработку местных руд.

В цепи памятников, освещающих начинающиеся кардинальные перемены, находится и Хвалынский могильник, характеризующий целую культуру среднего Поволжья (Агапов, Васильев, Пестрикова 1990). Погребения скорчены, но курганный обряд еще не представлен. Круглодонная керамика имеет традиционную для ранней посуды степной зоны примесь толченых раковин. Височные кольца из меди указывают на наступление века металла. В поминальных жертвенниках встречены, как и в постмариупольских курганах, черепа быка, кости лошади и овцы. Одежда погребенных обильно украшалась нашивками из кости, но в целом общество выглядит эгалитарным, без сколько-либо значимой дифференциации по статусу и имущественному положению. Однако положение лидера обставлялось особыми атрибутами. В этом отношении показательно единственное в могильнике погребение с каменным скипетром и топором, где был захоронен молодой мужчина. Топор и скипетр, как символы особого престижного положения усопшего, в дальнейшем становятся обычными в памятниках степной бронзы (рис. 5).

Уникальным памятником рассматриваемого времени является поселение Ботай, расположенное на противоположном от Дериевки конце степной зоны (Зданович, Зайберт 1989). Здесь прочные традиции стабильности также были заложены высокопродуктивным рыболовством, процветавшим в неолитический период. Само поселение занимает обширное для первобытной эпохи пространство — почти 15 га. Полностью отсутствуют кости крупного или мелкого рогатого скота, но 99,9 % принадлежат лошади. При трудности остеологической диагностики domestцированных лошадей, вопрос о ботайских коневодах довольно сложен. Показательно, что среди костяных изделий, изучавшихся в Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК под руководством Г. Ф. Коробковой, имеется устойчивая серия костяных пластин с двумя отверстиями, являвшихся, судя по следам затертости, примитивными псалиями. Скорее всего, уже осуществлялся контроль за свободно пасущимися табунами, и исследователи справедливо определяют общество Ботая как ранних коневодов-охотников и рыболовов. Этот яркий феномен не получил, однако, в отличие от приднепровских и приволжских областей, генетического развития. Г. Б. Зданович и В. Ф. Зайберт полагают, что на рубеже III—II тыс. до н. э. табуны лошадей были в значительной мере истреблены (1989: 82). Видимо, в какой-то мере сказалась и оторванность, в отличие от Поднепровья и Поволжья, от таких мощных культурных центров с производящей экономикой, как трипольский и северокавказский. Как бы то ни было, в историческом развитии наступает застой, длящийся почти до продвижения сюда в позднюю бронзу активной племенной группы, возглавляемой воинами на колесницах.

Таким образом, в рассматриваемый период были налицо все предпосылки к широкому и устойчивому освоению дерновидно-злаковых степей Евразии, да и само такое освоение по существу уже начиналось. В распоряжении общества уже были различные породы домашнего скота, разведение которого можно было варьировать в зависимости от местных условий. Началось освоение коня как средства передвижения, имеющего принципиальное значение для степных просторов. Знакомство с металлическими изделиями и начало местной металлургии открывали новые возможности для технического прогресса. Начал формироваться и степной образ жизни с возведением насыпей над могилами, что сразу выделяло их на открытых пространствах, и с жертвоприношениями быков и лошадей.

Наряду с трипольским влиянием (Мовша 1981; 1984) мощным оказывается майкопское воздействие, о чем неоднократно писали различные исследователи (Нечитайло 1984; Ковалева 1991). Майкопский сосуд был найден даже в курганном погребении к западу от Днепра в Поингулье (Шарафутдинова 1980). И. Ф. Ковалева выделяет целую группу памятников в степном Правобережье, названную ею живо-тиловской, для которой характерны сосуды майкопского типа, хотя, возможно, и местного производства (1991). Примечательно их расположение вдоль пути, ведущего к днепровской переправе (Ковалева 1991: 85). Видимо, уже начали формироваться традиционные транспортные трассы степной зоны. Доминанту майкопских связей по сравнению с трипольскими можно объяснять по-разному, включая и проблему родственных связей, уходящих в неолитическую эпоху. Думается, что здесь немаловажную роль играло наличие в майкопской метрополии мощного очага металлообработки, прогрессивные формы продукции которого далеко превосходили возможности трипольского общества, удовлетворявшегося в повседневной деятельности кремневым, роговым и костяным инвентарем и почти не знавшего оружия. Проушные топоры постмариупольских литейщиков в этом отношении явно следовали кавказским образцам. В Поволжье и Приуралье при начавшейся разработке меди из местных медных песчаников ряд форм изготавливаемых изделий явно отражал воздействие майкопского импульса (Кореневский 1980: 66).

Это была своего рода предистория великих степных обществ. После мозаичности формирования культурных комплексов нового типа наступает эпоха утверждения в региональных масштабах культурных стандартов, связанных со степным образом жизни. Впервые эти черты нового периода проявились в комплексах ямного типа, ранее именовавшихся ямной или древнеямной культурой, а теперь, учитывая внутреннее многообразие локальных формопроявлений и огромную пространственную протяженность, называемую ямной культурной общностью, что менее громоздко и семантически точнее, чем “ямная культурно-историческая общность”. В этот период повсеместно от Волги до Днестра и даже за эти водные рубежи распространяются курганные могильники как символ степняков. Судя по всему, скотоводческая экономика варьировала, адаптируясь к локальной экологической ситуации. В низовьях Днепра, как показывают раскопки Михайловки на уровне II и III слоев, значительную роль играло разведение крупного рогатого скота. В пустынных степях Прикаспия развивалось отгонное или подвижное скотоводство, основанное на доминанте мелкого рогатого скота. Устойчивость и эффективность хозяйственных систем становится особенно заметной в позднеямное время, когда многочисленные курганные насыпи могильников свидетельствуют об увеличении населения и длительности обитания. Временные стоянки пастухов существуют одновременно с относительно крупными оседлыми центрами. Из их числа наиболее известно поселение Михайловка, где второй и третий слои относятся к ямному времени, демонстрируя даже территориальную преемственность с более ранним населением. Прочно устанавливаются такие черты погребального обряда, которые сохраняются в течение долгого времени как специфические показатели степного образа жизни. Таковы помещение в могилу повозки и каменные, а возможно и деревянные, надкурганные стелы (Новицкий 1990). Колесный транспорт был особенно важным нововведением в степной зоне, хотя это первоначально были лишь тяжелые четырехколесные телеги со сплошными деревянными колесами, сделанными из дерева, хотя, возможно, оснащавшиеся кожаными шинами.

Судя по всему, ямное общество было относительно бедным, но полным кипучей энергией. Ямные племена энергично продвигаются в западном направлении, проникая в Молдову, Румынию, Болгарию, достигая Венгрии (Gimbutas 1961; Мерперт 1976). На востоке они осваивают Зауралье и, возможно, проникают даже в северный Казахстан (Васильев и др. 1996: 91). Вопрос об их роли как сокрушителей местных балканских культур представляет собой особую проблему, но сам факт широкого распространения ямных памятников отражает динамизм ямного общества, создателей одних из древнейших в Европе колесных экипажей.

По существу те же особенности характерны и для второго великого степного общества, оставившего памятники катакомбного типа. Нарядная глиняная посуда прочно порывает с архаическими традициями примитивной лепной посуды, создававшейся еще неолитическими рыболовами, которые столь заметны в ямное время. Происходит бурное развитие местной металлургии и металлообработки. Известно довольно значительное число мастеров-ремесленников, которых, подобно их предкам постмариупольской культуры, захоранивали вместе с орудиями труда и, в частности, с литейными формами. Исследователи насчитывают свыше 20 погребений мастеров-металлургов и как будто даже двух, специализировавшихся на производстве оружия (Pustovalov 1994: 88, 93). Это свидетельствует об активном процессе ремесленной специализации. В харьковско-воронежском районе известны клады втульчатых топоров. Комплексы катакомбного типа свидетельствуют о развитии технологии производства повозок, представленных разнообразными вариантами (Ляшко 1990; Чередниченко, Пустовалов 1991). В частности, отмечены способы оформления кузова с арочным перекрытием или с решетчатыми бортами. Отмечены разные приемы изготовления колес, для которых обычно использовали дуб. Это

были по-прежнему тяжелые, массивные детали, либо выточенные из дерева целиком, либо составленные из нескольких кусков.

Определенные явления культурной дивергенции вели к обособлению культурного развития в отдельных областях степного региона. Так, если на западе, да и в центре формируются различные варианты культур катакомбного круга, то в Поволжье распространены памятники полтавкинского типа. Вместе с тем процессы социогенеза во всех этих культурах и культурных общностях в значительной мере идут в одном направлении. Уже с ямного времени заметна тенденция к замене усредненной эгалитарности погребальных комплексов выделением гробниц лидеров. В самом погребальном обряде это не проявляется, но масштабы надгробных насыпей становятся существенно различными. Для степного Оренбуржья этот вопрос подробно рассмотрен Н. Л. Моргуновой (1995). По ее разработкам, к числу курганов явно престижного характера относятся насыпи диаметром в 30—40 м, а порой и более значительных размеров. Это явно был результат значительных усилий организованного, концентрированного труда. При обычной бедности погребального инвентаря ямных захоронений в крупных курганах встречаются медные, металлоемкие изделия, в том числе найдены кинжалы и копье. Весьма существенно обнаружение в некоторых курганах высокого ранга слитков или кусков медной руды. Это свидетельствует о включении металлургии, а, возможно, и металлообработки, в сферу ведения лидеров, погребенных в крупных курганах, а, возможно, и об их претензиях на владение этим видом богатств. Едва ли следует преувеличивать социальную значимость этих процессов, но совершенно ясно, что архаической эгалитарности приходит конец и выделяющаяся аристократическая верхушка стремится утвердить себя престижными формами погребальной обрядности.

В памятниках катакомбного круга наблюдается развитие военной функции и все более отчетливое обособление элитарного слоя, хотя пока, видимо, преждевременно говорить о более детализированных заключениях (Пустовалов, Черных 1991; Пустовалов 1991). Была сделана попытка выделить в катакомбных погребениях могилы особой страты воинов, даже с подразделением их на конных и пеших (Матвеев 1991). Но, как справедливо отмечает А. Т. Синюк, число таких захоронений в целом весьма невелико (1996: 320). Добавим, что в материалах катакомбных памятников нет того устойчивого набора признаков, который для более поздних культур, например, Западной Европы или Армении позволяет говорить о выделении воинского сословия. Этот процесс, видимо, имел место, но едва ли оформился как система четких культово-обрядовых установлений. Имеются и свидетельства достаточно сложных обрядовых действий при организации элитарных гробниц, к числу которых явно относятся погребения с повозками. Так, в одном из курганов с повозкой основным погребенным был мужчина 35—40 лет, которого сопровождало захоронение женщины среднего возраста и расчлененный труп другого мужчины, тогда как около повозки лежал скелет ребенка 7—8 лет. Возможно, мы имеем здесь дело с обычаем человеческих жертвоприношений, хотя окончательно об этом говорить преждевременно. Отметим, что встречающиеся в катакомбных погребениях наверхия булав могут быть рассмотрены как символы власти. Традиция помещения этих объектов в неординарные гробницы устойчиво сохраняется в степной зоне и позднее (см., например, Нелин 1995).

Как бы то ни было, совершенно ясно, что в ямно-катакомбное время в степной зоне происходит усложнение социальной структуры и выделение лидеров как аккумуляторов социальной власти. Это закрепляется, в меру производственных возможностей и уровня благосостояния обществ того времени, в погребальных обрядах и установлениях. Налицо и определенная динамика соответствующих процессов, идущих по кривой возрастающей интенсивности. Как отмечает И. А. Моргунова, курганы даже средних размеров, выделяющиеся из общей массы погребальных сооруже-

ний, появляются скорее всего к концу ямного времени, тогда как самые крупные насыпи относятся уже в основном к катакомбно-полтавкинскому времени (1995: 122). Немаловажное значение в этом плане может иметь и появление надкурганных стел. А. Галле по европейским материалам подчеркивает, что с установлением социальной иерархии обнаруживается тенденция смены идеологии плодородия идеологией солярной и идеологией воинов, что находит отражение в появлении стел и воспроизведении в искусстве оружия (Galley 1991: 238). В этом отношении сопоставление антропоморфной пластики Триполья, явно тяготеющей к культам плодородия, со стелами аскетичных степняков достаточно показательно. Энергичный динамизм степных культур не вызывает сомнений. В этой связи можно вспомнить мнение, что именно доминанта мясного рациона стимулировала бесспорную пассионарность степняков и кочевников (Курочкин 1994).

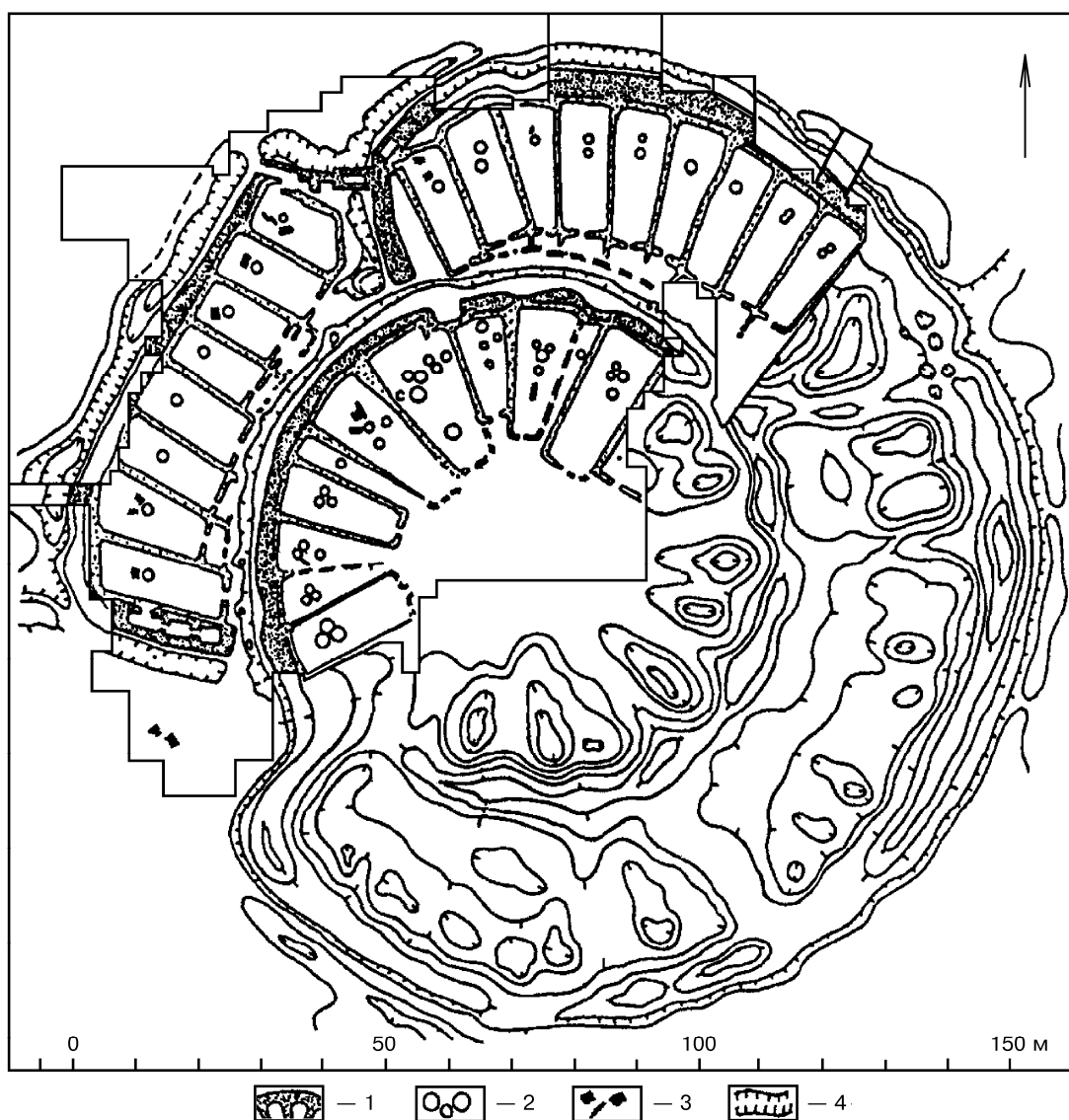

Рис. 6а. Поселение Аркаим. План. По Г. Б. Здановичу.

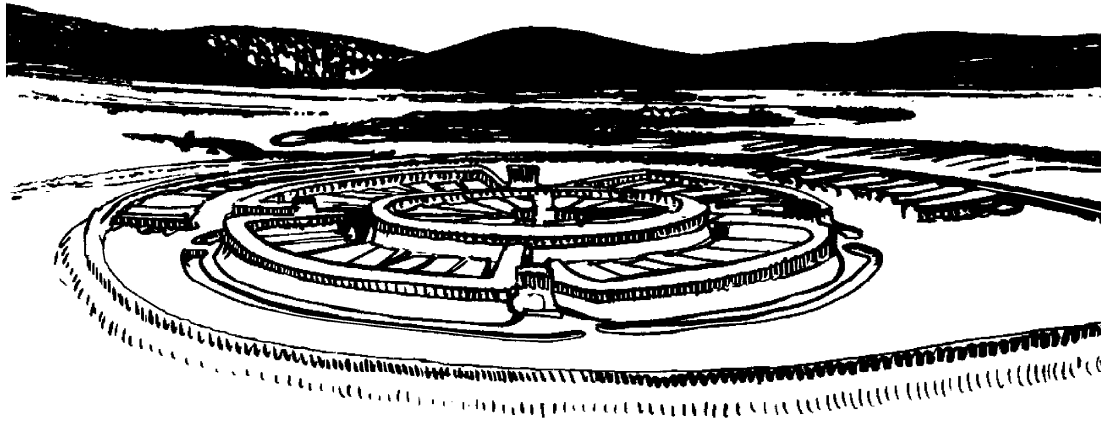

Рис. 6б. Поселение Аркаим. Реконструкция. По Г. Б. Здановичу.

Пиком социогенеза для степной зоны эпохи палеометалла стало время развития комплексов типа Синташта-Потаповка. Как уже отмечалось в вводной статье к настоящему сборнику, это была пора инновационного взрыва в сфере культурогенеза. Соответствующие изменения, наблюдаемые и в культуре, и в обществе, носят явно взаимозависимый характер через целую систему прямых и обратных связей. Если сами по себе археологические комплексы этого времени в волго-уральском регионе были давно известны, то именно открытия двух последних десятилетий позволили вывести на новый уровень вопросы их социологической интерпретации. Таких открытий по существу два — обнаружение круглопланных поселений типа Аркаима и гробниц вооруженной знати с колесницами типа Синташты.

Открытие круглопланных поселений, как и суперцентров Триполья, стало своего рода археологической сенсацией и, так же как и трипольские открытия, было связано с использованием аэрофотосъемки и авиаразведки (Аркаим 1995; Зданович 1997). Сам памятник имеет двойное кольцо обводных стен с диаметром внутреннего кольца в 85 м и внешнего — в 143—145 м. Стены сформованы из заливного грунта, сырцовых блоков и дерева (рис. 6а—6б). Внутренняя планировка строго повторяет очертания, заданные внешним обводом. Вдоль стен идет кольцевой коридор, из которого идут проходы в располагавшиеся также по кругу жилища. Площадь жилищ от 110 до 180 м². Исследователи насчитывают во внешнем обводе 39—40 жилищ, во внутреннем — 27. Показательны заботы о бытовом благоустройстве поселения. Так, осуществлена противоливневая канализация — устроены специальные водосборные ямы и отстойники. В целом площадь памятника сравнительно невелика — около двух гектаров. Около одной трети площади жилищ отводилось под хозяйственные нужды: здесь могли быть устроены колодцы, располагались хозяйственные очаги, иногда металлургические печи. Подобная организация внутреннего пространства в определенной мере лимитировала собственно жилую площадь, которая, судя по этим размерам, скорее всего предназначалась для малой семьи. В таком случае число жителей поселка могло составлять от 350 до 400 человек.

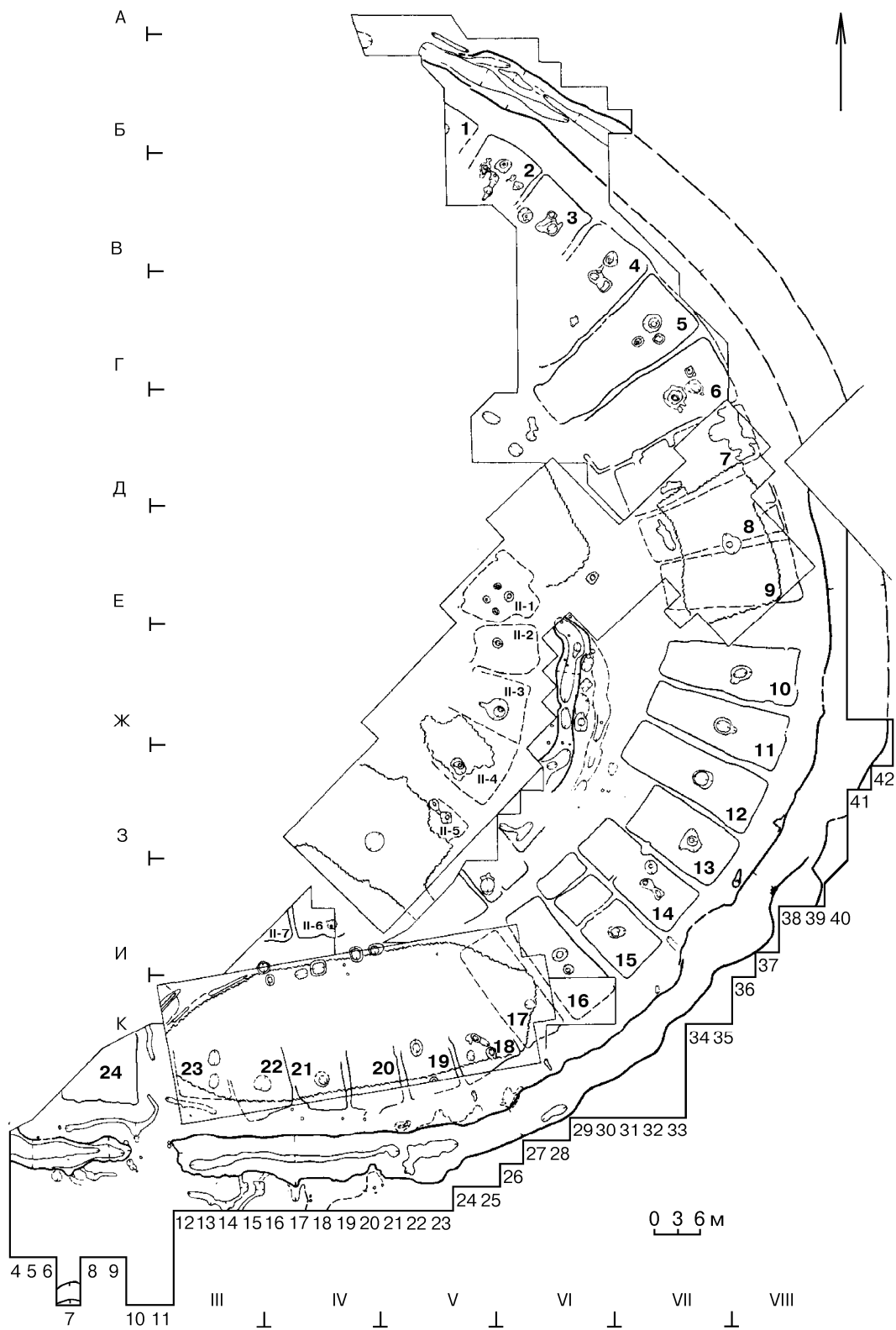

Рис. 7. Поселение Синташта. План вскрытой части.

Поселения типа Аркаима оказались далеко не одиночными. В принципе близкими были параметры и структура поселения Синташта (рис. 7), располагавшегося около знаменитого некрополя и исследованного уже после основных раскопок могильника (Генинг и др. 1992: 17, сл.). Ряд памятников этого типа был исследован экспедицией педагогического института Челябинска (Виноградов 1995). Они, как правило, сооружались по заранее разработанному плану и достаточно укреплены. Например, на поселении Устье I каркас оборонительной стены составляли сосновые бревна, врытые вертикально через равные расстояния. Имелся здесь и обводной ров. Тщательные разведки и аэрофотосъемка установили, что подобные памятники распространены вдоль восточных склонов Урала, охватывая территорию размером 400 на 120—150 км. Здесь отмечено пять или шесть поселений, овальных в плане. Имеются и памятники прямоугольной планировки со скошенными углами. Иногда поселения перестраивались, меняя свои очертания, но неизменно следовали четкому плану, исключая хаотичность. В ближайшей их округе находились небольшие выселки, и исследователи считают возможным говорить о зонах организованной концентрации поселений на площади диаметром в 20—30 км с более значительным и укрепленным поселением типа Аркаима в центре (Зданович Г., Зданович Д. 1995).

В памятниках этого типа прежде всего обращает на себя внимание заданная организованность. Совершенно ясно, что это заранее спланированные центры, сооружение которых требовало четко организованного и достаточно масштабного труда. Обводной коридор, именно в который выводили проходы всех жилищ, система противоливневой безопасности дополнительно указывают на продуманную организованность четко запланированного строительства. Открытие памятников такого типа в зоне, которая для эпохи бронзы считалась относящейся к безбрежным просторам степных скотоводов, вызвало у исследователей естественный энтузиазм. Как и в случае с трипольскими суперцентрами, они обратились к тем возможностям социологической понятийной сетки, которые предоставляли мало трансформированный к тому времени формационный эволюционизм. Как и для Триполья, была использована примененная к южнотуркменистанским памятникам модель протогородской цивилизации, и область наибольшей концентрации памятников в Зауралье даже стала условно именоваться “страной городов”. Однако здесь еще в меньшей мере, чем в Триполье, есть основания видеть какие-либо урбанистические начала. Небольшие поселки равномерно разбросаны по всей зоне обитаний, и нет никаких признаков концентрации населения. Функционально эти поселки немногим отличаются от обычных селищ степной бронзы. Это были места обитания скотоводов и земледельцев, занимавшихся также изготовлением необходимых орудий и предметов быта, в том числе и металлообработкой. Но все следы такой деятельности носят делокализованный характер. Но что обращает на себя внимание, так это подчеркнутая функция убежища. Видимо, военно-политическая ситуация стимулировала подобную организацию мест обитания, а лидеры общества взяли на себя организационно-управленческую деятельность, выработав тип поселков-крепостей, наиболее отвечающих данным условиям.

Судя по всему, функция убежища стала весьма актуальной доминантой, выдвинутой на первый план общей ситуацией в зоне степей. Недавно археологи Казахстана обнаружили овальное в плане поселение типа Аркаима на Мангышлаке. Можно вспомнить нижнедонскую крепость Ливенцовку, имеющую размеры 200 на 150 м и находящуюся в фортификационном блоке с другой крепостцой — Каратаевской (Братченко 1967). Функция убежища здесь подчеркивается наличием в центре обширного незастроенного пространства, тогда как жилая сфера располагалась по периферии вдоль стен, видимо, даже на своеобразном стилобате. Военная функ-

ция Ливенцовского поселения ярко отразилась и в находках: во рву и вдоль стен обнаружено около 500 наконечников кремневых стрел. Особенно их много в районе проходов, ведущих внутрь крепости. Некоторые наконечники сломаны от удара о камень, из которого были возведены укрепления, другие застряли в самой стене. Это явные следы штурма, который пережило нижнедонское укрепление.

Истоки циркульной планировки поселений-убежищ типа Аркаима могли быть различны. Челябинские исследователи непрочь видеть здесь исходные культово-астрономические начала, но ответ может быть и более прозаическим. Кольцевое окаймление издревле было популярно в степной зоне. Достаточно вспомнить ровики, окаймляющие полу уже первых курганов. Могло практиковаться и сооружение из бревен загонов для скота типа краалей, что уже в более монументальной форме повторили поселки-убежища. Но, как бы то ни было, здесь явно проявилась организующая функция центрального руководства, древних лидеров степных скотоводов.

В отличие от Триполья, здесь имеются и прямые свидетельства функционирования такой лидирующей группы. Первой ласточкой в этом отношении стали раскопки могильника Синташта, что было одним из важнейших открытий свердловской школы В. Ф. Генинга (Генинг 1977; Генинг и др. 1992).

Синташта представляет собой целый археологический комплекс, состоящий из памятников разного характера. Здесь имеется поселение, овальное в плане, явно следующее строительным стандартам, выявленным в Аркаиме, большой курган сложной конструкции и, видимо, столь же сложных функций, два грунтовых могильника — малый и большой, и смешанный некрополь, в который входили и грунтовые могилы и столь типичные для степняков курганы. Две принципиально новые черты объединяют большинство погребений, имеющих достаточно высокий показатель состоятельности. Таковы свидетельства культа коня и распространение вооружения, хотя крупные бронзовые изделия вроде наконечников копий обычно попадали в руки грабителей, орудовавших, видимо, почти сразу после совершения погребального обряда (Зданович 1995: 48).

В грунтовом могильнике широко представлены большие могилы, обычно оформлявшиеся как срубы с бревенчатым перекрытием. Военная функция представлена довольно устойчивым набором инвентаря: кремневые наконечники стрел, бронзовые боевые топоры и бронзовые втульчатые наконечники копий (рис. 8). Принципиально новым становится способ передвижения этих воинов — в семи гробницах обнаружены остатки легких двухколесных колесниц. Ажурные спицы и особый тип поворотного устройства придавали им существенно новые возможности по сравнению с громоздкими телегами ямного или катакомбного времени. Многочисленны находки псалий и самих коней. Имеются полные скелеты лошадей и их части. Нередко скелеты коней числом от 2 до 6 располагались над бревенчатым перекрытием основной могилы. Судя по всему, предпочтение отдавалось парным запряжкам, причем по принципу часть вместо целого в могилы могли быть помещены и головы двух коней, или даже их челюсти (рис. 9).

При всей яркости и, казалось бы, необычности могильника Синташта, как сейчас выясняется, это был в принципе довольно типичный памятник, аккумулировавший характерные черты наступившей эпохи. В ряде мест урало-казахстанских степей раскопаны курганы диаметром в 12—15 метров с большой могильной ямой в центре, в которую помещалась легкая колесница. Останки коней были встречены как в могильных ямах, так и непосредственно под насыпью (Зданович 1988). Свидетельства популярности этой обрядовой практики и, соответственно, новых социальных право порядков теперь имеются и в материалах Поволжья и даже Среднего Дона. В Потаповском и Утевском могильниках Среднего Поволжья в крупных курганах, имевших в диаметре до 40 метров, в центре располагалась большая могильная

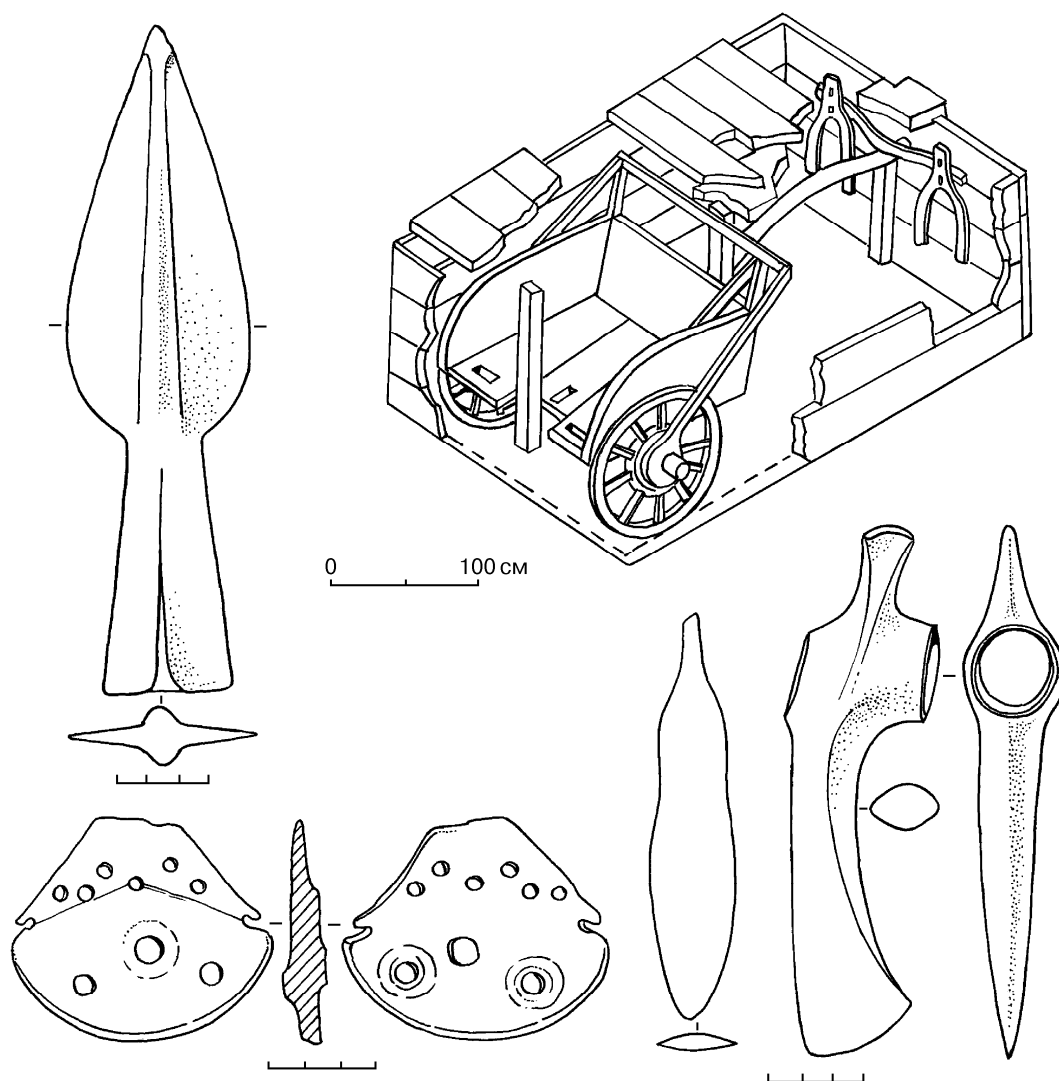

Рис 8. Могильник Синташта. Вещи из больших гробниц: бронзовые топор, копье, кинжал, реконструкция колесницы. По Г. Б. Здановичу.

яма. Иногда таких центральных гробниц могло быть две или даже три. Более обычные могилы располагались под насыпью кольцом по периферии. Кстати, такая же практика отмечена и в курганных гробницах Синташты. На подкурганной площадке помещались жертвенные животные — лошадь, бык и собаки. Иногда это были полные скелеты, иногда — лишь черепа и кости конечностей. Черепа и кости конечностей коней наличествовали в центральных гробницах. Особое внимание к лошадям полностью повторяет практику синташтинских обычаев. Налицо кремневые наконечники стрел и костяные псалии (Васильев и др. 1994: 23, сл.). В одной из центральных гробниц Утевского некрополя как будто удалось расчистить остатки колесницы, хотя условия для сохранности деревянных объектов здесь много хуже, чем в приуральской Синташте. В центральной гробнице того же Утевского могильника обнаружен и превосходный образец бронзового втульчатого наконеч-

ника копья (Васильев и др. 1992: 61, рис. 4, 20). Аналогичная гробница была открыта в Энгельском районе у с. Березовка (Дремов 1996). Диаметр кургана там составлял 22—27 метров. В центральной могильной яме помимо прочих предметов обнаружены костяной псалий и бронзовый втульчатый наконечник копья.

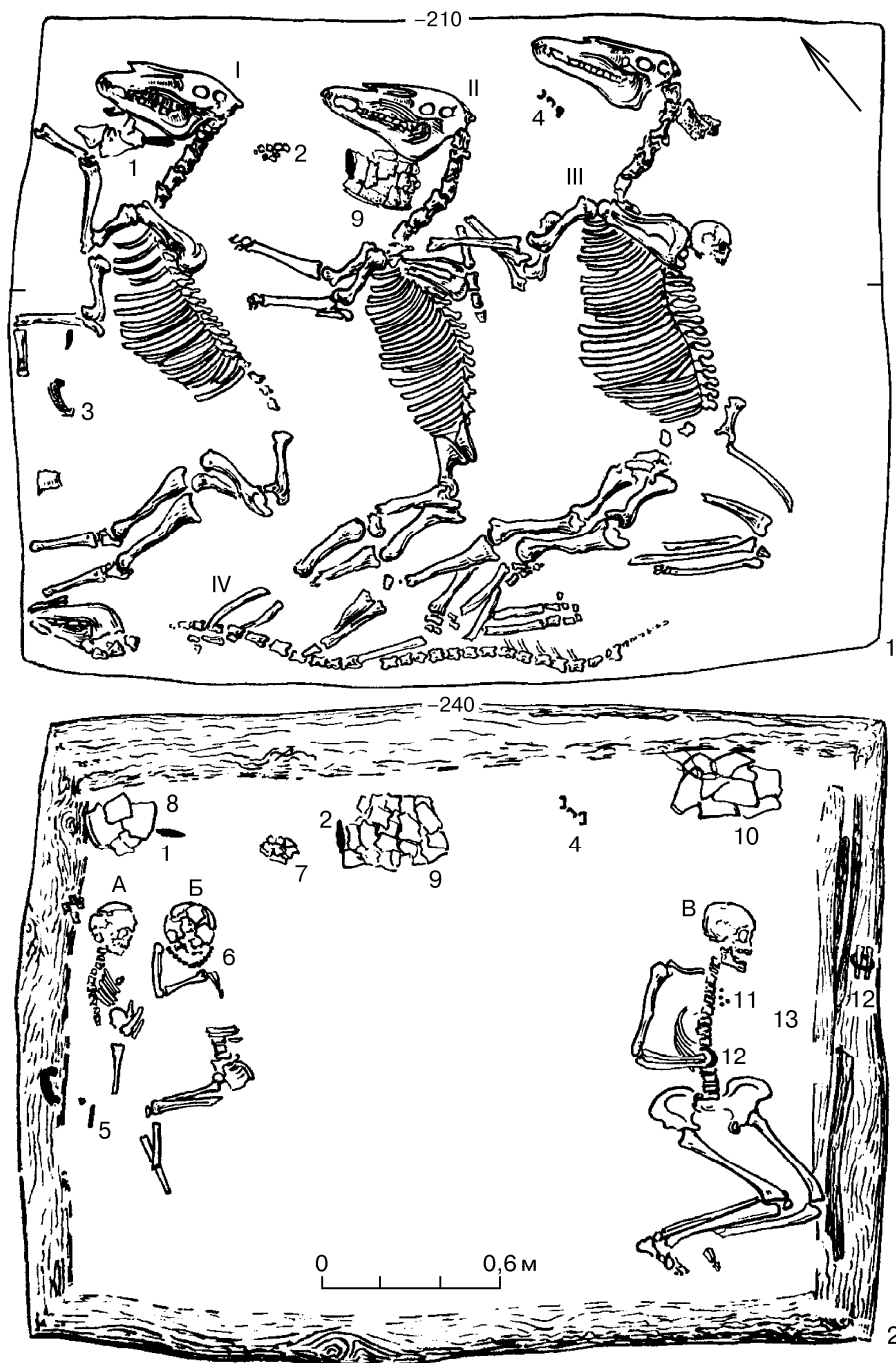

Рис. 9. Могильник Синташта. Скелеты коней на перекрытии камеры и план погребальной камеры.

Как оказалось, не составляет в этом отношении исключения и район Среднего Дона. Экспедицией А. Д. Пряхина была обнаружена гробница персонажа, вооруженного тяжелым копьем, проушным топором и стрелами с кремневыми наконечниками (рис. 10). Имелись здесь и роговые псалии (Пряхин и др. 1989). Таковы же в принципе Филатовский и Введенский курганы в том же Среднем Подонье. Кремневые наконечники стрел, костяные псалии, свидетельства культа коня являются их отличительными признаками (Синюк 1996: 199—203).

Социологическая значимость этих неординарных гробниц достаточно прозрачна. В них погребены лица, занимавшие высокую ступеньку в структуре общества, связанную, скорее всего, с выполнением ими воинских функций. Центральное положение в курганных комплексах и специфические отличия погребального инвентаря по сравнению с рядовыми могилами позволяют видеть в них представителей страты лидеров, вооруженных модным бронзовым оружием и перемещавшихся на легких колесницах, имевших, скорее всего, парную запряжку. Возможно, их сопровождали колесничие, как это, например, мы видим на изображении военной дружины на бронзовом поясе из Армении (Массон 1997: 131, рис. 21). Находки в гробницах объектов, связанных с металлургией, в частности сопел от горнов, скорее всего подчеркивают полифункциональность власти или претензий на власть этих лидеров, стремившихся доминировать в наиболее передовом производстве того времени — бронзолитейном деле. Показательно, что эти, социологически однозначные черты проявляются в среде, бывшей, как свидетельствует прежде всего помещавшаяся в гробницы глиняная посуда, этнокультурно достаточно разнородной. Как справедливо пишет А. Т. Синюк, инвентарь, например, центральной гробницы Филатовского кургана в Подонье социально престижен, этнокультурно неоднороден (1996: 200). Здесь есть сосуды, близкие абашевским и аналогичные материалам Синташты. В принципе сходная картина, хотя и с отличным набором слагающих компонентов, наблюдается и в Среднем Поволжье. Совершенно ясно, что выделение страты лидеров, характеризующей военно-аристократический путь политогенеза, было знаменем эпохи, перекрывавшим пестроту культурных формопроявлений и традиций. Даже если воинские лидеры распротранялись из единой метрополии, каждый раз их бытовая культура претерпевала, возможно, через матримониальные связи, локальную адаптацию.

Таким образом, можно считать, что если круглые и четко спланированные поселения типа Аркаима свидетельствуют о развитии функции организации труда, характерной для ранних комплексных обществ, то гробницы воинственных колесничих более конкретно рисуют облик руководящей элиты. Отсутствие гигантских гробниц суперлидеров типа майкопских или скифских заставило предполагать олигархическую форму, утвердившуюся в общественном устройстве. Сам вид данного комплексного общества может быть отнесен к тому явлению, которое К. Кристиансен именовал нецентрализованными структурами, и неудивительно, что олигархия наиболее соответствовала этим структурам, как адекватная форма политической организации.

Не вполне ясен вопрос о культовых формопроявлениях этого активно развивающегося общества. Ряд авторов хотел бы видеть в рассмотренных гробницах двойную функцию усопших лидеров, своего рода вождей-жрецов (Синюк 1996; Дремов 1996). Однако культовая атрибуция таких вещей, находимых в гробницах, как шилонож и костяные втульчатые “лопаточки”, к которым так привержен А. Т. Синюк (1996: 320 и др.), далеко не бесспорна. То же относится и к находкам деревянных сосудов с бронзовым окладом по венчику (Дремов 1996: 57). Разумеется, нельзя исключать выявления более четких свидетельств культового лидерства в ходе последующих разработок.

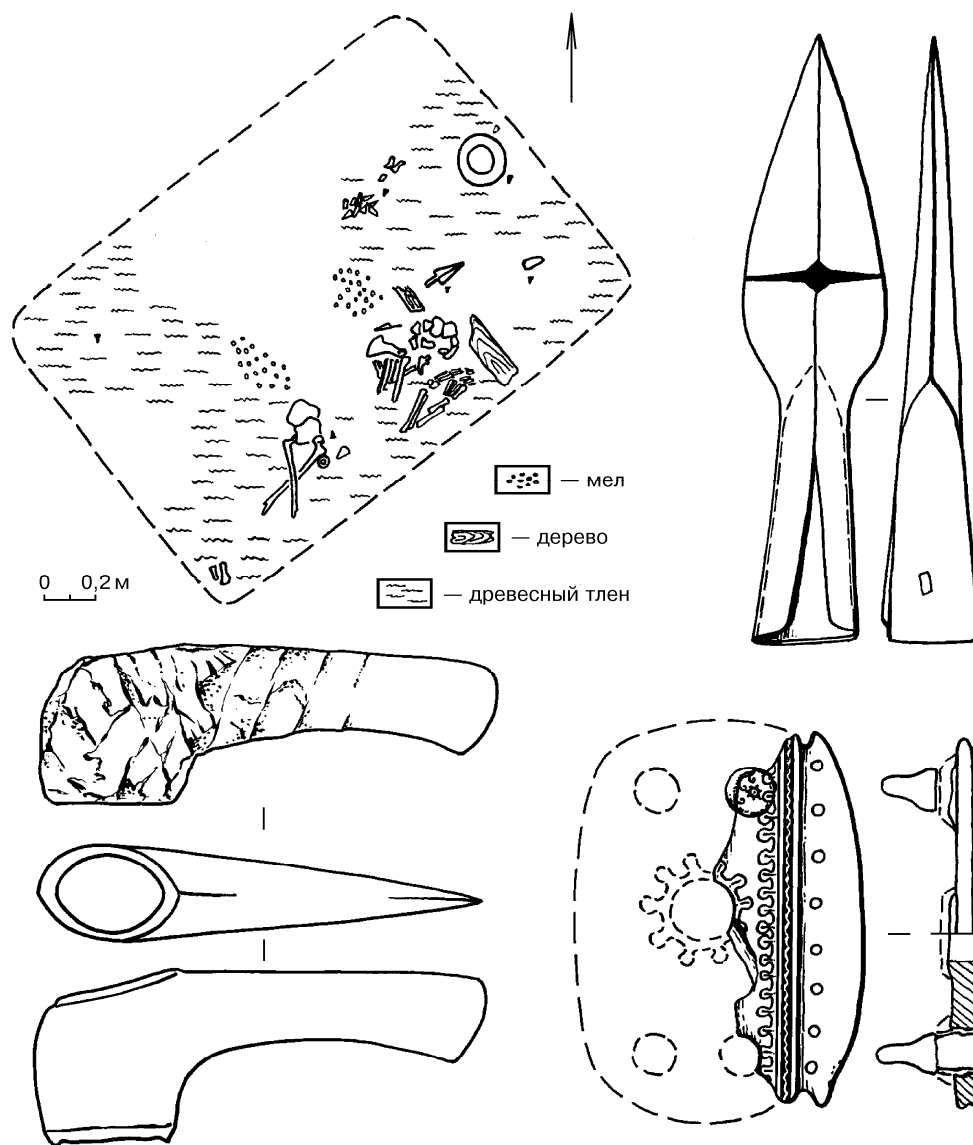

Рис. 10. Кондрашкинский курган. План большой гробницы, бронзовые копье и топор, костяной псалий.

Но примечательным в ряде отношений является один из памятников синташтинского комплекса, названный “большим курганом”. Г. Б. Зданович полагает, что первоначально это был погребальный комплекс, свидетельства чего очевидны. Во всяком случае, обнаруженная здесь центральная яма не отличается по размерам от других гробниц синташтинской элиты. Но существование его на поздних этапах как монументального сооружения, независимо от убедительности предлагаемых графических реконструкций, достаточно очевидно. В оплывшем виде большой синташтинский курган имел по основанию диаметр в 80—85 метров при высоте в 4,5 м. При сооружении кургановидной или, как полагают авторы раскопок, своего рода ступенчатой пирамиды использована структура бревенчатых камер-клетей, в каж-

дом ярусе заполнявшихся на 2/3 камышом. Нами уже отмечалось определенное сходство этой конструкции с описанием Геродота, характеризующего сооружение скифами святилища бога войны, которое греческий текст именует Аресом (Массон 1995). Геродот пишет, что такие святилища, посвященные божеству войны, имеются в каждой области и представляют собой горы хвороста, на верху которых имеется площадка, где водружен меч и совершаются жертвоприношения (Her. IV: 62). Разумеется, трудно судить, какова была символика и литургия синташтинского монумента, но в наличии обрядов, связанных с военной символикой, в этом обществе вооруженных воинов едва ли приходится сомневаться. Примечательна и сама масштабность сооружения, на которое было затрачено 11—14 тысяч человеко-дней (Генинг и др. 1992: 373). Это такое же свидетельство организованного концентрированного труда, как и поселения-крепостцы аркаимского типа.

Таким образом, можно считать, что раннее комплексное общество синташтинского типа было наивысшим достижением, своего рода пиком культурогенеза и социогенеза в степной зоне Евразии и примыкающем к нему поясу лесостепей. Дальнейшие процессы характерны опять-таки для судеб обществ этого типа.

Так, в срубную эпоху, когда сами комплексы срубного типа формируются в определенной мере на синташтинско-потаповской основе, свидетельства выразительной социальной неравномерности в погребальной обрядности становятся менее ясными. Правда, более крупные гробницы в курганах содержат и более богатый инвентарь, но гробницы вооруженных копьями воинов, использующих колесницы, исчезают. Возможно, престижными символами являлись своеобразные жезлы, богато декорированные роговыми и костями обкладками (Отрощенко 1993). Богатство женских уборов свидетельствует о дифференциации состоятельности в среде степняков. Таковы уникальные женские украшения из погребения в Новых Яблуклы, где центральное место занимают массивные бронзовые бляхи, явно следующие микенским образцам (Горюнов 1977). Об определенных микенских аналогиях в степных культурах Евразии писала Е. Е. Кузьмина (Смирнов, Кузьмина 1977: 46, сл.). Эта тема, разумеется, заслуживает отдельной разработки. В принципе немаловажная роль микенских эталонов для культуры Центральной и даже Северной Европы достаточно хорошо известна. В определенной мере эта мода несомненно затрагивала и восточноевропейские степи, проникая в Заволжье и на Южный Урал.

При всем при том признаки определенных негативных явлений в области социогенеза налицо. Имея в виду отсутствие ярких данных о процветающей элите, А. Т. Синюк осторожно пишет “археологическая информация в этом плане заметно приглушается” (Синюк 1996: 320). В. С. Бочкарев прямо говорит о социальной деэволюции (1995). Видимо, имело место то явление, которое К. Кристиансен обозначил для более западных областей как коллапс военной элиты как доминирующей формы социальной организации (Kristiansen 1992: 17). В принципе, как уже отмечалось, явление стагнации, а затем и деградации достаточно типично для такой диалектически динамичной системы, как раннее комплексное общество. Исчезают лидеры, разъезжавшие на колесницах, руководившие возведением круглых поселений-крепостей и явно доминировавшие культурно, интеллектуально, а, видимо, и политически в своей зоне, и общественные структуры делают шаг назад. Как уже приходилось отмечать, в степной зоне устанавливается своего рода гомеостазис, культуры, возвращаются в заданных параметрах вдалеке от эталонов городского образа жизни и передовых цивилизаций (Массон 1998). Бесспорные успехи в металлообработке, налаженная система обмена металлом и демографический пик по существу ничего не меняли в общем прогрессе. Со временем вся система, восходящая к достижениям первых великих степных обществ, деградирует, чему могли способствовать и определенные экологические перемены. Новый цикл подъема

начинает уже другая система, складывающаяся в эпоху ранних кочевников с ее выразительным вкладом в мировую историю и культуру.

Упрощенным выводом было бы заключение только об уходе значительной части активной воинствующей элиты на более южные рубежи. Действительно, есть явные свидетельства проникновения степных компонентов в комплексы оседлых оазисов Центральной Азии, о чем неоднократно писала Е. Е. Кузьмина, в том числе, и в своей последней монографии (1994). Множатся и прямые свидетельства проникновения далеко на юг компонентов, характерных для волго-уральского очага культурогенеза. Круглая крепостца типа Аркаима открыта на Мангышлаке. В верхнем течении Зеравшана, неподалеку от Пенджикента в Зардча Халифа открыта богатая гробница с типичными для синташтинского круга псалиями и бронзовым навершием с фигурой коня (Бобомуллов 1997). В Северной Киргизии обнаружены кинжалы с навершиями в виде фигуры коня типично Сеймино-Турбинского типа. Вполне возможно, что все это свидетельства продвижения на юг индо-арийских племен, у которых огромную роль играли воины на колесницах. В этой связи весьма существенен реанализ содержащегося в авестийских текстах описания знаменитой Вары — первопоселения, построенного мифологическим героем-первооснователем Йимой. И. М. Стеблин-Каменский считает возможным понимать его описание как характеризующее циркульную планировку из трех концентрических кругов (1995), что является прямым аналогом аркаимским стандартам. Добавим, что происходящее в результате серии радиоуглеродных анализов удревнение дат степных комплексов (Зданович 1997: 60; Кузнецов 1997) позволит более обоснованно говорить о разного рода степных приоритетах в продвижении систем военного коневодства, а быть может, и колесниц в зоны древневосточных цивилизаций. Но это особая проблематика, которой Институт истории материальной культуры планирует посвятить специальную публикацию “Индо-иранская проблема и степная археология”. Пока же, не касаясь всего комплекса причин эволюции с обратным знаком, можно лишь сказать, что подобные ритмы в историческом процессе достаточно удачно могут быть объяснены в рамках концепции ранних комплексных обществ.

- АГАПОВ С. А., ВАСИЛЬЕВ И. Б., ПЕСТРИКОВА В. Н. 1990. Хвалынский могильник. Саратов. Аркаим. Исследования, поиски, открытия. 1995. Челябинск.
- БИБИКОВ С. Н. 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА СССР. № 38.
1965. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья // СА. № 1.
- БОБОМУЛЛОВ С. 1997. Зардча-Халифа — новый памятник земледельческой культуры верховьев Заравшана // 50 лет раскопок древнего Пенджикента. Пенджикент.
- БОЧКАРЕВ В. С. 1995. Карпато-дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // КИД.
- БРАТЧЕНКО С. Н. 1967. Раскопки крепости бронзового века у Ростова-на-Дону // АО 1966 года. М.
- ВАСИЛЬЕВ И. Б., КУЗНЕЦОВ П. Ф., СЕМЕНОВА А. П. 1992. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // АВ. № 1.
1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.
- ВИДЕЙКО М. Ю. 1990. Жилищно-хозяйственные комплексы поселения Майданецкое и вопросы их интерпретации // РПТК.
- ВИНОГРАДОВ И. Б. 1995. Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Исторические науки. Вестник Челябинского педагогического института. № 1.
- ГЕНИНГ В. Ф. 1977. Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. № 4.
- ГЕНИНГ В. Ф., ЗДАНОВИЧ Г. Б., ГЕНИНГ В. В. 1992. Синташта. Челябинск.
- ГОРБУНОВ В. С. 1977. Курганы эпохи бронзы на правом берегу р. Демы (Башкирия) // СА. № 1.

1991. Источники, факторы, механизмы и процессы культурогенеза лесостепного Волго-Уралья эпохи бронзы // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы. Саратов.
1996. Срубная культура как объект реконструкции организационных структур, власти и управления населения позднего бронзового века степи и лесостепи Восточной Европы // ДДР.
- ДРЕМОВ И. И. 1996. Курган покровского времени у с. Березовка как материал для социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // ДДР.
- ЗБЕНОВИЧ В. Г. 1980. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев.
1990. К проблеме крупных трипольских поселений // РПГТ.
- ЗДАНОВИЧ Г. Б. 1988. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск.
1989. Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
1995. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индо-европейцев Урало-Казахстанских степей // Аркаим. Челябинск.
1997. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южной Сибири // РА. № 2.
- ЗДАНОВИЧ Г. Б., ЗАЙБЕРТ В. Ф. 1989. Основные закономерности становления хозяйства производящего типа в Урало-Казахстанских степях // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск.
- ЗДАНОВИЧ Г. Б., ЗДАНОВИЧ Д. Г. 1995. Протогородская цивилизация. “Страна городов” Южного Зауралья // РиВ.
- КОВАЛЕВА И. Ф. 1984. Север степного Поднепровья в энеолите — бронзовом веке. Днепропетровск.
1991. Погребения с майкопским инвентарем в левобережье Днестра // ПАП.
1992. Энеолитические курганы у села Чкаловское Днепропетровской области // ПАП. Вып. 2.
- КОВАЛЕВА И. Ф., ПОТЕХИНА П. Д. 1991. Новые энеолитические постмариупольские погребения // ПАП.
- КОРЕНЕВСКИЙ С. Н. 1980. О металлических вещах I Утевского могильника // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- КУЗНЕЦОВ П. Ф. 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита — бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиокарбон. № 1.
- КУЗЬМИНА Е. Е. 1994. Откуда пришли индо-арии? М.
- КУЗЬМИНА О. В. 1995. Соотношение абашевской и покровской культур // КИД. Ч. II.
- КРУЦ В. А. 1990. Планировка поселения у Тальянки и некоторые вопросы трипольского домостроительства // РПТК.
- КУРОЧКИН Г. Н. 1994. “Эра кентавра” в евразийской степной зоне и ее историческое содержание // Взаимодействие древних культур и ритмы культурогенеза. СПб.
- ЛАГОДОВСКАЯ О. Ф., ШАПОШНИКОВА О. Г., МАКАРОВА М. Л. 1962. Михайлівське поселення. Киев.
- ЛЯШКО С. И. 1990. Колесный транспорт Северного Причерноморья в первой половине II тыс. до н. э. // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Запорожье.
- МАССОН В. М. 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.
1967. Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА. № 4.
1975. Первые города. К проблеме формирования городов в ареалах раннеземледельческих культур // Новейшие открытия советских археологов. Киев.
1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
1980. Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок // Первобытная археология — поиски и находки. Киев.
1990. Трипольское общество и его социально-экономическая характеристика // РПТК.
1991. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара ИИМК РАН. СПб.
- 1991а. Майкопский феномен и концепция ранних комплексных обществ // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. СПб.

1995. Народы евразийских степей в эпоху палеометалла и синташтинский пик культу-
рогенеза // РИВ.
1996. Палеолитическое общество Восточной Европы. СПб.
1997. Майкопские лидеры ранних комплексных обществ на Северном Кавказе // Древ-
ние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб.
1998. Эпоха первых великих степных обществ // АВ. № 5.
- МАССОН В. М., МАРКЕВИЧ В. И. 1975. Палеодемография Триполья и вопросы динамики
развития трипольского общества // 150 лет Одесского археологического музея. Тезисы
докладов конференции. Одесса.
- МАТВЕЕВ Ю. П. 1991. Воинские погребения эпохи средней бронзы // Древнейшие общно-
сти земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Киев.
- МЕРПЕРТ Н. Я. 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- МОВША Т. Г. 1971. Святилища трипольской культуры // СА. № 1.
1981. Проблема связей Триполья-Кукутени с племенами культур степного ареала //
Stud. prachist. № 5—6.
- МОРГУНОВА Н. Я. 1995. Элитные курганы ранней и средней бронзы в степном Оренбуржье
// РИВ.
- НЕЛИН Д. В. 1995. Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном
Казахстане // РИВ.
- НЕЧИТАЙЛО А. Л. 1984. О сосудах майкопской типа в степной Украине // СА. № 4.
1996. Европейская степная общность в эпоху энеолита // СА. № 4.
- НОВИЦКИЙ Е. Ю. 1990. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотово-
дов Северо-Западного Причерноморья. Одесса.
- ОТРОЩЕНКО В. В. 1993. Клейноды срубной общности // Археология. № 1.
- Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на террито-
рии СССР. 1956. М.
- ПРЯХИН А. Д. 1976. Поселения абашевской общности. Воронеж.
1977. Погребальные абашевские памятники. Уфа.
- ПРЯХИН А. Д., БЕСЕДИН И. В., ЛЕВЫХ Г. А. 1989. Кондрашинский курган. Воронеж.
- ПУСТОВАЛОВ С. Ж. 1990. О формах политогенеза в катакомбном обществе Северного
Причерноморья // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общно-
сти. Запорожье.
- ПУСТОВАЛОВ С. Ж., ЧЕРНЫХ Л. А. 1983. Опыт применения статистических методов для
половозрастного анализа погребений катакомбной культуры // Методологические и
методические вопросы археологии. Киев.
- РЫЖОВ С. Н. 1990. Микрохронология трипольского поселения у Тальянки // РПТК.
- СИНЮК А. Т. 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- 1996а. К социальной интерпретации некоторых погребений эпохи бронзы // ДДР.
- СМИРНОВ К. Ф., КУЗЬМИНА Е. Е. 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших
археологических открытий. М.
- СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ И. М. 1995. Арийско-уральские связи мифа об Йиме // РИВ.
- ТЕЛЕГИН Д. Я. 1973. Среднепалеолитська культура епохи міді. Киев.
- ЦВЕК О. В. 1993. Релігійні уявлення поселення Трипілья // Археологія. 3.
1995. Веселый Кут — новый центр восточнотрипольской культуры // АВ. № 4.
- ЧЕРЕДНИЧЕНКО Н. И., ПУСТОВАЛОВ С. Ж. 1991. Боевые колесницы и колесничие в об-
ществе катакомбной культуры // СА. № 4.
- ШАПОШНИКОВА О. Г. 1975. Памятники нижнемихайловского типа // Археология Украин-
ской ССР. Т. I. Киев.
- ШАРАФУТДИНОВА Н. И. 1980. Северная курганная группа у сел. Соколовка // Археологи-
ческие памятники Поингуля. Киев.
- ШИШКІН К. В. З практики дешифрування аерофотознімків у археологічних цілях // Ар-
хеологія. 10.
- ШМАГЛИЙ Н. М. 1980. Крупные трипольские поселения в междуречье Днепра и Южного
Буга // Первобытная археология — поиски и находки. Киев.
1990. Итоги и перспективы исследования крупного трипольского поселения у с. Май-
данецкого // РПТК.

- ШМАГЛИЙ Н. М., ВИДЕЙКО М. Ю. 1987. Святилища и культовые места на крупных трипольских поселениях // Религиозные представления в первобытном обществе. М. 1990. Микрохронология поселения Майданецкого // РПТК.
- ЭНГЕЛЬС Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21. М.
- BÖKÖNY S. 1978. The earliest waves of domestic horses in East Europe // *Journal of Indo-European Studies*. 6.
- FRIED M. H. 1967. *The evolution of prehistoric Society*. New York.
- GALLEY A. 1991. La plan des Alpes dans le neolithisation de l'Europe // *Neolithisation*.
- GIMBUTAS M. 1962. Notes on the chronology and expansion of the Pit-grave kurgan culture // *L'Europe a la fin de l'age de la pierre*. Prague.
- KRISTIANSEN K. H. 1991. *Chiefdoms, states and social evolution* // Earle T. *Chiefdoms: power, economy and ideology*. Cambridge.
1992. The emergence of European world system in the Bronze Age. Divergence, convergence and social evolution during first and second millenium B. C. // *Europe in the first millenium B. C.*
- LEVIN M. A. 1990. Derievka and the problem of horse domestication // *Antiquity*. V. 64. n. 245.
- PUSTOVALOV S. Z. 1994. Economic and social organisation Northern-Pont-forest steppe pastoral population 2750—2000 B. C. (catacomb culture) // *Nomadism and pastoralism in the circle of Baltic-Pontic early agrarian culture 5000—1650 B. C.* Poznan.
- RENFREW C. 1973. *Before civilization. Radiocarbon revolution and prehistoric Europe*. New York.
1974. Beyond a subsistence economy: the evolution of social organisation in prehistoric Europe // Moore C. B. *Reconstruction complex societies*. Suppl. to *Buletin of the American Schools of Oriental Research*. n. 20.
1984. *Approaches to social archaeology*. Edinburgh.
- SERVICE A. 1962. *Primitive Social Organisation. An Evolutionary Perspective*. New York.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	—	Археологические вести. Санкт-Петербург.
АО	—	Археологические открытия. Москва.
АЭБ	—	Археология и этнография Башкирии. Уфа.
ГАИМК	—	Государственная Академия материальной культуры.
ЗРАО	—	Записки императорского русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ДДР	—	Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточно-европейской степи и лесостепи. ТД, Воронеж.
КИД	—	Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Санкт-Петербург.
КМК	—	культура многоваликовой керамики.
Л.	—	Ленинград.
М.	—	Москва.
МарИЯЛИ	—	Марийский Институт языка и литературы.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
ПАП	—	Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
РА	—	Российская археология. Москва.
РиВ	—	Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск.
РПТК	—	Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры. ТД, Киев.
СА	—	Советская археология. Москва.
СПб	—	Санкт-Петербург.
ТД	—	Тезисы докладов.
ТСАРАНИОН	—	Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва.
УЗПермГУ	—	Ученые записки Пермского Государственного Университета. Пермь.

СОДЕРЖАНИЕ

В. М. МАССОН

ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ДОСКИФСКИХ ОБЩЕСТВАХ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.....5

Н. М. ШМАГЛИЙ, М. Ю. ВИДЕЙКО

ИЗУЧЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ МАЙДАНЕЦКОЕ.....15

М. Ю. ВИДЕЙКО

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ШМАГЛИЙ —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ.....53

А. Л. НЕЧИТАЙЛО

ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ
СТЕПЕЙ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА 56

О. В. КУЗЬМИНА

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ И
ВОПРОСЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....65

В. М. МАССОН

РАННИЕ КОМПЛЕКСНЫЕ ОБЩЕСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.....135

Contents

V. M. MASSON

THE PROCESS OF THE CULTURAL TRANSFORMATION
IN PRESCYTHIAN SOCIETIES OF EASTERN EUROPE.....5

N. M. SHMAGLIJ, M. YU. VIDEJKO

STUDIES OF THE TRIPOLIAN CULTURE SITE MAJDANETSKOJE.....15

M. YU. VIDEJKO

NIKOLAJ MICHAILOVICH SHMAGLIJ —
THE INVESTIGATOR OF EASTERN EUROPEANS ANTIQUITIES.....53

A. L. NECHITAJLO

TRANSREGIONAL RELATIONS IN CULTURAL GENESIS OF THE EASTERN
EUROPEANS STEPPES IN PALAEOMETALL EPOCH.....56

O. V. KUZMINA

METAL OBJECTS AND SOME ASPECTS OF RELATIVE CHRONOLOGY
OF ABASHEVO CULTURE.....65

V. M. MASSON

EARLY COMPLEX SOCIETIES OF THE EASTERN EUROPE.....135

**ДРЕВНИЕ ОБЩЕСТВА
ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА**
(ранние комплексные общества
и вопросы культурной трансформации)

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90 в 1/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Печ. л. 21.

Заказ № 50

**Европейский Дом
191187, С.-Петербург, ул. Гагаринская, 3
Петербургкомстат
197376, С.-Петербург, ул. проф. Попова, 39**